

История чумы в Лондоне

Даниэль Дефо

History of the Plague in London

Daniel Defoe

Project Gutenberg

Электронная книга проекта Гутенберга по истории чумы в Лондоне

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История чумы в Лондоне

Автор: Даниэль Дефо

Дата выхода: 4 декабря 2005 г. [Электронная книга № 17221]

Последнее обновление: 13 декабря 2020 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсерами выступили Бетанн М. Симмс, Луиза Прайор и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ЧУМЫ В ЛОНДОНЕ" ***

ЭКЛЕКТИЧНАЯ АНГЛИЙСКАЯ КЛАССИКА

ИСТОРИЯ ЧУМЫ В ЛОНДОНЕ

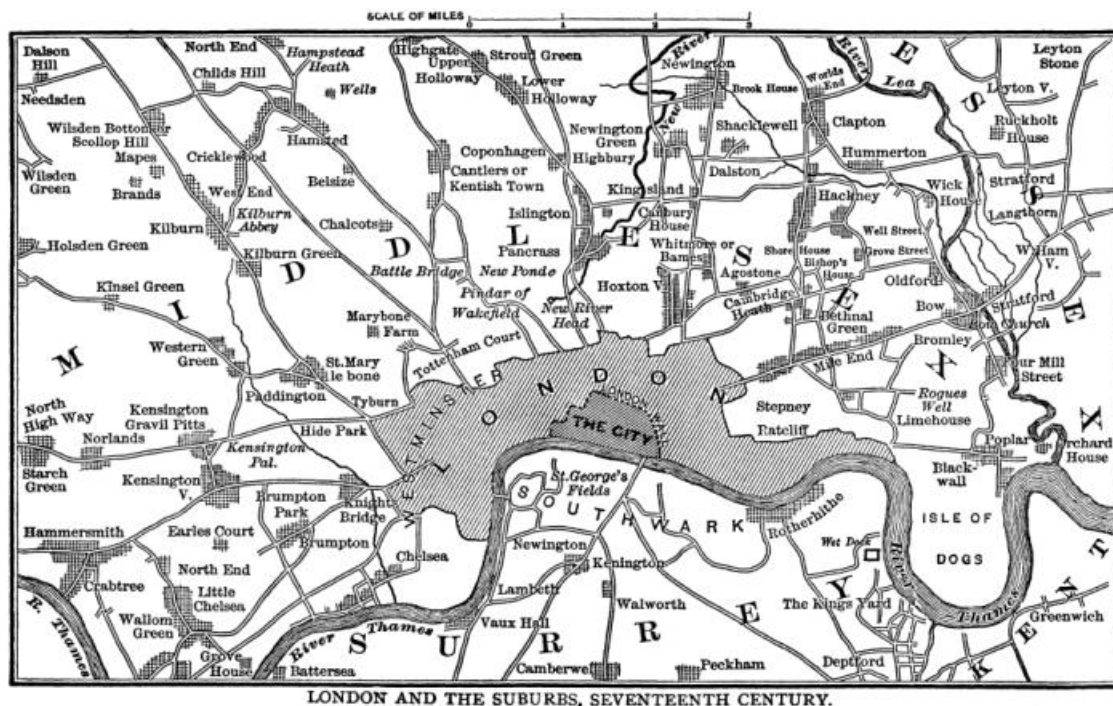
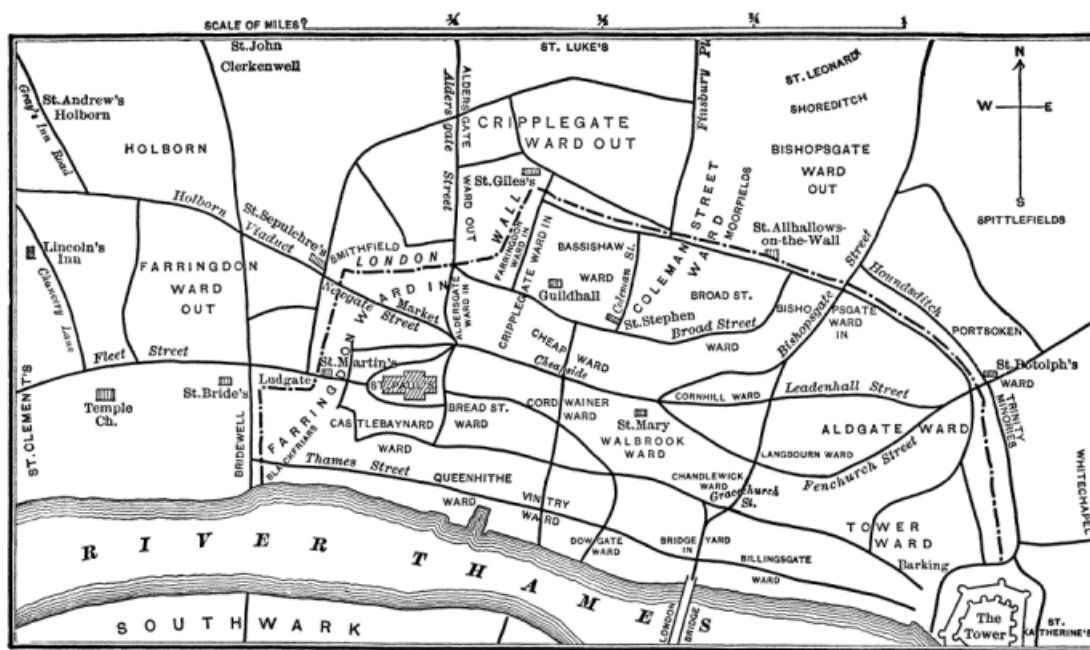
ДАНИЭЛЬ ДЕФО

НЬЮ- ЙОРК ·:· ЦИНЦИННАТИ ·:· ЧИКАГСКАЯ
АМЕРИКАНСКАЯ КНИЖНАЯ КОМПАНИЯ

Авторское право, 1894, Американская книжная компания.

ДЕФО—ЧУМА В ЛОНДОНЕ.

М. 2

Введение.

Отец Даниэля Дефо был мясником в приходе Сент-Джайлс, Крипплгейт, Лондон. В этом приходе, вероятно, Даниэль Дефо родился в 1661 году, через год после реставрации Карла II. Родители мальчика хотели, чтобы он стал несогласным священником, и поэтому доверили его образование мистеру Мортону, который содержал академию для подготовки богословов-нонконформистов. Как долго Дефо пробыл в этой школе, неизвестно. Сам он, по-видимому,

считает, что пробыл там достаточно долго, чтобы стать хорошим ученым; поскольку он заявляет, что ученики "овладели английским языком, и в этом отношении преуспело больше из них, чем в какой-либо другой школе того времени". Если это утверждение верно, мы можем только сказать, что другие школы, должно быть, были действительно очень плохими. Дефо так и не приобрел по-настоящему хорошего стиля, и его ни в коем случае нельзя назвать "мастером английского языка".

Природа одарила Дефо неутомимой энергией, острым вкусом к общественным делам и особой склонностью к придиркам и интригам. Эти качества вряд ли могли продвинуть его по службе, и он благоразумно отказался от этой профессии. С юношеской любовью к приключениям и ненавистью диссидента к Римскому католицизму он принял участие в восстании герцога Монмута (1685) против Якова II. Более удачливый, чем трое его сокурсников, которые были казнены за участие в этом деле, Дефо избежал шума и клича, последовавших за битвой при Седжмуре, и после нескольких месяцев сокрытия стал оптовым торговцем в Корнхилле. Когда Яков II. был свергнут в 1688 году, и протестант Вильгельм Оранский был избран на английский престол, Дефо поспешил присягнуть новой династии. В 1691 году он опубликовал свой первый памфлет "Новое раскрытие старой интриги, сатира на предательство и честолубие". Это написано жалкими стихотворными строчками. То, что Дефо принял это за поэзию и соответственно гордился этим, является лишь доказательством того, насколько некомпетентен автор, чтобы судить о том, что хорошо, а что плохо в его собственном произведении.

В 1692 году Дефо потерпел неудачу в бизнесе, вероятно, из-за слишком пристального внимания к политике, которая теперь начинала поглощать все больше и больше его времени и мыслей. Его политическая позиция четко определена в названии его следующей брошюры "Выбор и истинный интерес англичанина: энергичное ведение войны против Франции и служение К. Уильяму и К. Мэри, и признавая их право". "К. Уильям" был слишком проницательным менеджером, чтобы пренебречь писателем, который продемонстрировал способность стать опасным противником. Соответственно, Дефо получил место бухгалтера в комиссии по производству стекла (1694). С этого времени и до смерти Уильяма (1702) у него не было более преданного и активного слуги, чем Дефо. Бесчисленные памфлеты отдают дань его преданности королю и его политике — памфлеты, написанные в легком, размашистом, добродушном стиле, без особого воображения и страсти; памфлеты, основные аргументы которых основаны на разумных личных интересах и для понимания которых требуется не больше интеллектуальной силы, чем Провидение выделило среднему гражданину. Если бы Дефо жил в девятнадцатом веке, а не в семнадцатом, он получал бы королевское жалованье как автор воскресной газеты и как составитель документов предвыборной кампании и речей для членов Палаты представителей.

В 1701 году Дефо опубликовал свою книгу "Прирожденный англичанин", сатиру на английский народ за его глупое противодействие континентальной политике короля. Это единственное метрическое сочинение плодовитого Дэниела, которое имеет какие-либо претензии называться стихотворением. В нем есть несколько строк, достойных того, чтобы их можно было поставить в один ряд со строками Драйдена, стоящими на втором месте. Например, начало:—

"Где бы Бог ни возводил молитвенный дом,
дьявол всегда строит там часовню;
И при осмотре будет обнаружено, что у

последней самая многочисленная паства".

Или, опять же, это острое и энергичное описание происхождения английской расы:

"Это герои, которые так презирают голландцев,
И так сильно ругают иностранцев из Ньюкома,
Забывая, что все они происходят
От самой негодяйской расы, когда-либо жившей;
Ужасная толпа бродячих воров и трутней,
Которые грабили королевства и опустошали города:
Пикты и раскрашенные бритты, вероломные шотландцы, привезенные сюда голодом,
воровством и грабежом;
норвежские пираты, датские пираты-буканьеры,
Чьи рыжеволосые отпрыски повсюду остаются:
"Пикты и раскрашенные бритты"
Которые, соединившись с норманнскими французами, создают породу, от которой происходят
ваши истинные англичане".
....."

Как ни странно, англичанам так понравился этот юмористический очерк о них самих, что они купили восемьдесят тысяч экземпляров этого произведения. Не часто правдолюбец бывает так вознагражден.

Вполне естественно, что воодушевленный успехом этого эксперимента, в следующем году Дефо опубликовал свой знаменитый "Кратчайший путь с диссидентами", сатиру на разъяренных Высших церковников и тори, которые готовы были раздирать инакомыслящих зубами и ногтями. К сожалению, автор переоценил способность среднестатистического тори видеть сквозь каменную стену. Ирония была принята за искренность и одобрительно процитирована теми, кого она должна была высмеять. Когда истина пробилась сквозь затемнение интеллекта тори, они, естественно, пришли в ярость. У них было достаточно влияния, чтобы арестовать Дефо и заключить его в Ньюгейт примерно на восемнадцать месяцев. Его также заставили три дня простоять у позорного столба; но неправда, что ему обрезали уши, как намекает Папа в своем "Безухий на высоте стоял беззастенчивый Дефо".

Каковы точные условия, на которые Дефо договорился с министерством, и на каких именно условиях он был освобожден из Ньюгейта, установлено не было. Несомненно, он никогда не переставал писать, даже находясь в тюрьме, как анонимно, так и под своим собственным именем. В течение нескольких лет, в дополнение к брошюре за брошюрой, он издавал газету, которую называл "Ревью", ¹ в которой он в целом встал на сторону умеренных вигов, искренне выступал за союз с Шотландией и дал английскому народу множество полезных советов по внешней политике и внутренней торговле. Нет никаких сомнений в том, что в это время он состоял на секретной службе правительства. Когда тори сместили вигов в 1710 году, он сумел сохранить свой пост и передал свое "Обозрение" новым хозяевам, оправдывая свой переход неискренним заявлением о том, что предпочитает страну партии. Его брошюраперо Эринга

теперь было столь же активно на службе премьер-министра Тори Харли, как и у виг Годольфина. Партия последнего справедливо считала его предателем своего дела и добилась постановления Суда королевской скамьи, предписывающего генеральному прокурору привлечь Дефо к ответственности за определенные памфлеты, которые, как они объявили, были направлены против ганноверского престолонаследия. Прежде чем состоялся суд, Харли, по чьему наущению были написаны памфлеты, добился королевского помилования своего приспешника.

Когда тори отстранились от власти после смерти королевы Анны (1714) и виги снова получили власть в свои руки, перед Дефо был открыт только один из двух путей: он должен был либо навсегда уйти из политики, либо снова перейти на другую сторону. Он без колебаний выбрал последнее. Но его политическая репутация теперь упала так низко, что ни одна партия не могла позволить себе позора в виде его открытой поддержки. Соответственно, он был нанят в качестве литературного и политического шпиона, якобы выступавшего против правительства, втершегося в доверие к редакторам-консерваторам и политикам, использовавшего свое влияние как автора редакционных статей для подавления материалов, неприятных правительству, и предлагавшего своевременно привлечь к ответственности тех критиков, которых он не мог контролировать. Он мог играть эту двойную роль в течение восьми лет, пока его предательство не было раскрыто неким Мистом, чей "Дневник" Дефо, по его собственным словам, "отключил и ослабил, чтобы не причинять вреда и не оскорблять правительство". Мист поспешил раскрыть истинный характер Дефо своим коллегам-владельцам газет; и в 1726 году мы находим, что добрый Даниэль печально жаловался: "Я не опубликовал свой проект в этой брошюре, мог ли я опубликовать его в каком-либо из журналов, не наказывая журналистов или издателей.... Я не только испытал унижение, обнаружив, что то, что я отправил, отвергнуто, но и потерял свои оригиналы, не сняв копий с того, что я написал".² Неуклюжее правосудие наконец-то настигло закоренелого лжеца своего времени.

Из двухсот пятидесяти с лишним книг и памфлетов, написанных Дефо, можно справедливо сказать, что только две — "Робинзон Крузо" и "История чумы в Лондоне" — читают все, кроме тех, кто специально изучает литературу восемнадцатого века. Последнее будет обсуждаться в другой части этого Введения. Относительно первого можно утверждать, что оно возникло естественным образом из обстоятельств профессии Дефо как журналиста. До тех пор, пока газеты будут публиковать его статьи, никто из выдающихся людей не мог умереть без того, чтобы Дефо не выступил с его биографией. В этих биографиях, когда фактов было мало, Дефо черпал их из своего воображения, приписывая своему герою такие чувства, которые, по его мнению, мог понять средний лондонец, и описывая его внешность с той мельчайшей точностью, на которую, как предполагается, способен только очевидец. Долгая практика в такого рода сочинениях сделала Дефо адептом в искусстве "лгать, как правда". Поэтому, когда в поле его зрения попали настоящие и экстраординарные приключения Александра Селькирка, для Дефо не было ничего более естественного и выгодного, чем ухватиться за этот материал и переработать его, точно так же, как он переработал жизни Джека Шеппарда, разбойника с большой дороги, и Эйвери, короля пиратов. Интересно также отметить, что дата публикации "Робинзона Крузо" (1719) соответствует тому времени, когда Дефо вел отчаянную и опасную игру политического шпиона. Одно-единственное неверное движение может привести к удару ножом в темноте или к тому, что его посадят в трюм для перевозки на какой-нибудь тропический остров, где ему может очень понадобиться упражнение тех умственных способностей, которые так интересуют нас в "Крузо". Тайна жизни Дефо в то время была известна только ему самому и

министру, который ему платил. В Лондоне он был почти так же одинок, как Крузо на своем необитаемом острове.

Успех, которого добился Дефо в "Робинзоне Крузо", он так и не повторил. Полное отсутствие у него художественной совести проявляется в том, что он добавил к "Робинзону Крузо" скучную вторую часть и еще более скучную серию серьезных размышлений, которые, возможно, приходили в голову Крузо во время его пребывания на острове. Даже о других лучших романах Дефо — "Молл Фландерс", "Роксана", "Капитан Синглтон" — писатель должен признать, что его оценка совпадает с оценкой мистера Лесли Стивена, который находит две трети из них "смертельно скучными", а трактовку типа "не может поднять [рассказ] выше очень умеренного уровня".³

Заключительные сцены жизни Дефо были невеселыми. Похоже, он потерял большую часть состояния, нажитого благодаря своим многочисленным писаниям и едва ли менее многочисленным спекуляциям. В течение двух лет, непосредственно предшествовавших его смерти, он жил в укрытии вдали от своего дома, хотя почему он бежал и от какой опасности, точно неизвестно. Он умер в доме на Канатоходной аллее в Мурфилдсе 26 апреля 1731 года.

Единственное имеющееся у нас описание внешности Дефо — это объявление, опубликованное в 1703 году, когда он скрывался, чтобы избежать ареста за свой "Кратчайший путь с инакомыслящими":-

" Это худощавый мужчина средних лет, около сорока, со смуглым цветом лица и темно-каштановыми волосами, но носит парик; у него крючковатый нос, острый подбородок, серые глаза и большая родинка возле рта".

В 1720-21 годах чума, которая не посещала Западную Европу в течение пятидесяти пяти лет, с большой силой вспыхнула в Марселе. В этом городе от болезни умерло около пятидесяти тысяч человек, и в Лондоне чувствовалась большая тревога, что инфекция может достичь Англии. Это был журналистский шанс, который такой опытный газетчик, как Дефо, не мог упустить. Соответственно, 17 марта 1722 года появился его "Дневник чумного года: наблюдения или Воспоминания о наиболее примечательных событиях, как публичных, так и частных, которые произошли в Лондоне во время Последнего Великого посещения в 1665 году". Написано гражданином, который все это время находился в Лондоне. Никогда ранее не публиковался. " История рассказана с такой аурой правдивости, мелкие косвенные детали представлены с такой очевидной безыскусственностью, гротескные происшествия описаны с таким оживлением (и вкусом!), ужас, охвативший разум рассказчика, настолько очевидно искренен, что мы можем легко понять, почему почти все, кто не был посвящен в тайну авторства, верили, что у них здесь подлинный "Дневник", написанный человеком, который действительно видел описываемые им сцены. Действительно, мы знаем, что спустя двадцать три года после публикации "Дневника" это впечатление все еще преобладало; ибо Дефо серьезно цитируется как авторитетный автор в "Рассуждении о чуме" Ричарда Мида, члена Колледжа врачей и Королевского общества и врача его Величества. 9-е издание. Лондон, 1744." Хотя Дефо, как и его восхищенный критик мистер Сейнтсбери, не обладал большим чувством юмора, даже в могиле он, должно быть, почувствовал щекотку, услышав эту тяжеловесную научную дань его мастерству в искусстве реалистического описания.

Если мы подробнее разберемся в секрете успеха Дефо в "Истории чумы", мы обнаружим, что он заключается в значительной степени в его дальновидности, или способности ясно и точно видеть то, что он описывает, прежде чем он попытается перенести это описание на бумагу. Поскольку Дефо было всего четыре года во время Великой чумы, его личные воспоминания о ее последствиях, должно быть, были самыми смутными; но в годы детства (наиболее богатого воображением периода жизни) он, должно быть, часто беседовал с людьми, перенесшими чуму, возможно, с теми, кто сам выздоровел от нее. Должно быть, он часто посещал места, опустошенные чумой и пощажённые Великим пожаром 1666 года; должно быть, он часто с детским ужасом смотрел на эти ужасные курганы, под которыми лежали, прижавшись друг к другу, сотни человеческих тел — богатых и бедных, знатных и низших, негодяев и святых, — наконец-то разделивших одну общую постель. Его цепкая память, должно быть, сохранила хотя бы очертания этих отвратительных образов, так эффективно воссозданных много лет спустя с помощью его мощного, хотя и ограниченного воображения.

Дефо обладал способностью стать хорошим ученым и усвоить элементы хорошего английского стиля; но совершенно очевидно, что он этого так и не сделал. У него никогда не было времени, или, скорее, он никогда не тратил его, неизменно предпочитая количество качеству. Те его работы, которые сохранились до наших дней, читаются не из-за их стиля, а вопреки его стилю. Его синтаксис свободен и неучтив; его словарный запас обилен, но часто неточен; многие его предложения бесконечно сбивчивы, им не хватает единства, точности и сбалансированности. Фигурами речи он редко злоупотребляет, потому что сам редко ими пользуется; его воображение, как замечалось ранее, крайне ограничено в пределах досягаемости. То, что Дефо, несмотря на эти недостатки, сумел заинтересовать нас своей "Чумой", является замечательной данью его особым способностям, описанным в предыдущем абзаце.

В Примечаниях редактор указал такие исправления, которые необходимы, чтобы учащийся не думал, что, читая Дефо, он пьет из "источника английского языка без примесей". Искусство написания английской прозы, одновременно научной, четкой и энергичной, было хорошо понято великими современниками Дефо - Драйденом, Свифтом и Конгривом; Дефо, похоже, не приходило в голову, что он может чему-то научиться из их практики. Он получил свою награду. "Робинзон Крузо", возможно, по-прежнему привлекает внимание ребенка и кухонной служанки, но "Эссе о драматической поэзии", "Битва книг" и "Любовь за любовь" предназначены для мужчин и женщин культуры.

"Стандартная жизнь Дефо" Уильяма Ли (Лондон, Дж. К. Хоттен, 1869). У Уильяма Минто в серии "Английские литераторы" есть превосходная краткая биография Дефо. Что касается критики, то единственная хорошая оценка, с которой я знаком, - это Лесли Стивен в "Часах в библиотеке", первая серия. О характере статьи о Дефо в "Британнике" можно судить, заметив, что автор (Сейнтсбери) серьезно сравнивает Дефо с Карлайлом как писателя-описателя. Было бы утешительно думать, что это задумано как шутка.

Тем, кто хочет узнать о чуме больше, чем рассказывает Дефо, следует обратиться к книге Безант "Лондон", стр. 376-394 (Нью-Йорк, Harpers). Безант ссылается на две брошюры, "Чудесный год"

и "Гражданский голос", которые, по его мнению, Дефо, должно быть, использовал при написании своей книги.

Сноски

- 1 Сначала еженедельно; с пятым номером - раз в две недели; после первого года - раз в три недели.
- 2 Предисловие к его брошюре, озаглавленной "Уличные грабежи".
- 3 Совсем иную оценку смотрите в Подборках Сентсбери из второстепенных романов Дефо.

ИСТОРИЯ ЧУМЫ В ЛОНДОНЕ

Примерно в начале сентября 1664 года я, как и остальные мои соседи, услышал в обычной беседе, что чума снова вернулась в Голландию; ибо она была очень сильной там, и особенно в Амстердаме и Роттердаме, в 1663 году, куда, как говорят, она была завезена (одни говорили из Италии, другие - из Леванта) среди некоторых товаров, которые были доставлены домой турецким флотом; другие говорили, что она была завезена из Кандии; третьи - с Кипра. Не имело значения, откуда он взялся, но все сходились на том, что он снова попал в Голландию.⁴

В те дни у нас не было такого понятия, как печатные газеты, чтобы распространять слухи и сообщения о вещах и улучшать их с помощью человеческого изобретения, как это практикуется с тех пор, как я дожил до этого. Но подобные сведения были почерпнуты из писем купцов и других лиц, переписывавшихся за границей, и передавались от них только из уст в уста, так что информация не распространилась мгновенно по всей стране, как это происходит сейчас. Но, похоже, управительства был правдивый отчет об этом, и было проведено несколько консультаций⁵ о способах предотвращения распространения; но все держалось в строжайшей тайне. Вот почему этот слух снова утих; и люди начали забывать о нем, как о чем-то, что нас очень мало интересовало и что, как мы надеялись, было неправдой, до конца ноября или начала декабря 1664 года, когда двое мужчин, предположительно французов, умерли от чумы в Лонгакре, или, скорее, в верхнем конце Друри-Лейн.⁶ Семья, в которой они находились, пыталась скрыть это, насколько это было возможно; но, поскольку это получило некоторое распространение в разговорах соседей, государственные секретари⁷ узнали об этом. И что касается того, чтобы расспросить об этом, то, чтобы быть уверенными в истине, двум врачам и хирургу было приказано отправиться в дом и произвести осмотр. Это они и сделали, и, обнаружив очевидные признаки⁸ болезни на обоих телах умерших, они публично высказали свое мнение, что они умерли от чумы. После чего это было передано приходскому клерку,⁹ и он также вернул их¹⁰ в холл; и это было напечатано в еженедельном отчете о смертности обычным способом, таким образом:—

Чума, 2. Зараженные приходы, 1.

Люди проявили большую озабоченность по этому поводу и начали тревожиться по всему городу, тем более что на последней неделе декабря 1664 года в том же доме от той же болезни умер еще один человек. И затем нам снова стало легко примерно на шесть недель, когда, поскольку никто не умер от каких-либо признаков инфекции, было сказано, что чумка прошла;

но после этого, я думаю, это было примерно 12 февраля, еще один умер в другом доме, но в том же приходе и таким же образом.

Это в значительной степени привлекло внимание людей к этому концу города; и поскольку еженедельные отчеты показывали увеличение числа похорон в приходе Сент-Джайлс больше, чем обычно, начали подозревать, что среди людей в этом конце города была чума и что многие умерли от нее, хотя они позаботились о том, чтобы скрыть это от общественности, насколько это было возможно. Это очень занимало головы людей, и мало кто хотел проходить по Друри-Лейн или другим подозрительным улицам, если только у них не было чрезвычайных дел, которые вынуждали их к этому.

Это увеличение счетов было таким: обычное количество похорон за неделю в приходах Сент-Джайлс-ин-Филдс и Сент-Эндрюс, Холборн, ¹¹ были ¹²от двенадцати до семнадцати или девятнадцати человек каждому, немногим больше или меньше; но с того времени, как в приходе Сент-Джайлс впервые началась чума, было замечено, что число обычных захоронений значительно увеличилось. Например:—

С 27 декабря по 3 января,	Сент. Джайлс,	16
	ул. С 3 по 10 января,	с
17	января, ул. Андреевская. Джайлс	12
	Сент-Эндрюс	25
января с 10 по 17 января,	Сент-Джайлс	18
	Сент-Эндрюс	18
января с 17 по 24 января,	St. Джайлс	23
	Сент-Эндрюс	16
января с 24 по 31 января,	Сент-Джайлс с	24
	Сент-Эндрюс с	15
января с 31 по 7 февраля,	Сент-Джайлс с	21
	Сент-Эндрюс с	23
февраля с 7 по 14 февраля,	Сент-Джайлс с Джайлзу	24
года, из-за чего он стал одним из зачумленных.		

Подобное увеличение счетов наблюдалось в приходах Сент—Брайд, примыкающих с одной стороны к приходу Холборн, и в приходе Сент-Джеймс, Клеркенуэлл, примыкающем с другой стороны к Холборну; в обоих этих приходах обычное число умерших еженедельно составляло от четырех до шести или восьми, тогда как в то время они увеличивались следующим образом:—

С 20 по 27 декабря,	Сент-Брайд	0
	Сент-Джеймс	8
декабря 27 по 3 января,	Сент-Брайд	6
	Сент-Джеймс	9
января с 3 по 10 января,	Сент-Брайд	11
	Сент-Джеймс	7

января с 10 по 17 января,	Сент-Брайд	12
	Сент-Джеймс с	9
с 17 по 24 января,	Сент-Брайдс	9
	Сент-Джеймс	15
с 24 по 31 января,	Сент-Брайд	8
	Сент-Джеймс	12
с 31 января по 7 февраля,	Сент-Брайд	13
	Сент-Джеймс	5
с 7 по 14 февраля,	Сент-Брайд	12
	Сент-Джеймс	6

Кроме того, люди с большим беспокойством заметили, что еженедельные счета в целом за эти недели очень сильно выросли, хотя это было в то время года, когда обычно счета очень умеренные.

Обычное количество захоронений в списках умерших за неделю составляло примерно от двухсот сорока или около того до трехсот. Последнее было сочтено довольно высоким счетом; но после этого мы обнаружили, что счета последовательно увеличивались следующим образом:

	Похоронен.	Увеличено.
С 20 по 27 декабря	291	0
с 27 декабря по 3 января	349	58
с 3 по 10 января	394	45
с 10 по 17 января	415	21
с 17 по 24 января	474	59

Этот последний счет был действительно ужасающим, поскольку было известно, что за неделю, прошедшую с предыдущего посещения в 1656 году, было похоронено больше, чем когда-либо.

Однако все это снова пошло наперекосяк; погода стала холодной, а морозы, начавшиеся в декабре, все еще оставались очень сильными почти до конца февраля, сопровождаемые резкими, хотя и умеренными ветрами, счета снова уменьшились, и город оздоровился; и все начали считать, что опасность почти миновала, вот только количество похорон в Сент-Джайлсе по-прежнему было высоким. Особенно с начала апреля их было двадцать пять каждую неделю, до недели с 18-го по 25-е, когда появилась ¹³ похороненных в тридцати приходах Сент-Джайлса, из которых двое умерли от чумы и восемь от пятнистой лихорадки (что рассматривалось как одно и то же); аналогичным образом число умерших от пятнистой лихорадки в целом увеличилось, составив восемь за неделю до этого. , и двенадцать на вышеназванной неделе.

Это снова встревожило нас всех; и среди людей возникли ужасные опасения, особенно из-за того, что погода теперь изменилась и стало теплее, а лето было уже близко. Однако на следующей неделе, казалось, снова появились некоторые надежды: счета были невелики;

общее число умерших составило всего 388 человек; чумы не было, а пятнистой лихорадки - всего четверо.

Но на следующей неделе болезнь вернулась снова, и чума распространилась на два или три других прихода, а именно на Сент-Эндрюс, Холборн, Сент-Клементс-Дейнс; и, к великому огорчению города, один человек умер в городских стенах, в приходе Сент-Мэри-Вул-Черч, то есть на Беарбиндер-лейн, недалеко от Фондового рынка: всего там было девять заболевших чумой и шесть - пятнистой лихорадкой. Однако после расследования было установлено, что француз, умерший на Бирбиндер-лейн, был одним из тех, кто, прожив в Лонгакре, недалеко от зараженных домов, переехал из-за страха перед чумой, не зная, что он уже заражен.

Это было начало мая, но погода стояла умеренная, переменчивая и достаточно прохладная, и у людей все еще были какие-то надежды. Их ободряло то, что город был здоровым. Во всех девяти семи приходах было похоронено всего пятьдесят четыре человека, и мы начали надеяться, что, поскольку это было в основном среди людей в этом конце города, дальше дело не пойдет; и тем вернее, потому что на следующей неделе, которая была с 9 по 16 мая, умерло всего трое, из которых ни одного во всем городе или либертиз;¹⁴ и в церкви Святого Андрея похоронены не пятнадцать, что было очень мало. Это правда, Сент-Джайлс похоронил тридцать два человека; но все же, поскольку чума была всего одна, люди начали успокаиваться. Весь счет также был очень низким: за предыдущую неделю счет составлял всего триста сорок семь, а за вышеупомянутую неделю - всего триста сорок три. Мы продолжали тешить себя этими надеждами еще несколько дней; но это длилось недолго, потому что людей больше нельзя было так обманывать. Они обыскали дома и обнаружили, что чума действительно распространилась повсюду и что многие умирали от нее каждый день; так что теперь все наши оправдания¹⁵ прекратились, и скрывать это больше было нельзя. Более того, вскоре выяснилось, что инфекция распространилась сама по себе, превзойдя все надежды на борьбу; что в приходе Сент-Джайлс она распространилась на несколько улиц, и несколько семей лежали больными все вместе; и, соответственно, в еженедельном счете за следующую неделю эта болезнь начала проявляться. Действительно, было убито всего четырнадцать человек от чумы, но все это было мошенничеством и сговором; что касается прихода Сент-Джайлс, то всего они похоронили сорок человек, из которых, несомненно, большинство умерло от чумы, хотя были убиты и от других болезней. И хотя число всех захоронений было¹⁶ не увеличилось более тридцати двух, а общее число составило всего триста восемьдесят пять, все же там была¹⁷ четырнадцать случаев пятнистой лихорадки, а также четырнадцать человек заболели чумой; и в целом мы считали само собой разумеющимся, что на той неделе от чумы умерло пятьдесят человек.

Следующий счет был за период с 23 мая по 30-е, когда число жертв чумы составляло семнадцать; но захоронений в Сент-Джайлсе было пятьдесят три - ужасающее число, из которых только девять умерли от чумы. Но при более тщательном рассмотрении, проведенном мировыми судьями, и по запросу лорда-мэра¹⁸, было обнаружено, что в этом приходе было еще двадцать человек, которые действительно умерли от чумы, но были диагностированы от пятнистой лихорадки или других чумных заболеваний, помимо других скрытых.

Но это были пустяки по сравнению с тем, что последовало сразу после. На данный момент погода установилась жаркая; и с первой недели июня инфекция распространилась ужасающим образом, и счета выросли¹⁹ высоко; начали опухать предметы, вызывающие лихорадку,

пятнистая лихорадка и зубы: все, что могло скрыть их болезни, делало это для того, чтобы их соседи избегали их и отказывались разговаривать с ними, а также для того, чтобы власти не заставляли их замолчать. дома, которые, хотя это еще и не практиковалось, все же подвергались угрозе; и люди были чрезвычайно напуганы при мысли об этом.

На вторую неделю июня приход Сент-Джайлс, где все еще ощущалась тяжесть инфекции, похоронил сто двадцать человек, из которых, хотя в счетах говорилось всего о шестидесяти восьми случаях чумы, все говорили, что их было по меньшей мере сто, если исходить из обычного количества похорон в этом приходе, как указано выше.

До этой недели город оставался свободным, там никто не умирал, за исключением одного француза, который²⁰, о которых я упоминал ранее, во всех девяноста семи приходах. Так вот, в черте города погибло четверо: один на Вуд-стрит, один на Фенчерч-стрит и двое на Крукид-лейн. Саутурк был полностью свободен, поскольку по ту сторону моря еще ни один человек не погиб.

Я жил за Олдгейт, примерно на полпути между Олдгейтской церковью и барами Уайтчепела, по левую руку, или северной стороне улицы; и поскольку эпидемия не добралась до этой части города, наше соседство продолжалось очень спокойно. Но на другом концегорода их ужас был очень велик; и люди побогаче, особенно знать и джентри из западной части города, толпились за городом со своими семьями и слугами необычным образом. И особенно это было заметно в Уайтчепеле, то есть на Брод-стрит, где я жил. Действительно, ничего не было видно, кроме фургонов и повозок с товарами, женщинами, слугами, детьми и т. Д.; Карет, наполненных людьми лучшего сорта, и сопровождавших их всадников, и все они спешили прочь; затем появились пустые фургоны и повозки и запасные лошади со слугами, которые, очевидно, возвращались или были посланы из деревни за новыми людьми; кроме бесчисленного количества всадников, одни одни, другие со слугами, и, вообще говоря, все они были нагружены багажом и снаряжены для путешествия, как любой мог понять по их внешнему виду.

Это было очень страшное и меланхоличное зрелище, и поскольку я не мог не любоваться им с утра до ночи (ибо на самом деле больше нечего было смотреть), оно наполнило меня очень серьезными мыслями о несчастье, которое надвигалось на город, и о плачевном положении тех, кто в нем останется.

Эта спешка людей была такой в течение нескольких недель, что к дверям лорд-мэра нельзя было подобраться без особого труда; там была такая давка и столпотворение, чтобы получить пропуска и справки о состоянии здоровья для тех, кто выезжал за границу; ибо без них не разрешалось проезжать через города по дороге или останавливаться в какой-либо гостинице. Теперь, поскольку за все это время в городе никто не умер, милорд-мэр без каких-либо затруднений выдал справки о состоянии здоровья всем тем, кто жил в девяноста семи приходах, а также тем, кто какое-то время находился в пределах свободы.

Эта спешка, говорю я, продолжалась несколько недель, то есть весь май и июнь; и тем более, что ходили слухи, что будет издан приказ правительства установить заставы²¹ и заграждения на дорогах, препятствующие передвижению людей; и что города по дороге не будут пропускать людей из Лондона, опасаясь, что они попадут в аварию. о том, что они принесли с собой инфекцию, хотя ни один из этих слухов не имел под собой никаких оснований, кроме как в воображении, особенно поначалу.

Теперь я начал серьезно размышлять сам с собой о своем собственном случае и о том, как мне следует поступить; то есть, должен ли я решить остаться в Лондоне или запереть свой дом и бежать, как поступили многие мои соседи. Я описал это так подробно, потому что не знаю, но это может иметь значение для тех, кто придет после меня, если они окажутся в таком же бедственном положении и таким же образом сделают свой выбор; и поэтому я хочу, чтобы этот отчет мог сойти для них скорее за руководство к действию, чем за историю моих действий, поскольку для них может не иметь ни малейшего значения то, что стало со мной.

Передо мной стояли две важные задачи: первая заключалась в продолжении моего бизнеса и лавки, которые были значительными и на которые было вложено все мое имущество в мире; и вторая заключалась в сохранении моей жизни в условиях столь ужасного бедствия, которое, как я видел, явно надвигалось на весь город и которое, каким бы великим оно ни было, мои страхи, возможно, как и страхи других людей, были намного больше, чем могло быть.

Первое соображение имело для меня большое значение. Я был шорником, и поскольку мои сделки велись в основном не через лавку или случайное ремесло, а среди купцов, торгующих с английскими колониями в Америке, то мое имущество в значительной степени находилось в руках таких людей. Я был холостым человеком, это правда; но у меня была семья слуг, которые²² Я продолжал заниматься своим делом; у меня были дом, лавка и склады, полные товаров; короче говоря, оставить все это так, как и положено оставлять вещи в таком случае, то есть без какого-либо надсмотрщика или человека, которому можно было бы их доверить, означало рисковать потерей не только мое ремесло, но о моих товарах, да и вообще обо всем, что у меня было в мире.

У меня был старший брат, который в то же время жил в Лондоне и не за много лет до этого приехал из Португалии; и, посоветовавшись с ним, он дал ответ в трех словах, тот же, что был дан в другом случае²³ совсем другой, а именно: "Учитель, спаси себя". Одним словом, он был за то, чтобы я удалился в деревню, как он решил сделать сам, со своей семьей; рассказывая мне то, что он, кажется, слышал за границей, что лучшая подготовка к чуме - это бежать от нее. Что касается моего аргумента о потере моей торговли, моих товаров или долгов, он полностью опроверг меня: он сказал мне то же самое, что я приводил в пользу своего пребывания, а именно, что я доверю Богу свою безопасность и здоровье, было сильнейшим отпором²⁴ моим претензиям на потерю моей торговли и моих товаров. "Ибо, - говорит он, - разве не столь же разумно, что вы доверяете Богу возможность или риск потерять свое ремесло, как и то, что вы остаетесь в столь опасной точке и доверяете ему свою жизнь?"

Я не мог утверждать, что у меня были какие-либо затруднения с выбором места для поездки, поскольку у меня было несколько друзей и родственников в Нортгемптоншире, откуда родом наша семья; и особенно у меня была единственная сестра в Линкольншире, которая очень хотела принять и развлечь меня.

Мой брат, который уже отправил свою жену и двоих детей в Бедфордшир и решил последовать за ними, очень серьезно настаивал на моем отъезде; и я однажды решил удовлетворить его желания, но в то время не мог достать лошадь: ибо, хотя это правда, что не все люди выезжали из лондонского сити, все же я могу рискнуть сказать, что в некотором смысле все лошади выезжали; ибо во всем городе вряд ли можно было купить или нанять лошадь в течение нескольких недель. Однажды я решил отправиться пешком с одним слугой и, как делали многие, не останавливаться на постоялом дворе, а взять с собой солдатскую палатку и так

лежать в поле, погода была очень теплая, и никакой опасности простудиться не было. Я говорю "как делали многие", потому что некоторые, наконец, сделали это, особенно те, кто служил в армии, на войне²⁵, что было не так уж много лет назад: и я должен сказать, что, говоря о вторых причинах, если бы большинство путешествовавших людей поступили так, чума не была бы занесена в такое большое количество сельских городов и домов, как это было, с большим ущербом и, по сути, с населением. разруха от обилия людей.

Но затем мой слуга, который²⁶, которого я намеревался забрать с собой, обманул меня и, испугавшись усиления болезни и не зная, когда мне следует уйти, он принял другие меры и оставил меня: так что я был отложен на это время. И, так или иначе, я всегда обнаруживал, что назначать отъезд всегда мешал какой-нибудь несчастный случай, чтобы снова разочаровать и отложить это дело. И это приводит к рассказу, который в противном случае можно было бы считать ненужным отступлением, а именно о том, что эти разочарования ниспосланы с Небес.

Однажды утром, когда я размышлял об этой конкретной вещи, мне очень тепло пришло в голову, что поскольку ничто не посещает нас без направления или разрешения Божественной Силы, то в этих разочарованиях должно быть что-то экстраординарное, и я должен подумать, не указывало ли это явно или намекало мне, что по воле Небес я не должен уезжать. В моих мыслях немедленно последовало, что, если это действительно было от Бога, что я должен остаться, он был способен эффективно защитить меня посреди всей смерти и опасности, которые будут окружать меня; и что если я попытаюсь обезопасить себя, сбежав из своего жилища, и поступлю вопреки этим указаниям, которые я считал божественными, это будет своего рода бегством от Бога, и что он может заставить свое правосудие настигнуть меня, когда и где он сочтет нужным.²⁷

Эти мысли снова полностью изменили мое решение; и когда я снова заговорил со своим братом, я сказал ему, что склоняюсь к тому, чтобы остаться и принять свою судьбу на том посту, на который поставил меня Бог; и что, по-видимому, это стало моим особым долгом из-за того, что я сказал.

Мой брат, хоть и очень религиозный человек сам, смеялся над всем, что я имела предположение о его намек с небес, и рассказал мне несколько историй такой отчаянный человек, как он называл их, как я; что я бы действительно представить, что это рай, если бы я был никак отключены от смуты и болезни, и затем, не будучи в состоянии идти, я должен согласиться на сторону того, кто, побывав мой Создатель, имели бесспорное право на суверенитет, избавляясь от меня, и что тогда было без труда определить, какой был вызов Его промыслу, и которых не было; но то, что я должен принимать это как намек свыше, что я должна не выезжать из города, только потому, что я не мог нанять лошадь, чтобы идти, и мой парень был бежать, что было посещать меня, было смешно, поскольку в то же время у меня было мое здоровье и конечностей, и других служащих, и может с легкостью путешествовать через день или два пешком, и, имея хороший аттестат, будучи в полном здравии, может либо нанять лошадь, или занять пост на дороге, как я считал нужным.

Затем он продолжил рассказывать мне о пагубных последствиях, которые сопровождают самонадеянность турок и мусульман в Азии и в других местах, где он бывал (ибо мой брат, будучи торговцем, за несколько лет до этого, как я уже заметил, вернулся из-за границы, приехав последним из Лиссабона); и как, полагаясь на их предполагаемое предопределение²⁸полагая, что конец каждого человека предопределен и неизменно

предопределен заранее, они беззаботно отправлялись в зараженные места и беседовали с инфицированными людьми, в результате чего умирало от десяти до пятнадцати тысяч человек в неделю, в то время как европейцы или христианские купцы, которые держались уединенно и сдержанно, обычно избегали заражения.

После этих рассуждений мой брат снова изменил мое решение, и я начал принимать решение уехать и соответственно все подготовил; ибо, короче говоря, инфекция вокруг меня усилилась, а счета выросли почти до семисот долларов в неделю, и мой брат сказал мне, что больше не рискнет оставаться. Я попросил его дать мне подумать об этом до следующего дня, и я приму решение; и поскольку я уже подготовил все, насколько мог, что касается моего бизнеса и того, кому²⁹ мне оставалось только решить.

В тот вечер я вернулся домой очень подавленный, нерешительный и не знающий, что делать. Я выделил этот вечер, чтобы серьезно обдумать его, и был совершенно один; потому что люди уже, так сказать, по общему согласию приняли обычай не выходить на улицу после захода солнца: о причинах, о которых у меня будет возможность рассказать позже.

Уединяясь этим вечером, я попытался сначала решить, что должен был сделать, и я изложил доводы, с помощью которых мой брат убеждал меня уехать в деревню, и противопоставил им сильные впечатления, которые у меня были в пользу того, чтобы остаться, — видимый призыв, который, казалось, исходил от особых обстоятельств моего призвания, и заботу, которую я должен был проявлять о сохранности моего имущества, которое было, если можно так выразиться, моим имуществом; также намеки, которые, как я думал, я получил с Небес, которые для меня означали своего рода направление к действию; и мне пришло в голову, что что, если бы у меня было то, что я называю указанием остаться, я должен был бы предположить, что оно содержало обещание быть сохраненным, если я подчинюсь.

Это было близко ко мне;³⁰ и мой разум, казалось, все больше воодушевлялся остаться, чем когда-либо, и поддерживался тайным удовлетворением от того, что я останусь.³¹ Добавлю к этому, что, перебирая Библию, которая лежала передо мной, и хотя мои мысли были более чем обычно серьезны по этому вопросу, я воскликнул: "Ну, я не знаю, что делать, Господи, направь меня!" и тому подобное. И в этот момент я случайно перестал листать книгу на Девяносто первом псалме и, бросив взгляд на второй стих, прочитал исключительно седьмой стих, а после него включил десятый, следующего содержания: "Я скажу о Господе: Он - мое прибежище и моя крепость: Бог мой; на него я буду уповать. Воистину, он избавит тебя от сети птицелова и от зловонной язвы. Он покроет тебя своими перьями, и ты будешь уповать на его крылья; его истина будет твоим щитом. Ты не будешь бояться ужаса ночью; ни стрелы, летящей днем; ни язвы, ходящей во тьме; ни разрушений, которые происходят в полдень. Тысяча падет рядом с тобою, и десять тысяч по правую руку от тебя; но это не приблизится к тебе. Только глазами твоими ты увидишь награду нечестивых. Потому что ты сделал Господа, который есть прибежище мое, даже Всевышнего, своим жилищем; никакое зло не постигнет тебя, и никакая язва не приблизится к твоему жилищу" и т.д.

Едва ли мне нужно говорить читателю, что с этого момента я решил остаться в городе и, полностью полагаясь на благость и защиту Всемогущего, не стал бы искать никакого другого убежища; и что, поскольку мое время было в его руках,³² он был в состоянии поддержать меня как во время инфекции, так и во время выздоровления; и если он не счел нужным доставить мне

я все еще была в его руках, и он должен был поступить со мной так, как ему казалось правильным.

С этим решением я лег спать; и на следующий день оно еще больше подтвердилось в моей правоте из-за болезни женщины, которой я намеревался доверить свой дом и все свои дела. Но с той же стороны на меня было возложено еще одно обязательство: на следующий день я тоже оказался очень не в порядке; так что, если бы я хотел уйти, я бы не смог. И я продолжал болеть три или четыре дня, и это полностью определило мое пребывание: поэтому я попрощался со своим братом, который уехал в Доркинг в Суррее,³³ а затем отправился дальше, в Бакингемшир или Бедфордшир, в убежище, которое он нашел там для своей семьи.

Это было очень неподходящее время для болезни; потому что, если кто-нибудь жаловался, немедленно говорили, что у него чума; и хотя у меня действительно не было никаких симптомов этой чумы, все же, поскольку у меня были очень больны голова и желудок, я не без опасения, что действительно заражен. Но примерно через три дня мне стало лучше. На третью ночь я хорошо отдохнул, немного вспотел и почувствовал себя значительно посвежевшим. Опасения, что это инфекция, также полностью исчезли вместе с моей болезнью, и я занялся своими обычными делами.

Эти обстоятельства, однако, отбросили все мои мысли о поездке в деревню; к тому же мой брат тоже уехал, и я больше не спорил ни с ним, ни с самим собой на эту тему.

Сейчас была середина июля; и чума, которая в основном свирепствовала на другом конце города и, как я уже говорил, в приходах Сент-Джайлс, Сент-Эндрюс, Холборн и ближе к Вестминстеру, теперь начала распространяться на восток, в ту часть, где я жил. Действительно, следовало заметить, что он не направлялся прямо к нам, ибо город, то есть находящиеся за его стенами, все еще был безразлично здоров. Да и в Саутуорк это не очень-то переправлялось по воде; ибо, хотя на той неделе от всех чумных болезней умерло тысяча двести шестьдесят восемь человек, из которых, как можно предположить, более девятисот умерло от чумы, все же во всем городе, за городскими стенами, было всего двадцать восемь, и всего девятнадцать в Саутуорке, включая приход Ламбет; тогда как только в приходах Сент-Джайлс и Сент-Мартин-ин-зе-Филдс умер четыреста двадцать один.

Но мы заметили, что инфекция держится главным образом на окраинах, которые, как я отмечу позже, были очень густонаселенными и к тому же более бедными, поэтому чума находила больше жертв, чем в городе. Я говорю, что мы почувствовали, как чума распространилась на наш путь, а именно на приходы Клеркенуэлл, Крипплгейт, Шордич и Бишопсгейт; последние два прихода, присоединенные к Олдгейту, Уайтчепелу и Степни, в конце концов распространили свою крайнюю ярость и насилие в тех краях, даже когда она утихла в западных приходах, где и началась.

Было очень странно наблюдать, что именно на этой неделе (с 4 по 11 июля), когда, по моим наблюдениям, от чумы умерло около четырехсот человек в двух приходах Сент-Мартин и Сент-Джайлс-ин-те-Филдс³⁴, в приходе Олдгейт умерло всего четверо, в приходе Уайтчепел трое, в приходе Степни, кроме одного.

Точно так же и на следующей неделе (с 11 по 18 июля), когда счет за неделю составлял тысячу семьсот шестьдесят один, однако во всем Саутуоркском побережье от чумы умерло не более шестнадцати человек.

Но вскоре ситуация изменилась, и особенно в приходе Крипплгейт, и в Клеркенуэлле, она начала сгущаться; так что ко второй неделе августа только в приходе Крипплгейт было похоронено восемьсот восемьдесят шесть человек, а в Клеркенуэлле - сто пятьдесят пять. Из первых восемьсот пятьдесят человек вполне могли умереть от чумы, а из последних, как говорилось в самом счете, сто сорок пять были заражены чумой.

В июле месяце, когда, как я уже заметил, наша часть города казалась более защищенной по сравнению с западной, я обычно ходил по улицам, как того требовали мои дела, и, в частности, раз в день или через два дня отправлялся в город, в дом моего брата, за которым он поручил мне присматривать, и проверял, безопасно ли там; и, имея ключ в кармане, я обычно заходил в дом и осматривал большинство комнат, чтобы убедиться, что все в порядке. Ибо, хотя и удивительно рассказывать, что среди такого бедствия сердца людей настолько ожесточились, чтобы грабить и воровать, все же несомненно то, что всевозможные злодейства, и даже легкомыслие и разврат, практиковались тогда в городе так же открыто, как и прежде: я не скажу, что так часто, потому что количество людей было [35](#) во многих отношениях уменьшилось.

Но теперь начали посещать и сам город, я имею в виду его стены. Но число людей там было [35](#), действительно, чрезвычайно уменьшилось из-за того, что такое огромное количество людей ушло в страну; и даже весь этот июль они продолжали убегать, хотя и не в таком количестве, как раньше. Действительно, в августе они бежали таким образом, что я начал думать, что в городе действительно не останется никого, кроме магистратов и слуг.

Поскольку они бежали из города, я должен заметить, что ГИПЕРССЫЛКА court удалились рано, а именно в июне месяце, и отправились в Оксфорд, где Богу было угодно сохранить их; и болезнь, как я слышал, их даже не коснулась; за что я не могу сказать, что когда-либо видел, чтобы они проявляли какие-либо признаки благодарности и едва ли что-либо из того, что они делали. реформация, хотя они и не хотели, чтобы им говорили, что их вопиющие пороки, не нарушая принципов милосердия, зашли так далеко, что навлекли этот ужасный суд на всю нацию.

Теперь облик Лондона действительно странно изменился: я имею в виду всю массу зданий, город, свободы, пригороды, Вестминстер, Саутуорк и вообще; что касается конкретной части, называемой сити, или внутри городских стен, то она еще не была сильно заражена. Но в целом, я говорю, что облик вещей сильно изменился. Печаль и уныние были написаны на каждом лице, и хотя какая-то часть еще не была подавлена, все же все выглядели глубоко обеспокоенными; и поскольку мы видели, что это явно надвигается, каждый считал себя и свою семью в величайшей опасности. Если бы было возможно точно представить те времена тем, кто их не видел, и дать читателю должное представление об ужасе, который повсюду представлялся, это произвело бы должное впечатление на их умы и наполнило бы их удивлением. Можно было бы сказать, что Лондон весь в слезах. Скорбящие не ходили по улицам, [37](#) действительно; ибо никто не облачался в черное и не шил официальных траурных одежд для своих ближайших друзей: но голос скорби действительно был слышен на улицах. Крики женщин и детей у окон и дверей своих домов, где, возможно, умирали или просто умерли их ближайшие родственники, были так часто слышны, когда мы проходили по улицам, что их было достаточно, чтобы пронзить самое стойкое сердце в мире. Слезы и причитания были видны почти в каждом доме, особенно в первой части посещения; ибо ближе к концу сердца людей ожесточились, и смерть

настолько постоянно стояла у них перед глазами, что они не так сильно беспокоились о потере своих друзей, ожидая, что их самих призовут в следующий час.

Дела иногда приводили меня на другой конец города, даже когда болезнь была в основном там. И поскольку это было ново для меня, как и для всех остальных, было самым удивительным увидеть те улицы, которые обычно были так переполнены, теперь опустевшими, и на них было так мало людей, что если бы я был незнакомцем и не знал дороги, я мог бы иногда пройти всю улицу, я имею в виду переулки, и увидеть³⁸ некому было направлять меня, кроме сторожей, поставленных у дверей тех домов, которые были заперты; о них я сейчас расскажу.

Однажды, находясь в этой части города по какому-то особому делу, любопытство побудило меня наблюдать за происходящим больше, чем обычно; и действительно, я прошел большой путь там, где у меня не было никаких дел. Я поднялся на Холборн, и там улица была полна людей; но они шли посреди большой улицы, ни по одной стороне, ни по³⁹ другой, потому что, как я полагаю, они не стали бы смешиваться с кем-либо, кто выходил из домов, или сталкиваться с запахами из домов, которые могли быть заражены.

Все судебные гостиницы были закрыты, как и не очень много юристов в Темпле,⁴⁰ или Lincoln's Inn, или Gray's Inn, которые там можно было увидеть. Все были спокойны, не было повода для адвокатов; кроме того, это тоже было время каникул, и они, как правило, уезжали за город. Целые ряды домов в некоторых местах были наглухо заперты, все жители разбежались, и остались только один или два сторожа.

Когда я говорю о рядах домов, которые были заперты, я не имею в виду, что они были заперты магистратами, но что огромное количество людей последовало за судом в силу необходимости их занятий и других зависимостей; и поскольку другие ушли, действительно напуганные смутой, это было просто опустошением некоторых улиц. Но страх в городе, абстрактно так называемом, был еще не так велик,⁴¹ и особенно потому, что, хотя поначалу они были в самом невыразимом ужасе, все же, поскольку я заметил, что поначалу смута часто прерывалась, они были как бы встревожены и снова безоружны, и так несколько раз, пока это не стало привычным. для них; и что даже когда это казалось жестоким, все же, видя, что в настоящее время оно не распространилось на город, восточную или южную части, люди начали набираться храбрости и, если можно так выразиться, немного ожесточаться. Это правда, как я заметил, огромное количество людей бежало; но они были в основном из западной части города, из того, что мы называем сердцем города, то есть из числа самых богатых людей, и таких людей, которые не были обременены ремеслами и бизнесом. Но в остальном большинство оставалось спокойным и, казалось, терпело худшее; так что в местечке, которое мы называем либертис, и в пригородах, в Саутворке и в восточной части, таких как Уоппинг, Рэтклифф, Степни, Ротерхит и тому подобных, люди в целом оставались спокойными, за исключением кое-где нескольких богатых семей, которые, как указано выше, не зависели от своего бизнеса.

Здесь не следует забывать, что город и пригороды были невероятно полны людей во время этого посещения, я имею в виду, в то время, когда оно началось. Ибо, хотя я дожился до того, чтобы увидеть дальнейшее увеличение численности населения и огромные толпы людей, поселяющиеся в Лондоне, больше, чем когда-либо; все же у нас всегда было представление о том, что количество людей, которые — после окончания войн, расформирования армий и восстановления королевской семьи и монархии — стекались в Лондон, чтобы заняться бизнесом или зависеть от двора и посещать его в награду за услуги, преференции и тому подобное,

было⁴² так что, по расчетам, в городе проживало более ста тысяч человек, больше, чем когда-либо прежде. Более того, некоторые осмелились сказать, что их было вдвое больше, потому что сюда стекались все разорившиеся семьи королевской свиты, все солдаты открывали здесь ремесла, и множество семей поселилось здесь. Опять же: двор принес с собой большой приток гордости и новых мод; все люди были веселы и роскошны, а радость от реставрации привлекла в Лондон огромное количество семей.⁴³

Но я должен снова вернуться к началу этого удивительного времени. Пока страхи людей были молоды, они странным образом усилились из-за нескольких странных происшествий, которые в совокупности были поистине чудом, что весь народ не восстал как один человек и не покинул свои жилища, оставив это место как пространство земли, созданное Небесами для Асельдамы,⁴⁴ обреченное быть уничтоженным с лица земли, и что все, что на ней можно будет найти, будет уничтожено. погиб бы вместе с ним. Я назову лишь некоторые из этих вещей; но, конечно, их было так много, и так много волшебников и хитрых людей распространяли их, что я часто задавался вопросом, остались ли какие-нибудь (особенно женщины) после этого.

Во-первых, пылающая звезда или комета появилась за несколько месяцев до чумы, а годом позже, незадолго до пожара, появилась еще одна. Пожилые женщины и флегматичный ипохондрик⁴⁵ представительницы другого пола (которых я тоже почти мог назвать пожилыми женщинами) заметили, особенно после, хотя и не раньше, чем были вынесены оба приговора, что эти две кометы прошли прямо над городом, и так близко к домам, что было ясно, что они привезли что-то особенное только для города; что комета перед эпидемией была небольшого размера. слабый, тусклый, вялый цвет и ее движение очень тяжелое, торжественное и медленное, но что комета перед огнем была яркой и искрящейся, или, как говорили другие, пылающей, а ее движение быстрым и яростным; и что, соответственно, одно предсказание предсказывало тяжелый суд, медленный, но суровый, ужасный и устрашающий, каким была чума, но другое предсказывало удар, внезапный, быстрый и огненный, каким был пожар. Более того, некоторые люди были настолько внимательны, что, когда они смотрели на эту комету, предшествующую пожару, им казалось, что они не только видели, как она пролетела быстро и яростно, и могли уловить движение своим глазом, но даже они слышали это; что она производила стремительный, могучий шум, яростный и ужасный, хотя и на расстоянии, но едва различимый.

Я видел обе эти звезды, и, должен признаться, у меня в голове сложилось такое обыденное представление о подобных вещах, что я был склонен смотреть на них как на предвестников и предупреждения Божьих судов, и, особенно когда за первой последовала чума, я увидел еще одну такого же рода, я не мог не сказать, что Бог еще недостаточно наказал город.

Опасения людей также странным образом усилились из-за заблуждений того времени, в которое, я думаю, люди, исходя из каких-то непонятных мне принципов, были более зависимы от пророчеств и астрологических заклинаний, снов и бабушкиных сказок, чем когда-либо до или после.⁴⁶ Был ли этот недовольный настрой изначально вызван безрассудством некоторых людей, которые зарабатывали на этом деньги, то есть печатали предсказания, я не знаю. Но несомненно, что книги их ужасно пугали, такие как "Альманах Лилли",⁴⁷ "Астрологические предсказания Гэдбери", "Альманах бедного Робина",⁴⁸ и тому подобное; также несколько притворных религиозные книги, одна из которых озаглавлена "Выйди из Нее, народ мой, чтобы тебе не стать участником ее Язв";⁴⁹ другое называлось "Справедливое предупреждение";

другое — "Британский летописец"; и множество подобных, все или большая часть из которых прямо или скрыто предсказывали гибель города. Более того, некоторые были настолько смелы, что бегали по улицам со своими устными предсказаниями, притворяясь, что их послали проповедовать городу; и особенно один, который, подобно Ионе⁵⁰ в Ниневию, кричал на улицах: "Еще сорок дней, и Лондон будет разрушен". Я не буду уверен, сказал ли он "еще сорок дней" или "еще несколько дней". Другой бегал голый, если не считать пары трусов на поясе, рыдая день и ночь, как человек, которого упоминает Иосиф Флавий⁵¹, который воскликнул: "Горе Иерусалиму!" незадолго до разрушения этого города: так что это бедное обнаженное создание воскликнуло: "О, великий и ужасный Бог!" и больше ничего не сказало, но постоянно повторяло эти слова голосом и выражением лица, полным от ужаса, быстрый темп, и никто никогда не мог найти его, чтобы остановиться, или отдохнуть, или принять какую-либо пищу, по крайней мере, я когда-либо слышал об этом. Я несколько раз встречал это бедное создание на улицах и хотел заговорить с ним, но он не желал вступать в разговор ни со мной, ни с кем другим, а продолжал беспрерывно издавать свои жалобные вопли.

Все это приводило людей в ужас до последней степени, особенно когда два или три раза, как я уже упоминал, они находили одного или двух умерших от чумы в Сент-Джайлсе.

Рядом с этими публичными вещами стояли сны старых женщин; или, я бы сказал, толкование старыми женщинами снов других людей; и это даже сводило многих людей с ума. Некоторые слышали голоса, предупреждавшие их убираться, ибо в Лондоне будет такая чума, что живые не смогут хоронить мертвых; другие видели призраков в воздухе; и мне должно быть позволено сказать об обоих, надеюсь, не нарушая милосердия, что они слышали голоса, которые никогда не произносились, и видели зрелища, которые никогда не появлялись. Но воображение людей действительно стало своенравным и одержимым; и неудивительно, что те, кто постоянно вглядывался в облака, видели очертания и фигуры, представления и видимости, в которых не было ничего, кроме воздуха и пара. Здесь они рассказали нам, что видели пылающий меч, который держали в руке, выходящий из облака, острие которого висело прямо над городом. Там они видели катафалки и гробы, которые несли по воздуху для захоронения. И там снова груды мертвых тел, лежащих непогребенными, и тому подобное, точно так же, как воображение бедных перепуганных людей снабдило их материалом для работы.

Так ипохондрические фантазии представляют
Корабли, армии, сражения на небесном своде;
Пока не успокоятся глаза, выдохи растворяются,
И все до своей первой материи, облака, рассасываются.

Я мог бы дополнить этот отчет странными рассказами, которые такие люди рассказывают каждый день о том, что они видели; и каждый был настолько уверен в том, что видел то, на что претендовал, что не мог им возразить, не нарушив дружбы или не сочтя грубым и невоспитанным, с одной стороны, и нечестивым и непроницаемым - с другой. Однажды, еще до начала чумы, не так, как я уже говорил, в Сент-Джайлсе (кажется, это было в марте), увидев толпу людей на улице, я присоединился к ним, чтобы удовлетворить свое любопытство, и обнаружил, что все онисматривают в воздух, чтобы увидеть то, что, по словам женщины, показалось ей очевидным, а именно ангела, облаченного в белое, с огненным мечом в руке,

размахивающего им над головой. Она описала каждую часть фигуры в "Лайфе", показала им движение и форму, и бедные люди принялись за это с таким рвением и с такой готовностью. "Да, я вижу все это ясно", - говорит один: "Вот меч настолько ясно, насколько это возможно". Другой увидел ангела; один увидел само его лицо и воскликнул, каким славным созданием он был. Один видел одно, а другой - другое. Я смотрел так же внимательно, как и остальные, но, возможно, не с такой готовностью поддаваться на уговоры; и я действительно сказал, что не вижу ничего, кроме белого облака, ярко освещенного с одной стороны солнцем с другой. Женщина пыталась показать это мне, но не смогла заставить меня признаться, что я это видел; что, действительно, если бы я это сделал, я, должно быть, солгал. Но женщина, повернувшись ко мне, посмотрела мне в лицо, и ей показалось, что я рассмеялся, в чем ее воображение тоже обмануло ее, потому что на самом деле я не смеялся, а серьезно размышлял о том, как бедные люди были напуганы силой своего собственного воображения. Однако она повернулась ко мне, назвала меня нечестивцем и насмешником, сказала, что настало время Божьего гнева, приближаются страшные суды и что такие презирающие, как я, будут скитаться и погибнуть.

Люди вокруг нее, казалось, испытывали такое же отвращение, как и она сама, и я обнаружил, что их невозможно убедить в том, что я не смеюсь над ними, и что они скорее окружают меня толпой, чем смогут разуверить их. Итак, я оставил их, и это явление стало таким же реальным, как сама пылающая звезда.

Другая встреча, с которой я столкнулся также днем; и это было при прохождении по узкому проходу из Петти Франс⁵² на кладбище Бишопсгейт, мимо ряда богаделен. При Бишопсгейтской церкви или приходе есть два церковных двора. Одну мы переходим, чтобы пройти от местечка под названием Петти Франс на Бишопсгейт-стрит, выходя сразу за церковными дверями; другая находится со стороны узкого прохода, где слева находятся богадельни, справа - карликовая стена с частоколом, а с другой стороны, правее, - городская стена.

В этом узком проходе стоял человек, смотревший сквозь частокол на место захоронения, и столько людей, сколько узость этого места позволяла остановиться, не мешая проходу другим; и он очень оживленно разговаривал с ними, указывая то на одно место, то на другое, и утверждая, что видел привидение, ступающее по такому-то надгробию. Он описал форму, позу и движение этого предмета так точно, что для него было величайшим изумлением в мире, что никто не видел его так же хорошо, как он. Внезапно он восклицал: "Вот оно! Теперь он идет сюда!" затем: "Он повернул назад!" пока, наконец, он не убедил людей в этом так твердо, что одному показалось, что он это видел; и так он приходил каждый день, поднимая странный шум, учитывая, что это был такой узкий проход, пока часы на Бишопсгейте не пробили одиннадцать; и тогда призрак, казалось, вздрагивал и, как будто его звали, внезапно исчезал.

Я внимательно смотрел по сторонам и в тот самый момент, когда этот человек направлял меня, но не мог разглядеть ни малейшего намека на что-либо. Но этот бедняга был настолько уверен в себе, что дал им испарения⁵³ в изобилии и отослал их, дрожащих и напуганных, пока, наконец, мало кто, знавший об этом, не захотел пройти через этот проход, и вряд ли кто-нибудь ночью по какой-либо причине.

Этот призрак, как утверждал бедняк, делал знаки домам, земле и людям, явно намекая (или же они так это понимали), что множество людей должно прийти, чтобы быть похороненным на этом кладбище, что и произошло на самом деле. Но затем он увидел такие аспекты, в которые,

должен признать, я никогда не верил и сам ничего из этого не мог разглядеть, хотя я очень старался увидеть это, если это было возможно.

Были предприняты некоторые усилия, чтобы пресечь печатание таких книг, которые приводили в ужас людей, и напугать их распространителей, некоторые из которых были арестованы, но, как мне сообщили, ничего из этого не вышло; правительство не желало раздражать людей, которые, как я могу сказать, и без того были не в себе.

Я также не могу оправдать тех служителей, которые в своих проповедях скорее опускали, чем возвышали сердца своих слушателей. Я не сомневаюсь, что многие из них сделали это для укрепления решимости людей и особенно для того, чтобы побудить их к покаянию; но это, безусловно, не соответствовало их целям, по крайней мере, не пропорционально ущербу, который это нанесло другим способом.

Одна беда всегда влечет за собой другую. Эти страхи и опасения людей привели их к тысяче слабых, глупых и порочных поступков, на которые они не хотели, чтобы к ним подбадривали по-настоящему порочных людей; и для этого они прибегали к гадалкам, хитрецам,⁵⁴ и астрологам, чтобы узнать свою судьбу, или, как это вульгарно выражается, чтобы им предсказали их судьбу, их исходные данные⁵⁵ вычислено, и тому подобное. И эта глупость вскоре привела к тому, что город наполнился порочным поколением приверженцев магии, "черного искусства", как они это называли, и я не знаю, чего еще, более того, к тысяче худших сделок с дьяволом, чем те, в которых они были действительно виновны. И эта торговля стала настолько открытой и широко практикуемой, что стало обычным делом вешать на двери таблички: "Здесь живет гадалка", "Здесь живет астролог", "Здесь вы можете рассчитать свое рождение" и тому подобное; а медная голова монаха Бэкона,⁵⁶ которая была обычным знаком жилищ этих людей, должна была быть прикреплена к его можно увидеть почти на каждой улице, или же вывеску Mother Shipton,⁵⁷ или ⁵⁸ head, и тому подобное.

Какими слепыми, абсурдными и нелепыми вещами эти дьявольские оракулы радовали людей, я действительно не знаю; но несомненно, что бесчисленные слуги толпились у их дверей каждый день: и если бы только серьезный парень в бархатной куртке, оркестре,⁵⁹ и черном плаще, в котором обычно ходили эти шарлатаны-фокусники, был замечен в на улицах люди шли за ними⁶⁰ человек толпами и задавали им⁶⁰ вопросов по ходу движения.

Положение бедных слуг было очень плачевным, о чем у меня еще будет случай упомянуть; ибо было очевидно, что огромному числу из них будет отказано. И это было так, и из них погибло множество, и особенно те, кого эти лжепророки льстили надеждами, что они останутся у них на службе и будут увезены со своими хозяевами и любовницами в деревню; и если бы общественная благотворительность не оказывала помощь этим бедным созданиям, число которых было чрезвычайно велико (а во всех случаях такого рода должно быть так), они были бы в худшем положении из всех людей в городе.

Эти вещи будоражили умы простых людей в течение многих месяцев, пока у них были первые опасения, и пока чума, как я могу сказать, еще не разразилась. Но я также не должен забывать, что более серьезная часть жителей вела себя по-другому. Правительство поощряло их набожность и назначило публичные молитвы и дни поста и унижения, чтобы они публично исповедовались в грехах и умоляли милость Божью предотвратить страшный суд, нависший над их головами; и не передать словами, с какой готовностью люди всех убеждений восприняли это

событие, как они стекались в церкви и на собрания, и все они были настолько переполнены, что часто не было возможности подойти даже к самым дверям самых больших церквей. Также были назначены ежедневные молитвы утром и вечером в нескольких церквях и дни частных молитв в других местах, и все это люди посещали, я говорю, с необычайной преданностью. Несколько частных семей, также придерживавшихся того или иного мнения, соблюдали семейные посты, к которым они допускали только своих близких родственников; так что, одним словом, те люди, которые были действительно серьезными и религиозными, по-настоящему по-христиански занимались надлежащей работой покаяния и унижения, как и подобает христианскому народу.

Опять же, общественность показала, что она внесет свою лепту в эти события. Сам двор, который тогда был веселым и роскошным, изобразил справедливую озабоченность общественной опасностью. Все пьесы и интермедии,⁶¹ которые, по решению французского суда,⁶² были установлены и начали распространяться среди нас, были запрещены к исполнению;⁶³ игорные столы, публичные танцевальные залы и музыкальные заведения, которые множились и начали портить нравы людей, были закрыты и подавлены; и the jack puddings,⁶⁴ merry-andrews,⁶⁴ кукольные представления, пляски на канате и тому подобные развлечения, которые завораживали простых людей, закрыли свои лавки, не найдя никакого занятия, ибо умы людей были заняты другими вещами, и своего рода печаль и ужас перед этими вещами читались на лицах даже простых людей. Смерть была у них перед глазами, и все начали думать о своих могилах, а не о веселье и развлечениях.

Но даже эти полезные размышления, которые, справедливо удалось, придется самой счастливо вел народ упал на колени, исповедаться в своих грехах, и посмотреть их милосердного Спасителя о помиловании, умоляя его сострадание на них в такое время о своей беде, с помощью которых мы могли бы в качестве второго Ниневи, было совсем наоборот крайности в простонародье, которые, невежественный и глупый в своих размышлениях, как они были brutishly злое и бездумное прежде, теперь главе со своим испугом в крайности юродства, и, как я уже сказал, что они побежали, чтобы чародеи и ведьмы, и всякие обманщики, чтобы знать, что должно стать из них, кто кормил их страхи и держали их всегда настораживали и бодрствования, нарочно, чтобы обмануть их и забрать свои карманы: они были как безумные, на их запуск после шарлатаны и жулики, и каждый практикующий старуха на медикаменты и средства защиты, хранения и сами с такими множества таблеток, микстур и консервантов, как они называются, что они не только потратили свое время, деньги, но отравились сами заранее, опасаясь яда, инфекции, и приготовили свои тела от чумы, вместо того, чтобы сохранить их от него. С другой стороны, было невероятно, и едва ли можно было себе представить, как столбы домов углы улиц были обклеены счетами от врачей и бумагами невежественных людей, шаркающих и подтасовывающих лекарства и приглашающих людей прийти к ним за лекарствами, что обычно подчеркивалось такими расцветками, как эти, а именно: "Безошибочные профилактические пилюли против чумы"; "Безотказные консерванты против инфекции"; "Превосходные сердечные средства против порчи воздуха"; "Точные инструкции по поведению организма в случае инфекции". "Противогнилостные пилюли"; "Несравненный напиток против чумы, ранее неизвестный"; "Универсальное средство от чумы"; "Единственная настоящая вода от чумы"; "Королевское противоядие от всех видов заразы"; и еще столько всего, что я не могу сосчитать, и, если бы я мог, исполнил бы целую книгу, чтобы записать их.

Другие выставляют счета, чтобы вызывать людей к себе домой для получения указаний и советов в случае заражения. У них также были благовидные названия, такие как эти:—

Выдающийся врач из Верхней Голландии, недавно приехавший из Голландии, где он проживал все время великой чумы в прошлом году в Амстердаме, и вылечил множество людей, которые действительно были поражены чумой.

Итальянская аристократка, только что приехавшая из Неаполя, обладала секретом выбора для предотвращения заражения, который она узнала благодаря своему большому опыту, и с его помощью чудесно лечила там от поздней чумы, когда за один день умерло 20 000 человек.

Пожилая леди, которая с большим успехом практиковалась во время последней эпидемии чумы в этом городе в 1636 году, дает свои советы только женскому полу. Чтобы с тобой поговорили и т.д.

Опытный врач, который долгое время изучал доктрину противоядий от всех видов ядов и инфекций, после сорока лет практики достиг такого мастерства, что может, с Божьего благословения, указывать людям, как предотвратить заражение какой бы то ни было заразной болезнью. Он руководит бедняками бесплатно.

Я обращаю на них внимание в качестве образцов. Я мог бы привести вам две или три дюжины подобных, и все же изобилие осталось бы позади. Этого достаточно, чтобы понять юмор тех времен и то, как шайка воров и карманников не только отнимала у бедных людей их деньги обманом, но и отравляла их тела отвратительными и смертельными препаратами; некоторые - ртутью, а некоторые - другими столь же вредными веществами, совершенно далекими от того, на что претендовали, и скорее вредными, чем полезными для организма в случае последующей инфекции.

Я не могу не отметить хитрость одного из тех шарлатанов, с помощью которой он обманывал бедных людей, заставляя их толпиться вокруг него, но ничего не делал для них без денег. Кажется, он добавил к своим счетам, которые раздавал на улицах, это объявление, написанное заглавными буквами, а именно: "Он дает советы бедным бесплатно".

Соответственно, к нему приходило множество людей, перед которыми он произносил множество прекрасных речей, расспрашивал их о состоянии их здоровья и строении их тел и советовал им делать много полезных вещей, которые не имели большого значения. Но итогом всего было то, что у него был препарат, который, если бы они принимали такое количество каждое утро, он бы заложил свою жизнь, чтобы у них никогда не было чумы, нет, хотя они жили в доме с инфицированными людьми. Это заставило всех людей решиться приобрести его, но тогда цена на него была слишком высока (я думаю, это было полкроны⁶⁵). "Но, сэр, - говорит одна бедная женщина, - я раздаю милостыню бедным и нахожусь на содержании прихода; а в ваших счетах сказано, что вы оказываете бедным свою помощь бесплатно". — "Да, добрая женщина, - говорит доктор, - я так и делаю, поскольку я там опубликовала. Я даю свой совет, но не свое лекарство!" — "Увы, сэр, - говорит она, - тогда это ловушка, расставленная для бедных, потому что вы даете им свои советы даром; то есть вы советуете им бесплатно покупать ваше лекарство за их деньги: так поступает каждый лавочник со своим товаром". Тут женщина начала ругать его и весь тот день простояла у его двери, рассказывая свою историю всем приходившим людям, пока доктор, обнаружив, что она прогоняет его клиентов, не был вынужден снова позвать ее наверх и отдать ей бесплатно свою коробочку с лекарством, которое, возможно, тоже ни на что не годилось, когда оно у нее было.

Но вернемся к людям, заблуждения которых позволяли навязывать их всевозможным притворщикам и всякому шарлатану. Нет сомнения, что эти шарлатаны извлекали большую выгоду из несчастных людей; ибо мы ежедневно обнаруживали, что толпы, которые бежали за ними, были бесконечно больше, а их двери были забиты больше, чем у доктора Брукса, доктора Аптона, доктора Ходжеса, доктора Бервика или любого другого, хотя бы самого известного человека того времени; и мне сказали, что некоторые из них получали по пять фунтов⁶⁶ в день по их показаниям.

Но помимо всего этого было еще одно безумие, которое может дать представление об отвлеченном настроении бедных людей в то время, и это было их следование за обманщиками худшего сорта, чем любой из этих; ибо эти мелкие воришки вводили их в заблуждение только для того, чтобы обчистить их карманы и завладеть их деньгами (в чем их злоба, какой бы она ни была, заключалась главным образом в обмане обманщика, а не в самих обманутых); но в этой части я собираюсь упомянуть, что она заключалась главным образом в обманутых людях, или в равной степени в обоих. И это было в разделе ношение амулетов, фильтров,⁶⁷ заклинаний нечистой силы,⁶⁸ амулетов,⁶⁹ и я не знаю, какими препаратами укрепить организм от чумы, как будто чума была не рукой Божьей, а своего рода одержимостью злым духом, и от нее нужно было избавляться перекрестками,⁷⁰ знаки зодиака,⁷¹ бумаги, перевязанные множеством узлов, и некоторые слова или цифры, написанные на них, в частности слово "Абракадабра",⁷² в виде треугольника или пирамида; таким образом, —

А Б Р А К А Д А Б Р А
А Б Р А К А Д А Б Р
А Б Р А К А Д А Б
А Б Р А К А Д А
А Б Р А К А Д
А Б Р А К А
А Б Р А К
А Б Р А
А Б Р
А Б

А

Другие имели знак иезуитов в виде креста:—

S73

У других не было ничего, кроме этого знака; таким образом, —

+

Я мог бы потратить много времени на восклицания против безумия и даже порочности этих вещей во времена такой опасности, в вопросе таких последствий, как национальная инфекция; но мои заметки об этих вещах касаются скорее того, чтобы обратить внимание на этот факт, и упомянуть только то, что это было так. О том, как бедняки обнаружили недостаточность этих вещей, и о том, скольких из них впоследствии увезли на телегах для перевозки трупов и бросили

в общие могилы каждого прихода с этими адскими амулетами и безделушками, висящими у них на шеях, еще предстоит поговорить по ходу дела.

Все это было следствием спешки, в которой находились люди после того, как среди них появилось первое сообщение о приближении чумы, и можно сказать, что это произошло примерно с Михайлова Дня,⁷⁴ 1664 года, но более конкретно после того, как двое мужчин умерли в Сент-Джайлсе в начале декабря; и снова после очередной тревоги в феврале, поскольку, когда чума, очевидно, распространилась, вскоре они начали понимать, насколько глупо доверять этим неумелым существам, которые обманом выманили у них деньги; и тогда их страхи проявились по-другому, а именно, привели к изумлению и глупости, они не знали, что предпринять или что делать, помочь или справиться нужду; но они бегали от одного соседского дома к другому и даже по улицам, от одной двери к другой, с повторяющимися криками: "Господи, помилуй нас! Что нам делать?"

Теперь я предполагаю, что, как я уже сказал, началась чума и что магистраты начали серьезно относиться к положению людей. О том, что они сделали с регулированием жизни жителей и зараженных семей, я расскажу по⁷⁵ отдельно; но что касается вопроса здоровья, здесь уместно упомянуть, что я видел глупый юмор людей, бегающих за шарлатанами, шулерами, волшебниками и гадалками, что они делали, как указано выше, даже до безумия. Лорд-мэр, очень трезвый и религиозный джентльмен, назначил врачей и хирургов для оказания помощи бедным, я имею в виду больных бедняков, и, в частности, приказал Коллегии врачей⁷⁶ опубликовать инструкции по дешевым средствам для бедных при любых обстоятельствах болезни. Это, действительно, было одним из самых благотворительных и разумных поступков, которые можно было сделать в то время; ибо это заставило людей перестать обивать пороги каждого разносчика счетов и принимать слепо и бездумно яд вместо лекарства и смерть вместо жизни.

Это указание врачам было дано на консультации всего колледжа; и поскольку оно было специально рассчитано на использование бедняками и для получения дешевых лекарств, оно было обнародовано, чтобы каждый мог его увидеть, и копии раздавались бесплатно всем, кто этого желал. Но поскольку это общедоступно и его можно увидеть при любых обстоятельствах, мне нет необходимости утруждать читателя по этому поводу.

Теперь остается упомянуть, какие общественные меры были приняты магистратами для общей безопасности и предотвращения распространения смуты, когда она разразилась. У меня будет часто случай говорить о благоразумии магистратов, их благотворительности, их бдительности по отношению к бедным и поддержанию хорошего порядка, снабжении провизией и тому подобном, когда чума усилилась, как это было впоследствии. Но сейчас я ознакомлен с приказом и правилами, которые они опубликовали для правительства инфицированных семей.

Выше я упоминал о запирании домов, и на это необходимо сказать что-то особенное, поскольку эта часть истории чумы очень печальна. Но самая печальная история должна быть рассказана.

Примерно в июне лорд-мэр Лондона и палата олдерменов, как я уже говорил, начали более серьезно заниматься регулированием жизни города.

Мировые судьи Мидлсекса,⁷⁷ по указанию государственного секретаря начали закрывать дома в приходах Сент-Джайлс-ин-Филдс, Сент-Мартин, Сент-Клементс-Дейнс и т.д., и это было с большим успехом; поскольку на нескольких улицах, где вспыхнула чума, после строгой охраны

зараженных домов, и позаботившись о том, чтобы похоронить тех, кто умер, как только стало известно, что они мертвы, чума прекратилась на этих улицах. Было также замечено, что в этих приходах после того, как они были полностью посещены, уровень чумы снизился быстрее, чем в приходах Бишопсгейт, Шордич, Олдгейт, Уайтчепел, Степни и других; своевременная забота, проявленная таким образом, является отличным средством для того, чтобы положить этому конец.

Это запирание домов было методом, впервые примененным, насколько я понимаю, во время эпидемии чумы, случившейся в 1603 году, при вступлении короля Якова I. на престол; и право запирающих людей в их собственных домах было предоставлено актом парламента, озаглавленным "Закон о благотворительной помощи и упорядочении лиц, зараженных чумой". На этом акте парламента лорд-мэр и олдермены Лондонского сити основали порядок, принятый ими в то время, и который состоялся 1 июля 1665 года, когда число зараженных в городе было невелико; последним законопроектом для девятиста двух приходов было всего четыре, и некоторые дома в городе были закрыты, а некоторые люди переведены в чумной дом за Банхилл-Филдс, по дороге в Ислингтон. Исходя из этого, я утверждаю, что, когда в целом умирало около тысячи человек в неделю, в городе их было всего двадцать восемь; и в пропорциональном отношении город оставался более здоровым, чем любое другое место за все время заражения.

Эти распоряжения милорда—мэра были опубликованы, как я уже сказал, в конце июня и вступили в силу с 1 июля, и были следующими: а именно:-

ПРИКАЗЫ, РАЗРАБОТАННЫЕ И ОПУБЛИКОВАННЫЕ ЛОРД-МЭРОМ И ОЛДЕРМЕНАМИ ЛОНДОНСКОГО СИТИ В СВЯЗИ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЧУМЫ; 1665г.

Принимая во внимание, что в правление нашего покойного государя короля Джеймса, светлой памяти, был издан закон о благотворительной помощи и упорядочении лиц, зараженных чумой; в соответствии с которым мировым судьям, мэрам, судебным приставам и другим высшим должностным лицам были даны полномочия назначать в пределах своих полномочий экзаменаторов, обыскивателей, сторожей, смотрителей и могильщиков для зараженных лиц и мест и приносить им присягу при исполнении ими своих обязанностей; и тот же закон также разрешал давать им указания, какие им по другим текущим надобностям покажутся целесообразными в их случае. усмотрения: теперь, после особого рассмотрения, считается весьма целесообразным для предотвращения заражения болезнью (если это будет угодно Всемогущему Богу) назначить следующих должностных лиц и должным образом соблюдать эти приказы в дальнейшем.

Экзаменаторы должны быть назначены в каждый приход.

Во-первых, считается необходимым, и таким образом предписывается, чтобы в каждом приходе было одно, два или более лиц хорошего сорта и репутации, выбранных олдерменом, его заместителем и общим советом каждого прихода по имени экзаменаторы, для продолжения работы на этой должности по крайней мере в течение двух месяцев: и если какое-либо подходящее лицо, назначенное таким образом, откажется выполнять то же самое, указанные лица, отказывающиеся таким образом, будут заключены в тюрьму до тех пор, пока они не приведут себя в надлежащий вид.

Офис эксперта.

Чтобы олдермены обязали этих экспертов время от времени наводить справки и узнавать, какие дома в каждом приходе следует посещать, и какие люди больны, и какими болезнями, насколько они смогут узнать сами, и, при сомнении в этом случае, распорядиться ограничить доступ до тех пор, пока не выяснится, что доказывает болезнь; и если они обнаружат, что кто-либо заболел инфекцией, отдать приказ констеблю закрыть дом; и, если констебль будет признан небрежным, уведомить об этом олдермена прихода.

Сторожа.

Чтобы к каждому зараженному дому были приставлены два сторожа — один на каждый день, а другой на ночь; и чтобы эти сторожа особо следили за тем, чтобы никто не входил в зараженные дома, за которыми они несут ответственность, и не выходил из них под страхом сурового наказания. И сказал сторожам, чтобы они выполняли такие дополнительные обязанности, какие понадобятся в доме больного; и если сторожа пошлют по какому-либо делу, запереть дом и взять ключ с собой; и сторож днем должен дежурить до десяти часов вечера, а сторож ночью до шести утра.

Поисковики.

С особой тщательностью назначать женщин-поисковиков в каждом приходе, таких, которые имеют честную репутацию и наилучшего сорта, какие только можно найти в этом роде; и они должны поклясться провести надлежащий поиск и правдиво сообщить, насколько им известно, умирают ли лица, тела которых им поручено обыскивать, от инфекции или от каких других болезней, как можно скорее. И чтобы врачи, которые будут назначены для лечения и профилактики инфекции, вызывали к себе указанных специалистов по поиску, которые назначены или должны быть назначены в несколько приходов, находящихся под их соответствующей опекой, до конца, чтобы они могли рассмотреть, достаточно ли они квалифицированы для этой работы, и время от времени взимать с них плату, по мере того, как они сочтут нужным, если они окажутся не справляющимися со своими обязанностями.

Чтобы ни одному обыскивавшему в течение этого периода посещения не разрешалось выполнять какие-либо общественные работы, содержать магазин или прилавок, работать прачкой или вообще заниматься какой-либо другой обычной работой.

Хирурги. 78

Для лучшей помощи поисковикам, поскольку до сих пор имели место большие злоупотребления при ложном сообщении о болезни, что привело к дальнейшему распространению инфекции, поэтому приказано, чтобы были выбраны и назначены способные и осмотрительные хирурги, помимо тех, которые уже принадлежат к чумному дому, среди которых город и свободы должны быть распределены так, как они наиболее подходят и удобны; и каждому из них должна быть выделена одна четверть для его ограничения. И упомянутые хирурги во всех своих пределах должны присоединиться к тем, кто ищет взгляд на тело, до тех пор, пока, в конце концов, не будет составлен достоверный отчет о болезни.

И далее: упомянутые хирурги должны посещать и обыскивать таких же лиц, которые либо пошлют за ними, либо будут названы и направлены к ним экзаменаторами каждого прихода, и самостоятельно сообщать о заболевании указанных лиц.

И поскольку указанные хирурги должны быть изолированы от всех других методов лечения,⁷⁹ и храниться только для лечения этой инфекции, приказано, чтобы каждый из указанных хирургов получал по двенадцать пенсов за обыскиваемое ими тело, которые выплачиваются из имущества обыскиваемой партии, если он сможет, или иным образом приходом.

Медсестры-хранительницы.

Если какая-либо сиделка удалится из любого зараженного дома до истечения двадцати восьми дней после смерти любого человека, умирающего от инфекции, дом, в который указанная сиделка удалится таким образом, должен быть закрыт до истечения указанных двадцати восьми дней.

ПРИКАЗЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ЗАРАЖЕННЫХ ДОМОВ И ЛИЦ, БОЛЬНЫХ ЧУМОЙ.

Необходимо уведомить о болезни.

Хозяин каждого дома, как только кто-либо в его доме жалуется на покраснение или припухлость в любой части своего тела, или заболевает иным опасным заболеванием без видимой причины какого-либо другого заболевания, должен уведомить об этом инспектора здравоохранения в течение двух часов после появления указанного признака.

Изолирование больных.

Как только этот эксперт, хирург или исследователь обнаружит, что какой-либо человек болен чумой, он должен в ту же ночь быть изолирован в том же доме; и в случае, если он будет изолирован таким образом, то, хотя он и не умрет, дом, в котором он заболел, должен быть закрыт на месяц после применения надлежащих консервантов, принятых остальными.

Проветриваю Содержимое.

Для локализации зараженных вещей их постельное белье и одежда, а также занавески в комнатах должны быть хорошо проветрены с помощью огня и необходимых духов в зараженном доме, прежде чем они будут снова использованы. Это должно быть сделано по назначению эксперта.

Запирание Дома.

Если какое-либо лицо посетит какого-либо человека, о котором известно, что он заражен чумой, или добровольно войдет в какой-либо известный зараженный дом, будучи не допущенным, дом, в котором оно проживает, должен быть закрыт на определенные дни по указанию экзаменатора.

Из зараженных домов ничего не вывозить, но и т.д.

Пункт, Чтобы никто не переезжал из дома, где он заболел инфекцией, в какой-либо другой дом в городе (за исключением чумного приюта или палатки, или в какой-либо такой дом, который

владелец указанного дома держит в своих собственных руках и занимает своими собственными слугами), и чтобы указанному приходу, в который производится такой переезд, была предоставлена гарантия, что уход за указанными посещаемыми лицами и их забота будут соблюдаться и взиматься со всех указанных выше особенностей без каких-либо затрат для того прихода, в который будет произведен любой такой переезд. , и это удаление должно быть сделано к ночи. И любому человеку, у которого есть два дома, должно быть законно переселять либо своего здорового, либо своих инфицированных людей в свой запасной дом по его выбору, чтобы, если он сначала отошлет своего здорового, он не отправлял туда больных; ни снова к больным - здоровых; и чтобы те, кого он отправляет, были по крайней мере на неделю заперты и изолированы от общества, опасаясь, что какая-нибудь инфекция сначала не проявится.

Погребение мертвых.

Чтобы погребение умершего посредством этого посещения производилось в наиболее удобное время, всегда до восхода солнца или после его захода, с соблюдением конфиденциальности⁸⁰ церковных старост или констеблей, и не иным образом; и чтобы ни соседям, ни друзьям не разрешалось сопровождать покойника в церковь или входить в посещаемый дом под страхом того, что его дом запрут или посадят в тюрьму.

И что ни один труп, умирающий от инфекции, не должен быть похоронен или оставаться в какой-либо церкви во время общей молитвы, проповеди или лекции. И чтобы ни одному ребенку не разрешалось во время погребения какого-либо трупа в какой-либо церкви, на погосте или в месте захоронения приближаться к трупу, гробу или могиле; и чтобы все могилы были глубиной не менее шести футов.

И далее, все публичные собрания на других захоронениях должны быть запрещены на время этого посещения.

Никаких заразных слов, которые следует произносить.⁸¹

Чтобы не допускалось выноса одежды, всяких вещей, постельных принадлежностей или предметов гардероба из любых зараженных домов, и чтобы глашатаям и разносчикам постельных принадлежностей или старой одежды, подлежащих продаже или закладке, за границу был категорически запрещен и ограничен доступ, и чтобы брокерам постельных принадлежностей или старой одежды не разрешалось устраивать какую-либо публичную демонстрацию или вывешивать на своих прилавках, досках магазинов или витринах, выходящих на какую-либо улицу, переулок, общий путь или пассаж, любое старое постельное белье или одежду, подлежащую продаже, под страхом тюремного заключения. И если какой-либо брокер или другое лицо купит какие-либо постельные принадлежности, одежду или другие вещи из любого зараженного дома, в течение двух месяцев после того, как там побывала инфекция, его дом должен быть закрыт как зараженный, и так должно продолжаться не менее двадцати дней.

Ни один человек не должен быть вынесен из Зараженного дома.

Если какой-либо человек посетил⁸² сделай фортуна,⁸³ по неосторожности или любым другим способом, чтобы прибыть или быть доставленным из зараженного места в любое другое место,

приход, откуда такой участник прибывшие или доставленные по полученному уведомлению об этом должны, по их поручению, доставить указанное лицо, которого таким образом посетили и которое сбежало, обратно ночью; и стороны, совершившие правонарушение в этом случае, будут наказаны по указанию олдермена округа, а дом получателя такого лица, которого посетили, будет заперт на двадцать дней.

Каждый посещенный дом должен быть отмечен.

Чтобы каждый посещенный дом был отмечен красным крестом длиной в фут посередине двери, чтобы его можно было видеть, и этими обычными печатными словами, то есть "Господи, помилуй нас", которые должны быть установлены рядом с тем же крестом, и так будет продолжаться до законного открытия того же дома.

За каждым посещенным домом должно быть установлено наблюдение.

Чтобы констебли следили за тем, чтобы каждый дом был заперт, и чтобы их сопровождали сторожа, которые могли бы находиться внутри и доставлять им необходимое за их счет, если они смогут, или за общий счет, если они не смогут. Закрытие должно быть на четыре недели, в конце концов, все будет в порядке.

Должен быть отдан точный приказ, чтобы поисковики, хирурги, смотрители и похоронщики не ходили по улицам, не держа в руках красный жезл или волшебную палочку трех футов длиной, открытую и видимую на всеобщее обозрение; и не должны заходить ни в какой другой дом, кроме своего собственного, или в тот, куда их направляют или за которым послали, но воздерживаться от общества, особенно когда им недавно пользовались⁸⁴ в любом подобном бизнесе или посещении.

Заклученные.

Что, если несколько обитателей находятся в одном и том же доме и кто-либо в этом доме случайно заражен, ни одному другому лицу или семье из такого дома не разрешается выселять его или себя без справки от специалистов по охране здоровья этого прихода; или, в противном случае, дом, куда она или они переселяются, должен быть закрыт, как и в случае посещения.

Наемные кареты.

Следует позаботиться о кучерах наемных экипажей, чтобы они не допускались к общему пользованию, как это наблюдалось у некоторых из них после перевозки зараженных людей в чумной дом и другие места, до тех пор, пока их кареты не будут хорошо проветрены, и не оставались без работы в течение пяти или шести дней после такого обслуживания, как это было замечено у некоторых из них.

ПРИКАЗЫ ОБ ОЧИСТКЕ И ПОДМЕТАНИИ УЛИЦ.

Улицы следует содержать в чистоте.

Во-первых, считается необходимым и так предписано, чтобы каждый домовладелец ежедневно убирал улицу перед своей дверью и, таким образом, содержал ее в чистоте, подметаемой в течение всей недели.

Что Грабли выносят его из Домов.

Чтобы грабли ежедневно убирали мусор из домов и чтобы грабли оповещали о своем приходе звуком рога, как это делалось до сих пор.

Размещение⁸⁵ будет сделано вдали от города.

Чтобы стеллажи были убраны как можно дальше от города и общих переходов, и чтобы ни одному ночному или иному человеку не разрешалось опустошать хранилище в любом хранилище или саду поблизости от города.

Остерегайтесь Нездоровой рыбы или мяса, а также заплесневелой кукурузы.

Следует проявлять особую осторожность, чтобы в городе или любой его части не продавалась вонючая рыба, или нездоровое мясо, или заплесневелая кукуруза, или другие испорченные фрукты, какого бы сорта они ни были.

Чтобы пивовары и пивные обращали внимание на заплесневелые и нездоровые бочки.

Чтобы ни свиньи, ни собаки, ни кошки, ни ручные голуби, ни кролики не содержались в какой-либо части города, ни свиньи не бродили по улицам или переулкам, но чтобы такие свиньи были конфискованы бидлом⁸⁶ или любым другим должностным лицом, а владелец наказан в соответствии с актом общего собрания; и чтобы собаки были убит собакоубийцами, назначенными для этой цели.

ПРИКАЗЫ, КАСАЮЩИЕСЯ РАЗГУЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ И ПРАЗДНЫХ СОБРАНИЙ.

Нищие.

Поскольку ничто так не вызывает жалоб, как множество жуликов и бродячих попрошайек, которые кишат повсюду по всему городу, являясь серьезной причиной распространения инфекции, и избежать их невозможно⁸⁷ несмотря на любые приказы, которые были отданы об обратном: поэтому теперь приказано, чтобы такие констебли и другие лица, которых это дело может каким-либо образом касаться, проявляйте особую осторожность, чтобы ни один бродячий попрошайка не пострадал на улицах этого города каким бы то ни было образом, после того как предусмотренное законом наказание будет должным и суровым для них.

Спектакли.

Что все игры, травля медведей,⁸⁸ игры, пение баллад, игра в баклер,⁸⁹ или подобные мероприятия, связанные с собраниями людей, будут категорически запрещены, а вечеринки правонарушитель строго наказывается каждым олдерменом в своем приходе.

Пиршество запрещено.

Что все публичные пиршества, и особенно компании⁹⁰ в городах этого города, а также обеды в тавернах, пивных и других общественных увеселительных заведениях, будут отложены до дальнейшего распоряжения и выплаты пособий, и что сэкономленные таким образом деньги будут сохранены и использованы на благо бедных, пораженных инфекцией.

Пивные.

Это беспорядочное распитие спиртных напитков в тавернах, пивных, кофейнях и подвалах строго рассматривается как распространенный грех того времени и величайший повод для

распространения чумы. И чтобы ни одной компании или человеку не разрешалось оставаться или заходить в какую-либо таверну, пивную или кофейню, чтобы выпить после девяти часов вечера, согласно древнему закону и обычаю этого города, с наказаниями, установленными законом.

И для лучшего исполнения этих приказов, а также таких других правил и указаний, которые при дальнейшем рассмотрении будут сочтены необходимыми, приказано, чтобы олдермены, депутаты и обычные члены совета собирались вместе еженедельно, один, два, три раза или чаще, в зависимости от обстоятельств, в каком-либо общем месте, привычном в их соответствующих приходах, свободном от заражения чумой, для обсуждения того, как указанные приказы могут быть приведены в исполнение, не предполагая, что кто-либо из живущих в зараженных местах или поблизости от них должен прийти на указанное собрание, пока их приход может быть сомнительным. И упомянутые олдермены, депутаты и члены общего совета в своих нескольких приходах могут приводить в исполнение любые другие приказы, которые они на упомянутых собраниях должны будут принять для защиты подданных его Величества от инфекции.

Сэр Джон Лоуренс, лорд-мэр.
Сэр Джордж Уотерман, } Шерифы.
Сэр Чарльз Доу,

Мне нет необходимости говорить, что эти распоряжения распространялись только на те места, которые находились в юрисдикции лорд-мэра: поэтому необходимо отметить, что мировые судьи в тех приходах и местностях, которые назывались "хуторами" и "окраинами", применяли тот же метод. Насколько я помню, с нашей стороны приказы о закрытии домов были отданы не так скоро, потому что, как я уже говорил ранее, чума не добралась, по крайней мере, до этой восточной части города и не начала свирепствовать до начала августа. Например, общий счет за период с 11 по 18 июля составил 1761, однако во всех тех приходах, которые мы называем Тауэр-Хэмлетс, от чумы умер всего 71 человек; и они были следующими:—

Олдгейт,	14	Следующ	{	34	по	{	65
Степни,	33	ая	{	,	августа. 1	{	76
Уайтчепе	21	неделя	{	,	таким	{	79
л,		была			образом:		
Башня.91	2	такой:		4			4
Трин.	1			1			4
Второстеп							
енные,92							
	71			145			228

Это действительно случилось в понедельник, потому что похороны на той же неделе состоялись в соседних приходах следующим образом:—

St. L.93	64	На	{	84	По	{	110
----------	----	----	---	----	----	---	-----

Shoreditch		следующ {		августа. 1 {	
h		ей неделе		таким	
св. Бот. ⁹⁴	65	значитель	105	образом:	116
Бишопсг.		но			
ул.	213	увеличил	431		554
Джайлс -		ось, как			
калека. ⁹⁵					
	342		620		780

Такое запираение домов сначала сочли очень жестоким и нехристианским методом, и бедняги, заключенные таким образом, горько сетовали. Жалобы на тяжесть этого также ежедневно поступали милорду мэру, на беспричинно, а некоторые и злонамеренно, закрытые дома. Я не могу сказать, но после расследования многие из тех, кто так громко жаловался, были найдены в состоянии, требующем продолжения; и снова другие, после осмотра больного человека и того, что болезнь, по-видимому, не заразна, или, если пока нет уверенности, что он согласен на то, чтобы его перевезли в чумной дом, были⁹⁶.

Однажды утром, около восьми часов, когда я шел по Хаундсдич, раздался сильный шум. Это правда, толпы было немного, потому что люди не могли свободно собираться вместе или подолгу оставаться вместе, когда они были там, да и я там долго не задерживался; но крик был достаточно громким, чтобы возбудить мое любопытство, и я окликнул одного из них, который выглянул в окно, и спросил, в чем дело.

Сторожа, по-видимому, наняли для охраны своего поста у дверей дома, который был заражен или, как говорили, был заражен и был заперт. Он был там всю ночь, две ночи подряд, пока рассказывал свою историю, и дневной сторож был там однажды и теперь пришел сменить его. Все это время в доме не было слышно шума, не было видно света, они ни о чем не просили, не посылали его с поручениями (что раньше было главным занятием сторожей), и они не беспокоили его, как он сказал, сполудня понеделника, когда он услышал в доме громкий плач, который, как он предположил, был вызван смертью кого-то из членов семьи как раз в это время. Кажется, прошлой ночью "телега с трупами", как ее называли, была остановлена там, и к двери принесли мертвую служанку; и "похоронщики", или "носильщики", как их называли, положили ее в телегу, завернутую только в зеленый плед, и увезли.

Сторож, кажется, постучал в дверь, когда услышал шум и плач, как выше, и долгое время никто не отвечал; но наконец кто-то выглянул и сказал сердитым, быстрым тоном, и в то же время каким-то плачущим голосом, или голосом того, кто плакал: "Чего вы хотите, что так стучите?" Он ответил: "Я сторож. Как поживаете? В чем дело?" Человек ответил: "Тебе-то что за дело? Останови телегу с мертвецами". Кажется, это было около часа дня. Вскоре после этого, как сказал этот парень, он остановил тележку с мертвецами, а затем постучал снова, но никто не ответил; он продолжал стучать, и посыльный несколько раз крикнул: "Выносите своих мертвецов", - но никто не ответил, пока человека, который вел тележку, не вызвали в другие дома, он не захотел больше оставаться и уехал.

Сторож не знал, что и думать обо всем этом, поэтому оставил их в покое до тех пор, пока утренний сторож, или "дневной сторож", как они его называли, не пришел сменить его. Изложив ему подробности, они долго стучали в дверь, но никто не ответил; и они заметили, что

окно или створка, в которую выглянул человек, ответивший раньше, оставалась открытой, находясь на высоте двух пар ступенек.

После этого двое мужчин, чтобы удовлетворить свое любопытство, достали длинную лестницу, и один из них подошел к окну и заглянул в комнату, где увидел мертвую женщину, лежащую на полу в ужасном виде, на ней не было одежды, кроме сорочки.⁹⁷ Но хотя он громко позвал и, взяв свой длинный посох, сильно постучал по полу, никто не пошевелился и не ответил, и он не услышал никакого шума в доме.

Он снова спустился вниз и рассказал об этом своему товарищу, который тоже поднялся наверх; и, убедившись, что это именно так, они решили сообщить об этом либо лорд-мэру, либо какому-нибудь другому магистрату, но не предложили залезть в окно. Магистрат, по-видимому, получив информацию от двух мужчин, приказал взломать дом, при этом были назначены констебль и другие лица, которые должны были присутствовать, чтобы ничего не было разграблено; и соответственно это было так и сделано, когда в доме не нашли никого, кроме этой молодой женщины, которая была заражена и почти выздоровела, остальные оставили ее умирать в одиночестве, и все ушли, найдя какой-то способ ввести в заблуждение сторожа и открыть дверь, или выбраться через какой-нибудь черный ход, или через крыши домов, так что он ничего не знал об этом. А что касается тех криков, которые он слышал, то предполагалось, что это были страстные вопли семьи при этом горьком расставании, которое, конечно, было для всех них, поскольку это была сестра хозяйки семьи; хозяин дома, его жена, несколько детей и слуг - все ушли и разбежались: больные или здоровые, этого я так и не смог узнать, да я и не особо расспрашивал об этом.

В другом доме, как мне сообщили, на соседней улице в Олдгейте, целую семью заперли, потому что заболела служанка. Хозяин дома пожаловался через своих друзей следующему олдермену и лорд-мэру и согласился, чтобы горничную отнесли в чумной дом, но получил отказ: поэтому дверь была помечена красным крестом, снаружи висячий замок, как указано выше, и приставлен сторож, охраняющий дверь, в соответствии с общественным порядком.

После того, как хозяин дома обнаружил, что нет другого выхода, кроме того, что он, его жена и его дети заперты с этой бедной служанкой, страдающей расстройством, он позвал сторожа и сказал ему, что тогда он должен пойти и привести к ним сиделку, чтобы они ухаживали за этой бедной девочкой, потому что для них всех было бы неминуемой смертью заставлять их ухаживать за ней, и прямо сказал ему, что если он не сделает этого, служанка тоже погибнет⁹⁸ страдал от чумки или умирал с голоду из-за отсутствия еды, поскольку он решил, что никто из его семьи не должен приближаться к ней; и она лежала на чердаке, на высоте четырех этажей, где не могла закричать или позвать кого-либо на помощь.

Сторож согласился с этим, пошел и привел сиделку, как ему было назначено, и привел ее к ним в тот же вечер. В течение этого промежутка времени хозяин дома воспользовался случаем, чтобы проделать большую дыру в стене своей лавки, ведущей в прилавок, где раньше перед витриной или под ней сидел сапожник; но арендатор, как можно предположить в такое мрачное время, как это, был мертв или переехал, и поэтому ключ находился у него на хранении. Имея⁹⁹ пробрался в эту кабинку, чего он не смог бы сделать, если бы мужчина стоял у двери, шум, который он был вынужден издавать, был таким, что встревожил бы сторожа, — я говорю, пробравшись в эту кабинку, он сидел неподвижно, пока сторож не вернулся с медсестрой, и весь следующий день тоже; но следующей ночью, ухитрившись избежать этого, он поднял шум,

который встревожил бы сторожа. отправив сторожа с другим пустяковым поручением (которое, как я понимаю, заключалось в том, чтобы сходить в аптеку за пластырем для горничной, у которой он должен был остаться на время макияжа, или по какому-нибудь другому подобному поручению, которое могло бы обеспечить ему пребывание здесь на некоторое время), он за это время вывез себя и всю свою семью из дома и оставил няню и сторожа хоронить бедняжку, то есть бросить ее в повозку, и заботиться о доме.

Недалеко от того же места они подорвали сторожа порохом и ужасно обожгли беднягу; и пока он издавал ужасные крики, и никто не осмеливался приблизиться, чтобы помочь ему, вся семья, которая была в состоянии шевелиться, вылезла из окон (высотой в один этаж), двое оставшихся больных звали на помощь. Были приняты меры к тому, чтобы дать им сиделок для ухода за ними; но сбежавших так и не нашли до тех пор, пока после того, как чума утихла, они не вернулись. Но поскольку ничего нельзя было доказать, то и сделать с ними ничего нельзя было.

В других случаях у некоторых были сады и стены, или ограждения, ¹⁰⁰ между ними и их соседями, или дворами и задворками; и они дружбой и мольбами получали разрешение перелезть через эти стены или ограждения и так выйти к дверям своих соседей, или, дав денег своим слугам, заставить их пропустить их ночью. Так что, короче говоря, на закрытие домов ни в коем случае нельзя было полагаться; да и цели это вообще не достигало, скорее приводя людей в отчаяние и доводя их до таких крайностей, что они бросались на любые авантюры.

И что было еще хуже, те, кто вырвался таким образом, распространили инфекцию дальше, блуждая с охватившей их чумой в их отчаянных обстоятельствах, чем они могли бы сделать в противном случае; ибо тот, кто рассматривает все подробности в таких случаях, должен признать и не может сомневаться, но тяжесть этих заточений довела многих людей до отчаяния и заставила их выбегать из своих домов при любой опасности, когда чума была явно на них, не зная ни куда идти, ни что делать, ни что они действительно делали. И многие из тех, кто сделал это, были доведены до ужасной крайности и погибли на улицах или в полях из-за простой нужды, или были сброшены с ног по ¹⁰¹ охватившей их яростной лихорадкой. Другие бродили по сельской местности и шли вперед любым путем, поскольку их вело отчаяние, не зная, куда они идут или пойдут, пока, ослабевшие и уставшие, не получая никакой помощи, пока дома и деревни на дороге не отказывались принимать их к себе, зараженные или нет, они не погибали на обочине дороги или забирались в сараи и не умирали там, никто не осмеливался подойти к ним или помочь им, хотя, возможно, и не зараженные, потому что никто бы им не поверил.

С другой стороны, когда чума впервые охватила семью, то есть когда кто-либо из членов семьи вышел из дома и по неосторожности или иным образом заразился ¹⁰² чума была, безусловно, известна семье до того, как о ней стало известно офицерам, которые, как вы увидите из приказа, были назначены для изучения обстоятельств обо всех больных людях, когда они слышали о том, что они больны.

В этот промежуток времени, между тем, как они заболели, и приходом экзаменаторов, у хозяина дома был досуг и свобода удалиться самому или всей своей семье, если он знал, куда идти; и многие так и поступали. Но величайшим бедствием было то, что многие поступали так после того, как сами по-настоящему заражались, и таким образом заносили болезнь в дома тех, кто был настолько гостеприимен, что принял их; что, надо признать, было очень жестоко и неблагоприятно.

Сейчас я говорю о людях, доведенных до отчаяния опасениями, что их заперут, и о том, что они вырвутся с помощью хитрости или силы, либо до, либо после того, как их заперут, чьи страдания не уменьшились, когда они оказались на свободе, а, к сожалению, усилились. С другой стороны, у многих, кому таким образом удалось спастись, были убежища, куда они могли пойти, и другие дома, где они запирались и прятались до тех пор, пока чума не закончилась; и многие семьи, предвидя приближение чумы, запаслись провизией, достаточной для всей их семьи, и заперлись, да так основательно, что их никто не видел и не слышал, пока инфекция полностью не прекратилась, а затем выехали здоровыми. Я мог бы вспомнить несколько таких случаев и сообщить вам подробности их управления; ибо, несомненно, это был самый эффективный безопасный шаг, который можно было предпринять для тех, чьи обстоятельства не позволяли им переехать, или у кого не было подходящих для данного случая убежищ за границей; ибо, находясь таким образом взаперти, они чувствовали себя так, словно находились в сотне миль отсюда. Я также не помню, чтобы в какой-нибудь из этих семей случился выкидыш. ¹⁰³ Среди них особенно примечательны несколько голландских купцов, которые держали свои дома как маленькие осажденные гарнизоны, не позволяя никому входить или выходить или приближаться к ним; особенно один во дворе на Трокмортон-стрит, чей дом выходил окнами в сад Драпировщиков.

Но я возвращаюсь к делу о зараженных семьях, которым магистраты заткнули рот. Горе этих семей не поддается описанию; и обычно именно в таких домах мы слышали самые заунывные вопли и вопли бедных людей, напуганных до смерти видом состояния их самых дорогих родственников и ужасом от того, что они оказались в заключении.....

Я помню, и пока я пишу эту историю, мне кажется, я слышу саму суть ее: у одной дамы была единственная дочь, молодая девушка лет девятнадцати, которая обладала очень значительным состоянием. Они были всего лишь жильцами в том доме, где жили. Молодая женщина, ее мать и горничная были по какому-то поводу за границей, я не помню по какому, потому что дом не был заперт; но примерно через два часа после того, как они вернулись домой, молодая леди пожаловалась, что ей нехорошо; еще через четверть часа ее вырвало, и она почувствовала сильную боль в голове. "Моли Бога, - говорит ее мать в ужасном испуге, - чтобы у моего ребенка не было чумки!" Боль в голове усилилась, ее мать приказала согреть постель и решила уложить ее в постель и приготовилась дать ей что-нибудь пропотеть, что было обычным средством, которое принималось при первых признаках болезни.

Пока постель проветривалась, мать раздела молодой женщину, и как только ее уложили в постель, она, осмотрев свое тело при свете свечи, сразу же обнаружила роковые знаки на внутренней стороне бедер. Ее мать, не в силах сдержаться, швырнула свечу и закричала так страшно, что этого было достаточно, чтобы вселить ужас в самое отважное сердце в мире. И это был не один крик, не один плач, но, поскольку испуг овладел ее духом, она сначала потеряла сознание, затем пришла в себя, затем забежала по всему дому (вверх и вниз по лестнице), как безумная, и действительно действительно была безумна, и продолжала визжать и вопить в течение нескольких часов, потеряв всякий рассудок или, по крайней мере, управление своими чувствами, и, как мне сказали, больше полностью в себя не пришла. Что касается молодой девушки, то с этого момента она была мертва, потому что гангрена, вызывающая появление пятен, распространилась по всему ее телу, и она умерла менее чем через два часа. Но мать все еще продолжала плакать, ничего больше не зная о своем ребенке, спустя несколько часов

после того, как она умерла. Это было так давно, что я не уверен, но я думаю, что мать так и не оправилась, а умерла через две или три недели после этого.

У меня есть при себе история о двух братьях и их родственнике, которые, будучи холостяками, но которые простояли¹⁰⁴ в городе слишком долго, чтобы уехать, и, действительно, не зная, куда пойти, чтобы хоть как-то уединиться, и не имея возможности далеко уехать, избрали курс ради собственного спасения, который, хотя сам по себе поначалу был отчаянным, все же был настолько естественным, что можно удивиться, что никто не смог сбежать. в то время так поступали многие другие. Они были всего лишь среднего достатка, но все же не настолько бедны, чтобы не иметь некоторых небольших удобств, которые могли бы помочь сохранить жизнь и душу вместе; и, обнаружив, что болезнь ужасным образом усиливается, они решили переодеться, насколько это возможно, и уехать.

Один из них был солдатом в последних войнах,¹⁰⁵ а до этого в Нидерландах;¹⁰⁶ и не был приучен ни к какому конкретному занятию, кроме рук, и, кроме того, был ранен и не мог много работать, в течение некоторого времени работал в пекарне морских бисквитов в Уоппинге.

Брат этого человека тоже был моряком, но так или иначе пострадал из-за¹⁰⁷ одной ноги, из-за чего он не мог выйти в море, но зарабатывал себе на жизнь у парусника в Уоппинге или где-то поблизости, и, будучи хорошим мужем,¹⁰⁸ скопил немного денег и был самым богатым из троих.

Третий мужчина был по профессии столяром или плотницей, умелым парнем, и у него не было ничего, кроме ящика или корзины с инструментами, с помощью которых он мог в любое время зарабатывать себе на жизнь (за исключением такого времени, как это), куда бы он ни пошел; и жил он недалеко от Шедуэлла.

Все они жили в приходе Степни, который, как я уже сказал, был последним, кто был заражен, или, по крайней мере, сильно, и они оставались там до тех пор, пока, очевидно, не увидели, что чума ослабевает в западной части города и распространяется на восток, где они жили.

Историю этих трех мужчин, если читатель согласится, чтобы я изложил ее от их лица, не беря на себя ни ручательства за подробности, ни ответственности за какие-либо ошибки, я изложу настолько отчетливо, насколько смогу, полагая, что история послужит хорошим примером для подражания любому бедняку в случае, если подобное общественное разорение произойдет и здесь. И если, возможно, такого случая не будет (что дарует нам Бог своей бесконечной милости!), все же история может иметь столько применений, что, я надеюсь, никогда не скажут, что ее пересказ был бесполезным.

Я говорю все это до начала истории, поскольку пока мне еще есть что сказать, прежде чем я закончу свою часть.

Все первое время я свободно разгуливал по улицам, хотя и не настолько свободно, чтобы подвергать себя явной опасности, за исключением того случая, когда они вырыли большую яму на церковном дворе нашего прихода в Олдгейте. Это была ужасная яма, и я не мог удержаться от любопытства пойти и посмотреть на нее. Насколько я могу судить, он был около сорока футов в длину и около пятнадцати-шестнадцати футов в ширину, а в то время, когда я впервые взглянул на него, около девяти футов в глубину. Но говорили, что после этого они вырыли его почти на двадцать футов глубиной в одной его части, пока не смогли идти глубже за водой; ибо до этого

они, кажется, вырыли несколько больших ям; ибо, хотя чума надвигалась долго¹⁰⁹ в наш приход, однако, когда она пришла, не было ни одного прихода в Лондоне или его окрестностях, где она свирепствовала бы с такой силой, как в двух приходах Лондона. Олдгейт и Уайтчепел.

Я говорю, что они вырыли несколько ям в другой земле, когда в нашем приходе начала распространяться эпидемия, и особенно когда начали развозить телеги с мертвецами, чего в нашем приходе не было до начала августа. В эти ямы они положили, возможно, по пятьдесят или шестьдесят тел в каждую; затем они сделали ямы побольше, в которые закапывали все, что привозила телега за неделю, которых к середине-концу августа стало от двухсот до четырехсот в неделю. И они не могли выкопать их побольше из-за приказа магистратов, предписывающего им не оставлять тел в радиусе шести футов от поверхности; а поскольку вода прибывала примерно на высоте семнадцати или восемнадцати футов, они не могли, я бы сказал, поместить больше в одну яму. Но теперь, в начале сентября, чума свирепствует ужасающим образом, и количество захоронений в нашем приходе увеличилось до большего, чем было¹¹⁰ когда-либо похороненных в каком-либо приходе в Лондоне не большей протяженности, они приказали вырыть эту ужасную пропасть, ибо это была скорее яма.

Они предполагали, что этой ямы им хватит на месяц или больше, когда они ее выкапывали; и некоторые обвиняли церковных старост в том, что они перенесли такую ужасную вещь, говоря им, что они готовятся похоронить весь приход, и тому подобное. Но время показало, что церковные старосты знали состояние прихода лучше, чем они сами: поскольку яма была закончена 4 сентября, я думаю, что они начали хоронить в ней 6-го, а к 20-му, то есть всего за две недели, они бросили в нее тысячу сто четырнадцать тел, когда им пришлось засыпать ее, и тела оказались на глубине шести футов от поверхности. Я не сомневаюсь, что в приходе могут быть живы какие-нибудь древние люди, которые могут подтвердить этот факт и даже лучше меня могут показать, в каком месте церковного двора находилась яма: ее след также много лет можно было видеть на поверхности церковного двора, он тянется в длину параллельно проходу, который идет вдоль западной стены церковного двора из Хаундсдитча и снова поворачивает на восток, в Уайтчепел, выходя недалеко от гостиницы "Три монахини".

Примерно 10 сентября мое любопытство побудило или, скорее, побудило меня снова пойти и посмотреть на эту яму, в которой было похоронено около четырехсот человек. И я не был удовлетворен, чтобы увидеть ее в дневное время, как я делал это прежде,—ибо тогда не было бы ничего, но рыхлой земле, для всех тел, которые были выброшены в сразу накрыли земли тех, кого они называют "burgiers", которая в другие времена назывались "носителями",—но я решил идти в ночь, и увидеть некоторые из них кинули в.

Был строгий приказ не допускать людей к этим ямам, и это было сделано только для предотвращения заражения. Но через некоторое время этот порядок стал более необходимым, потому что люди, которые были инфицированы и близки к концу, а также в бреду, бежали к этим ямам, завернутые в одеяла или коврики, бросались в них и, как они говорили, "хоронили себя". Я не могу сказать, что офицеры по доброй воле терпели лежать там; но я слышал, что в большой яме в Финсбери, в приходе Крипплгейт (тогда она была открыта для полей, потому что тогда не была обнесена стеной), многие приходили и бросались в нее, и умирали там, прежде чем их засыпали землей; и что, когда они пришли хоронить других и нашли их там, они были совершенно мертвы, хотя и не замерзли.

Это может послужить некоторым описанием ужасных условий того дня, хотя невозможно сказать ничего, что могло бы дать истинное представление об этом тем, кто этого не видел, кроме одного: это было действительно очень, очень, очень ужасно, и такое, что ни один язык не может выразить.

Я получил допуск на церковный двор благодаря знакомству с присутствовавшим там пономарем, который, хотя и не отказал мне вовсе, все же искренне убедил меня не ходить, сказав мне очень серьезно (ибо он был хорошим, религиозным и разумным человеком), что это действительно их дело и долг - рисковать и подвергаться всем опасностям, и что при этом они могут надеяться спастись; но что у меня нет к этому явного призвания, кроме моего собственного любопытства, которое, по его словам, по его мнению, я не стану притворяться достаточным, чтобы оправдать мой риск. Я сказал ему, что на меня давили в мыслях, чтобы я пошел туда, и что, возможно, это было бы поучительное зрелище, которое не лишено своей пользы. "Нет, - говорит добрый человек, - если вы отважитесь на этот счет, "имя Божье,¹¹¹ заходите; ибо, будьте уверены, для вас это будет проповедь, возможно, лучшая, которую вы когда-либо слышали в своей жизни. Это говорящее зрелище, - говорит он, - и у него есть голос, и притом громкий, призывающий всех нас к покаянию"; и с этими словами он открыл дверь и сказал: "Иди, если хочешь".

Его речь немного поколебала мою решимость, и я довольно долго стоял в нерешительности; но как раз в этот момент я увидел две сссылки¹¹² подошел с конца Минори и услышал звон посыльного, а затем появилась "мертвая телега", как они ее называли, едущая по улице: так что я больше не мог сопротивляться своему желанию увидеть это и вошел. Как я мог заметить сначала, на церковном дворе или входящем в него не было никого, кроме похоронщиков и парня, который вел телегу, или, скорее, вел лошадь с телегой; но когда они подошли к яме, они увидели человека, который шел туда и обратно,¹¹³ закутанного в коричневый плащ и делающего движения руками под плащом, как будто он¹¹⁴ в великой агонии. И похоронщики немедленно собрались вокруг него, предположив, что он был одним из тех бедных бредящих или отчаявшихся созданий, которые обычно притворялись, как я уже сказал, что хоронят самих себя. Он ничего не сказал, пока ходил, но два или три раза очень глубоко и громко застонал и вздохнул, как¹¹⁵ он разобьет себе сердце.

Когда похоронщики подошли к нему, они вскоре обнаружили, что он не был ни зараженным и отчаявшимся человеком, как я заметил выше, ни человеком с помутившимся рассудком, но человеком, действительно подавленным ужасным грузом горя, поскольку его жена и несколько детей находились в повозке, которая только что прибыла вместе с ним; и он следовал за ними в агонии и избытке горя. Он скорбел от всего сердца, как это было легко заметить, но с каким-то мужским горем, которое не могло дать выход слезам, и, спокойно попросив похоронщиков оставить его в покое, сказал, что только посмотрит, как бросят тела, и уйдет. Итак, они перестали приставать к нему; но как только повозка развернулась и тела беспорядочно полетели в яму, — что было для него неожиданностью, поскольку он, по крайней мере, ожидал, что их уложат прилично, хотя, на самом деле, впоследствии он убедился, что это было практически невозможно, — я говорю, как только он увидел это зрелище, он громко вскрикнул, не в силах сдержать себя. Я не расслышал, что он сказал, но он отступил на два или три шага и упал в обморок. Похоронщики подбежали к нему и подняли, и через некоторое время он пришел в себя, и они отвели его в Пай¹¹⁶ Таверна, в конце Хаундсдитч, где, кажется, этого человека знали и где о нем позаботились. Уходя, он снова заглянул в яму; но похоронщики так

быстро засыпали тела землей, что, хотя света было достаточно (поскольку там были фонари,¹¹⁷ и свечи в них, расставленные на всю ночь по краям ямы на кучах земли, семь или восемь, а может быть, и больше), все же ничего нельзя было разглядеть.

Это была действительно печальная сцена, и она подействовала на меня почти так же сильно, как и все остальные. Но другой был ужасен и полон ужаса: в повозке было шестнадцать или семнадцать тел; некоторые были завернуты в льняные простыни, некоторые в коврики, некоторые были почти голыми или настолько свободными, что то, чем они прикрывались, упало с них при выпад из повозки, и они упали совершенно голыми среди остальных; но это не имело большого значения для них, как и неприличие для кого-либо другого, поскольку все они были мертвы и должны были быть сбиты вместе в общую могилу человечества, как мы можем это назвать; ибо здесь не было разницы, только бедные и богатые пошли вместе. Другого способа захоронения не было, да и не должно было быть,¹¹⁸ для огромного числа погибших в результате такого бедствия, как это, не хватало гробов.

Сообщалось, в порядке скандала среди похоронщиков, что если какой—либо труп доставлялся им прилично завернутым, как мы тогда это называли, в простыню, завязанную на голове и ногах (что некоторые и делали, и обычно это было из хорошего полотна), - я говорю, сообщалось, что похоронщики были настолько злыми, что раздевали их в повозке и совершенно голыми укладывали на землю; но поскольку я не могу верить в нечто столь мерзкое среди христиан и в то время, когда это было так наполнено ужасами, я могу только рассказать об этом и оставить это в стороне. не определено.

Также ходили бесчисленные истории о жестоком поведении и практике медсестер, ухаживавших за больными, и об их ускорении судьбы тех, за кем они ухаживали во время их болезни. Но я скажу об этом подробнее в своем месте.

Я был действительно потрясен этим зрелищем, оно почти ошеломило меня; и я ушел с глубоко опечаленным сердцем, полным таких горестных мыслей, которые я не могу описать. Как раз в тот момент, когда я выходил из церкви и поворачивал вверх по улице к своему дому, я увидел другую повозку с цепями и идущим впереди посыльным, которая выезжала из Харроу-элли, что на Мясницком ряду, с другой стороны дороги; и будучи, как я заметил, очень набитой мертвыми телами, она тоже ехала прямо через улицу, к церкви. Я постоял немного, но у меня не хватило духу¹¹⁹ вернуться еще раз и увидеть ту же мрачную сцену снова: поэтому я отправился прямо домой, где не мог не с благодарностью подумать о риске, которому подвергся, полагая, что не получил травм, чего на самом деле и не было.

Тут горе бедного несчастного джентльмена снова пришло мне в голову, и я действительно не мог не пролить слез, размышляя об этом, возможно, больше, чем он сам; но его случай был так тяжел для меня, что я не мог совладать с собой и решил снова выйти на улицу и зайти в таверну "Пай", решив узнать, что с ним стало.

К этому времени был уже час ночи, и все же бедный джентльмен был там. Правда заключалась в том, что люди в доме, зная его, развлекали его и держали там всю ночь, несмотря на опасность заразиться от него, хотя казалось, что сам мужчина был совершенно здоров.

Я с сожалением обращаю внимание на эту таверну. Жители были достаточно вежливыми, воспитанными и услужливыми людьми и до сих пор держали свой дом открытым, а торговлю - продолжающейся, хотя и не так открыто, как раньше. Но была ужасная компания парней,

которые пользовались их домом и которые посреди всего этого ужаса собирались там каждую ночь, ведя себя со всеми этими веселыми и шумными выходками, как это обычно бывает у таких людей в другое время, и даже до такой оскорбительной степени, что самим хозяину и хозяйке дома стало сначала стыдно, а затем и страшно перед ними.

Обычно они сидели в комнате рядом с улицей; и поскольку они всегда засиживались допоздна, поэтому, когда телега с мертвецами проезжала через конец улицы, направляясь в Хаундсдитч, который был как раз напротив окон таверны, они часто открывали окна, как только слышали звонок, и выглядывали на них; и поскольку они часто могли слышать печальные стенания людей на улицах или у своих окон, когда телеги проезжали мимо, они отпускали свои дерзкие насмешки в их адрес, особенно если они слышали, как бедняки зывали к Богу, чтобы он смилостивился над ними, а не наоборот. как поступили бы многие в то время, проходя по своим обычным улицам.

Эти джентльмены, будучи чем-то обеспокоены суматохой, связанной с внесением бедного джентльмена в дом, как указано выше, сначала были очень разгневаны на хозяина дома за то, что он позволил такому парню, как они его называли, подняться из могилы в их дом; но, получив ответ, что этот человек был соседом, и что он был здоров, но подавлен бедствием своей семьи и тому подобным, они обратили свой гнев на высмеивание этого человека и его скорби о жене и детях, дразня его недостатком смелости прыгнуть в огромную яму и отправиться на тот свет. небеса, как они насмешливо выражались, вместе с ними, добавляя некоторые очень нецензурные и даже богохульные выражения.

Они были заняты этой мерзкой работой, когда я вернулся в дом; и, насколько я мог видеть, хотя мужчина сидел неподвижно, безмолвный и безутешный, и их оскорбления не могли развеять его печаль, все же он был одновременно опечален и оскорблен их разговором. После этого я мягко упрекнул их, поскольку был достаточно хорошо знаком с их характерами и не был неизвестен лично двоим из них.

Они немедленно обрушились на меня с нецензурными выражениями и ругательствами, спросили меня, что я делал, встав из могилы, в такое время, когда столько честных людей были перенесены на церковный двор, и почему я не был дома и не молился, против [120](#) телега с трупами приехала за мной и тому подобное.

Я действительно был поражен наглостью этих людей, хотя несколько не смутился их обращению со мной; однако я сдержался. Я сказал им, что, хотя я бросал вызов им или любому другому человеку в мире обвинять меня в какой-либо нечестности, все же я признал, что на этом ужасном суде Божьем многие лучшие люди, чем я, были сметены и унесены в могилу; но, отвечая прямо на их вопрос, дело было в том, что я был милостиво сохранен тем великим Богом, чье имя они хулили и поносили напрасно, проклиная и божась ужасным образом; и что я верил, что я был сохранен в частности, среди других проявлений его доброты, чтобы я мог упрекнуть их за их жестокость. дерзкая смелость вести себя таким образом и в такое ужасное время, как это было, особенно из-за их насмешек над честным джентльменом и соседом, ибо некоторые из них знали его, который, как они видели, был переполнен скорбью из-за обид, которые Богу было угодно нанести его семье.

Я не могу точно припомнить адские, отвратительные насмешки, которыми они ответили на мой разговор, будучи, по-видимому, спровоцированы тем, что я несколько не боялся быть с ними

откровенным; и, если бы я мог вспомнить, я бы не стал дополнять свой отчет какими-либо словами, ужасными ругательствами, проклятиями и мерзкими выражениями, которые в то время дня не употребляли даже самые худшие и заурядные люди на улице: ибо, за исключением таких закоренелых созданий, как эти, самые злостные негодяи, которых только можно было найти, имели дело с ними. в то время их охватил некоторый ужас перед рукой той Силы, которая могла таким образом в одно мгновение уничтожить их.

Но худшим во всем их дьявольском языке было то, что они не боялись богохульствовать и говорить атеистически, высмеивая то, что я называл чуму рукой Божьей, насмехаясь и даже смеясь над словом "суд", как будто Божье провидение не имело отношения к нанесению такого сокрушительного удара; и что люди, взывающие к Богу, когда они видели повозки, увозящие мертвые тела, были полны энтузиазма, абсурда и дерзости.

Я ответил им так, как считал нужным, но обнаружил, что это было настолько далеко от того, чтобы положить конец их ужасной манере выражаться, что это заставило их еще больше возмущаться; так что, признаюсь, это наполнило меня ужасом и чем-то вроде ярости; и я ушел, как и сказал им, чтобы рука того Правосудия, которое посетило весь город, не прославила его месть им и всем, кто был рядом с ними.

Они принимали все упреки с величайшим презрением и выставляли меня на посмеище, какое только было возможно для них, осыпая меня всеми позорными наглыми насмешками, какие только могли придумать за проповедь им, как они это называли, что, действительно, скорее огорчало меня, чем злило; и я ушел, мысленно благословляя Бога за то, что я не пощадил их, хотя они так сильно оскорбили меня.

Они продолжали этот отвратительный курс три или четыре дня после этого, постоянно насмехаясь и глумясь над всеми, кто проявлял религиозность или серьезность, или кто был хоть как-то тронут чувством ужасного Божьего суда над нами; и мне сообщили, что они таким же образом глумились над добрыми людьми, которые, несмотря на заразу, собирались в церкви, постились и молили Бога убрать от них свою руку.

Я говорю, что они продолжали этот ужасный путь три или четыре дня (думаю, не больше), когда один из них, особенно тот, кто спросил бедного джентльмена, что он делал, встав из могилы, был поражен Небесной чумой и умер самым прискорбным образом; и, одним словом, каждого из них перенесли в огромную яму, о которой я упоминал выше, прежде чем она была полностью засыпана, что продолжалось не более двух недель или около того.

Эти люди были виновны во многих сумасбродствах, о которых, как можно было бы подумать, человеческая природа должна была трепетать при мысли о том, что в такое время всеобщего террора, какое тогда обрушилось на нас, они особенно глумились и высмеивали все, что им случалось видеть религиозного среди людей, особенно то, что они ревностно устремлялись к месту публичного богослужения, чтобы молить Небеса о милосердии в такое тяжелое время; и эта таверна, где они держали свой клуб, находилась в пределах видимости церковных дверей, у них был более особый повод для их атеистического, нечестивого поведения. веселье.

Но это начало у них понемногу утихать еще до того, как произошел несчастный случай, о котором я рассказывал; ибо инфекция теперь так сильно распространилась в этой части города, что люди стали бояться приходить в церковь: по крайней мере, туда не стекалось такое количество людей, как обычно. Многие священнослужители также были мертвы, а другие

уехали в деревню; ибо человеку действительно требовались непоколебимое мужество и сильная вера, чтобы не только отважиться оказаться в городе в такое время, как это, но и отважиться прийти в церковь и исполнять обязанности священника перед прихожанами, среди которых, как он имел основания полагать, многие из них действительно были заражены чумой, и делать это каждый день или два раза в день, как это делалось в некоторых местах.

Похоже, что они были остановлены за открытое оскорбление религии таким образом несколькими хорошими людьми всех убеждений; и эта [121](#) и яростное распространение инфекции, я полагаю, стало причиной того, что они на некоторое время поутихли в своей грубости и были только воодушевлены духом рибальдизма и атеизма при шуме, который был поднят. когда джентльмена впервые привели туда, и, возможно, они были взволнованы тем же дьяволом, когда я взялся отчитывать их; хотя сначала я делал это со всем спокойствием, вспыльчивостью и хорошими манерами, на которые был способен, за что какое-то время они оскорбляли меня еще больше, думая, что это было из-за страха перед их негодованием, хотя впоследствии они убедились в обратном. [122](#)

Все это не выходило у меня из головы, и я отправился домой, очень опечаленный и подавленный ужасом перед злодеяниями этих людей и мыслью о том, что что-то может быть настолько мерзким, ожесточенным и заведомо порочным, чтобы оскорблять Бога, его слуг и его культ таким образом и в такое время, как это было, когда он как бы держал в руке обнаженный меч, чтобы отомстить не только им, но и всему народу.

Поначалу я действительно испытывал к ним некоторую страсть, хотя на самом деле она была вызвана не каким-либо оскорблением, которое они нанесли мне лично, а ужасом, которым наполнили меня их богохульные языки. Однако в глубине души я сомневался, что обида, которую я испытывал, была вызвана не только мной лично; потому что они тоже наговорили мне много дурного, я имею в виду лично меня: но после некоторой паузы, и с тяжестью горя на душе, я удалился, как только вернулся домой (ибо в ту ночь я не спал), и, смиреннейшим образом поблагодарив Бога за то, что он спас меня от неминуемой опасности, в которой я находился, я решил серьезно и с предельной серьезностью помолиться за этих отчаявшихся несчастных, чтобы Бог простил их, открыл им глаза и избавил от них. эффективно смирите их.

Этим я не только исполнил свой долг, а именно помолился за тех, кто пренебрежительно использовал меня, но и полностью испытал свое собственное сердце, к моему полному удовлетворению, обнаружив, что оно не было наполнено духом негодования, поскольку они оскорбили, в частности, меня; и я смиренно рекомендую этот метод всем тем, кто хотел бы знать или быть уверенным, как отличить свое рвение к чести Бога от последствий своих личных страстей и негодования.

Я помню гражданина, который, вырвавшись из своего дома на Олдерсгейт-стрит или около того, направился по дороге в Ислингтон. Он попытался перейти по [123](#) в гостиницу "Ангел", а затем в "Белую лошадь", две гостиницы, известные по тем же указателям, но получил отказ, после чего он перешел по Ryed [124](#) Бик, гостиница, также сохранившая ту же вывеску. Он попросил у них приюта только на одну ночь, притворившись, что едет в Линкольншир, и заверив их, что он совершенно здоров и свободен от инфекции, которая также в то время не распространилась таким образом.

Они сказали ему, что у них нет жилья, что они могут занять только одну кровать на чердаке, и что они могут занять эту кровать только на одну ночь, так как на следующий день ожидаются несколько погонщиков со скотом: так что, если он согласится на это жилье, он может его получить, что он и сделал. Поэтому был послан слуга со свечой, чтобы показать ему комнату. Он был очень хорошо одет и выглядел как человек, не привыкший ночевать на чердаке; войдя в комнату, он глубоко вздохнул и сказал слуге: "Я редко ночевал в таком жилище, как это". Однако слуга снова заверил его, что лучшего у них нет. "Что ж, - говорит он, - я должен сменить работу. ¹²⁵ Это ужасное время, но это всего на одну ночь ". Поэтому он сел на кровать и приказал служанке, кажется, это была она, принести ему пинту теплого эля. Соответственно, служанка отправилась за элем; но какая-то спешка в доме, которая, возможно, заставила ее использовать другие способы, выбросила это из головы, и она больше не поднималась к нему.

На следующее утро, не увидев джентльмена, кто-то в доме спросил слугу, который проводил его наверх, что с ним случилось. Она вздрогнула. "Увы! - говорит она. - Я никогда больше не думала о нем. Он просил меня принести ему теплого эля, но я забыла". После чего за ним была послана не горничная, а какой-то другой человек, который, войдя в комнату, обнаружил его совершенно мертвым и почти холодным, распростертым поперек кровати. Его одежда была сорвана, челюсть отвисла, глаза открыты в самой устрашающей позе, одной рукой он крепко сжимал покрывало на кровати, так что было ясно, что он умер вскоре после того, как служанка ушла от него; и вполне вероятно, что, поднявшись наверх с элем, она обнаружила бы его мертвым через несколько минут после того, как он сел на кровать. Как любой может предположить, в доме царила большая тревога, поскольку они были свободны от чумы до этого несчастья, которое, занеся инфекцию в дом, немедленно распространило ее на другие дома вокруг. Я не помню, сколько человек умерло в самом доме; но я думаю, что служанка, которая первой поднялась с ним наверх, вскоре заболела от испуга, и еще несколько человек; ибо, если за неделю до этого в Ислингтоне от чумы умерли всего двое, то неделю спустя умерло девятнадцать человек, из которых четырнадцать были от чумы. Это было на неделе с 11 по 18 июля.

Был один сдвиг ¹²⁶, который произошел у некоторых семей, и не у многих, когда их дома оказались зараженными, и который заключался в следующем: семьи, которые при первом преодолении эпидемии бежали за город и укрывались среди своих друзей, обычно находили кого-то из своих соседей или родственников, на кого можно было возложить заботу об этих домах для обеспечения безопасности. о товарах и тому подобном. Некоторые дома действительно были полностью заперты, двери заперты на висячий замок, окна и двери забиты досками, и только их осмотр был поручен обычным сторожам и приходским чиновникам; но их было совсем немного.

Считалось, что в городе и пригородах насчитывалось не менее тысячи домов, покинутых жителями, включая те, что находились в пригородах и в Суррее, или на берегу реки, которую они называли Саутуорк. Это не считая количества жильцов и отдельных лиц, которые были изгнаны из других семей; так что в целом было подсчитано, что всего было изгнано около двухсот тысяч человек. ¹²⁷ Но об этом я еще скажу. Но я упоминаю об этом здесь по этому поводу, а именно: у тех, кто таким образом имел на попечении два дома, существовало правило, что, если кто-то в семье заболел, прежде чем хозяин семьи сообщал об этом экзаменаторам или любому другому должностному лицу, он немедленно отправлял всех остальных членов своей семьи, будь то дети или слуги, в зависимости от обстоятельств, в такой другой дом, за который он не отвечал, а затем, уведомив экзаменатора о больном человеке, назначал сиделку

или сиделок и запирали с ними в доме еще одного человека (что сделали бы многие за деньги), чтобы взять на себя заботу о доме на случай смерти человека.

Во многих случаях это было спасением целой семьи, которая, если бы ее заперли вместе с больным человеком, неизбежно погибла бы. Но, с другой стороны, это было еще одно неудобство закрытых домов; ибо опасения и ужас оказаться взаперти заставляли многих убегать вместе с остальными членами семьи, которые, хотя это не было общеизвестно и они не были совсем больны, все же страдали от хвори; и которые, имея непрерывную свободу передвижения, но будучи по-прежнему вынуждены скрывать свои обстоятельства, или, возможно, сами не зная этого, заразили хворью других и распространили инфекцию ужасным образом, как я объясню позже.

В моей семье были только пожилая женщина, которая вела хозяйство, служанка, два подмастерья и я сам; и когда чума вокруг нас начала усиливаться, у меня возникло много печальных мыслей о том, какой курс мне избрать и как мне действовать. Множество мрачных предметов¹²⁸, которые происходили повсюду, пока я ходил по улицам, наполнили мой разум большим ужасом из-за страха перед самой чумой, которая действительно была ужасна сама по себе, а у некоторых - больше, чем у других. Опухоли, которые обычно были на шее или в паху, когда они затвердевали и не желали лопаться, становились настолько болезненными, что это было равносильно самой изощренной пытке; и некоторые, не в силах выносить мучения, выбрасывались из окон, или стрелялись в себя, или иным образом спасались, и я видел несколько мрачных объектов такого рода. Другие, не в силах сдерживаться, выражали свою боль непрекращающимся ревом; и такие громкие и жалобные крики были слышны, когда мы шли по улицам, что¹²⁹ мысль об этом пронзила бы самое сердце, особенно если учесть, что можно было ожидать, что та же самая ужасная напасть каждую минуту обрушится на нас самих.

Я не могу не сказать, что теперь я начал сомневаться в своих решениях. Мое сердце очень сильно дрогнуло, и я горько раскаялся в своей опрометчивости, когда вышел на улицу и столкнулся с такими ужасными вещами, о которых я говорил. Я говорю, что раскаивался в своей опрометчивости, решившись остаться в городе, и часто жалел, что решил остаться, а уехал со своим братом и его семьей.

В ужасе от этих ужасных предметов я иногда возвращался домой и принимал решение больше никуда не выходить; и, возможно, я придерживался этого решения в течение трех или четырех дней, которые я проводил в самой серьезной благодарности за свое спасение и сохранение моей семьи, и в постоянном исповедании своих грехов, каждый день отдавая себя Богу и обращаясь к нему с постом, унижением и размышлением. Те промежутки времени, которые у меня были, я использовал для чтения книг и составления своих записок о том, что происходило со мной каждый день, и из которых впоследствии я взял большую часть этой работы, поскольку она относится к моим наблюдениям без дверей. То, что я написал о своих личных медитациях, я оставляю для частного использования и ни в коем случае не желаю, чтобы это стало достоянием общественности.

Я также написал другие размышления на божественные темы, которые пришли мне в голову в то время и были полезны для меня, но не подходили ни для каких других взглядов, и поэтому я больше ничего об этом не говорю.

У меня был очень хороший друг, врач по имени Хит, которого я часто навещал в это мрачное время и чьим советам я был очень обязан за многие вещи, которые он посоветовал мне принимать для предотвращения инфекции, когда я выхожу на улицу, что, как он обнаружил, я часто делал, и держать во рту, когда я нахожусь на улице. Он также очень часто приходил навестить меня; и поскольку он был добрым христианином, а также хорошим врачом, его приятная беседа стала для меня очень большой поддержкой в самое тяжелое время.

Было начало августа, и чума в том месте, где я жила, стала очень свирепой и ужасной; и доктор Хит, приехав навестить меня и обнаружив, что я так часто отваживаюсь выходить на улицу, убедил меня запереть себя и мою семью и никому из нас не разрешать выходить на улицу; плотно закрывать все окна, ставни и занавески и никогда их не открывать, но сначала очень сильно прокурить канифолью комнату, где должно быть открыто окно или дверь¹³⁰ и смолы, серы, пороха и тому подобного; и мы занимались этим некоторое время. Но поскольку я не запасся провизией для такого отступления, было невозможно, чтобы мы могли полностью оставаться за дверями. Тем не менее, я попытался, хотя было уже очень поздно, что-то предпринять в этом направлении; и во-первых, поскольку у меня были удобства как для варки, так и для выпечки, я пошел и купил два мешка муки, и в течение нескольких недель, имея печь, мы сами пекли весь хлеб; также я купил солод и сварил столько пива, сколько вмещали все имевшиеся у меня бочки, и этого, казалось, было достаточно, чтобы служить моему дому в течение пяти или шести недель; также я положил немного соленого масла и чеширского сыра; но у меня не было мяса,¹³¹ и чума так свирепствовала среди мясников и скотобоен на другой стороне нашей улицы, где, как известно, они обитают в большом количестве, что было нежелательно даже переходить улицу среди них.

И здесь я должен еще раз заметить, что необходимость выходить из домов за провизией в значительной степени погубила весь город; ибо в таких случаях люди заражались чумой одно за другим; и даже сами провизия часто оказывалась испорченной (по крайней мере, у меня есть большие основания так полагать), и поэтому я не могу с удовлетворением сказать то, что, как я знаю, повторяется с большой уверенностью, что люди с рынка и те, кто привозил провизию в город, никогда не были заражены. Я уверен, что мясники Уайтчепела, где убивалась большая часть мяса, подвергались ужасным посещениям, и в конце концов их лавки были открыты до такой степени, что лишь немногие из них оставались открытыми; а те, что остались, убивали мясо в Майл-Энде и таким способом и привозили его на рынок на лошадях.

Однако бедняки не могли запастись провизией, и было необходимо, чтобы они ходили на рынок за покупками, а другие посылали слуг или своих детей; и, поскольку эта необходимость повторялась ежедневно, это приводило на рынки множество нездоровых людей; и очень многие, которые приходили туда здоровыми, приносили с собой домой смерть.

Это правда, люди приняли все возможные меры предосторожности. Когда кто-нибудь покупал на рынке кусок мяса, он¹³² не брал его из рук мясника, а сам снимал с крючков.¹³² С другой стороны, мясник не прикасался к деньгам, а клал их в кастрюлю с уксусом, которую держал специально для этой цели. Покупатель всегда носил с собой мелкие деньги, чтобы составить любую нечетную сумму, чтобы не брать сдачи. Они несли в руках флаконы для ароматов и духов, и в ход шли все средства, которые можно было использовать; но тогда бедняки не могли делать даже этого, и они шли на любой риск.

Бесчисленные мрачные истории мы слышали каждый день именно на этот счет. Иногда мужчина или женщина падали замертво прямо на рынках; ибо многие люди, пораженные чумой, ничего не знали об этом, пока внутренняя гангрена не поражала их жизненно важные органы, и они умирали через несколько мгновений. Это приводило к тому, что многие часто умирали таким образом на улице внезапно, без какого-либо предупреждения: у других, возможно, было время перейти к следующему скоплению [133](#) или в кабинку, или к любой двери или крыльцу, и просто сесть и умереть, как я уже говорил раньше.

Эти предметы были так часто встречены на улицах, что, когда чума стала очень свирепствовать с одной стороны, по улицам почти никто не проходил, но несколько мертвых тел лежали тут и там на земле. С другой стороны, можно заметить, что, хотя поначалу люди останавливались на ходу и звали соседей выйти по такому случаю, однако впоследствии на них не обращали внимания; но что, если в какой-то момент мы обнаруживали лежащий труп, переходите дорогу и не приближайтесь к нему; или, если в узком переулке или проходе, возвращайтесь обратно и ищите какой-нибудь другой способ продолжить начатое дело. И в таких случаях трупы всегда оставляли до тех пор, пока офицеры не получали уведомления, чтобы прийти и забрать их, или до ночи, когда носильщики, сопровождавшие тележку с трупами, поднимали их и уносили прочь. Те бесстрашные существа, которые выполняли эти обязанности, также не преминули обыскать их карманы, а иногда и содрать с них одежду, если они были хорошо одеты, как иногда и бывало, и унести все, что смогли достать.

Но вернемся к рынкам. Мясники заботились о том, чтобы, если кто-нибудь умирал на рынке, у них всегда были под рукой служащие, которые могли поднять его на ручных тачках и отнести на соседнее кладбище; и это было так часто, что такие случаи не заносились в еженедельный счет найденных мертвецов на улицах или в полях, как это происходит сейчас, но они попадали в общие статьи великой смуты.

Но теперь ярость смуты возросла до такой степени, что даже рынки были очень скудно снабжены провизией или часто посещались покупателями по сравнению с тем, что было раньше; и лорд-мэр приказал деревенским жителям, которые приносили провизию, останавливаться на улицах, ведущих в город, и сидеть там со своими товарами, где они продавали то, что приносили, и немедленно уходили. И это очень воодушевляло сельских жителей поступать так; ибо они продавали свою провизию у самых въездов в город и даже в полях, особенно на полях за Уайтчепелом, в Спитлфилдсе. Обратите внимание, те улицы, которые сейчас называются Спитлфилдс, тогда действительно были открытыми полями; также на Сент-Джордж-Филдс в Саутуорке, на Банхилл-Филдс и на большом поле под названием Вудс-Клоуз, недалеко от Ислингтона. Туда лорд-мэр, олдермены и магистраты посылали своих чиновников и слуг за покупками для своих семей, сами стараясь по возможности не выходить за дверь; и то же самое делали многие другие люди. И после того, как этот метод был применен, деревенские жители пришли с большой бодростью и принесли всевозможную провизию, и очень немногие дома не пострадали, что, я полагаю, также подкрепило слух об их чудесном спасении. [134](#)

Что касается моей маленькой семьи, то, таким образом, как я уже сказал, запасшись хлебом, маслом, сыром и пивом, я последовал совету моего друга и врача, заперся вместе со своей семьей и решил скорее перенести трудности, прожив несколько месяцев без мяса, чем покупать его с риском для жизни.

Но, хотя я и заперла свою семью, я не могла побороть свое неудовлетворенное любопытство и полностью замкнуться в себе, и, хотя обычно я приходила домой испуганная, все же я не могла сдерживаться, хотя, на самом деле, делала это не так часто, как вначале.

Действительно, у меня были небольшие обязательства посещать дом моего брата, который находился в приходе на Коулмен-стрит и который он оставил на мое попечение; и я ходил туда сначала каждый день, но потом только раз или два в неделю.

Во время этих прогулок у меня перед глазами было много мрачных сцен, в частности, люди падали замертво на улицах, ужасные вопли и визги женщин, которые в агонии распахивали окна своих комнат и кричали самым ужасным образом. Невозможно описать разнообразие поз, в которых выражались бы страсти бедных людей.

Проходя через Токен-Хаус-Ярд в Лотбери, я внезапно с силой распахнул окно прямо над моей головой, и какая-то женщина трижды пронзительно взвизгнула, а затем закричала: "О смерть, смерть, смерть!" самым неподражаемым тоном, и это [135](#) повергло меня в ужас, и [136](#) холодок пробежал по самой моей крови. На всей улице никого не было видно, и ни одно другое окно не открывалось, потому что люди в любом случае больше не проявляли любопытства, и никто не мог помочь друг другу: поэтому я пошел дальше, в Колокольный переулок.

Как раз на Белл-элли, по правую руку от пассажа, раздался еще более ужасный крик, хотя он и не был направлен в окно. Но вся семья была в ужасном испуге, и я слышал, как женщины и дети с криками носились по комнатам, как обезумевшие, когда открылось окно на чердаке, и кто-то из окна на другой стороне переулка позвал их и спросил: "В чем дело?" На что из первого окна раздался ответ: "О господи, мой старый хозяин повесился!" Другой снова спросил: "Он совсем мертв?" и первый ответил: "Да, да, совсем мертв; совершенно мертв и холоден!" Этот человек был торговцем, заместителем олдермена и очень богатым. Я стараюсь не упоминать его имени, хотя я тоже знал его имя; но это было бы затруднением для семьи, которая сейчас снова процветает. [137](#)

Но это всего лишь одно из них. Вряд ли можно верить, какие ужасные случаи происходили в отдельных семьях каждый день — люди в ярости от чумы или из-за своих опухолей, которые были действительно невыносимыми, бежали от своего собственного правительства, [138](#) бредили и теряли рассудок, часто накладывали на себя руки, выбрасывались из окон, стреляли в себя и т.д.; матери убивали своих детей. собственные дети в их безумии; некоторые умирают от простого горя как страсти, некоторые от простого испуга и неожиданности вообще без какой-либо инфекции; другие напуганы до идиотизма [139](#) и глупых отвлекающих факторов, одни до отчаяния и безумия, другие до меланхолического безумия.

Боль от опухоли была особенно сильной, а для некоторых и невыносимой. Можно сказать, что врачи и хирурги замучили многих бедняг даже до смерти. Опухоли у некоторых затвердели, и они накладывали сильно затягивающие пластыри или припарки, чтобы разорвать их; а если это не помогало, они ужасно резали и калечили их. У некоторых эти опухолizatвердели, частично из-за болезни, а частично из-за того, что их слишком сильно растягивали, и были такими твердыми, что никакой инструмент не мог их разрезать; и тогда они прижигали их едкими веществами, так что многие умирали, сходя с ума от мучений, а некоторые и во время самой операции. В этих бедствиях некоторые, за неимением помощи, чтобы удержать их в постелях или позаботиться о них, накладывали на себя руки, как описано выше; некоторые выбегали на

улицы, возможно, голыми, и бежали прямо к реке, если их не останавливали стражники или другие офицеры, и бросались в воду везде, где находили ее.

Стоны и крики тех, кто подвергался таким мучениям, часто пронзали саму мою душу. Но из двух случаев этот считался наиболее многообещающим во всей инфекции: ибо, если эти опухоли удавалось довести до предела, прорвать и запустить, или, как это называют хирурги, "переварить", пациент обычно выздоравливал; тогда как те, кого, подобно дочери благородной дамы, смерть настигала в самом начале, и на них появлялись признаки, часто оставались безразлично спокойными незадолго до смерти, а некоторые - до того момента, когда они падали, как это часто бывает при апоплексии и эпилепсии. Таким людям внезапно становилось очень плохо, и они бежали к скамейке или навесу, или в любое удобное место, которое подвернулось, или к своим собственным домам, если это было возможно, как я упоминал ранее, и там садились, теряли сознание и умирали. Этот вид умирания был во многом таким же, как и у тех, кто умирает от обычных умерщвлений, ¹⁴⁰ которые умирают в обмороке и, так сказать, уходят во сне. Те, кто умер таким образом, вообще очень мало замечали о своем заражении, пока гангрена не распространилась по всему их телу; да и сами врачи не могли наверняка знать, что с ними происходило, пока они не вскрывали себе грудь или другие части тела и не видели признаков.

В то время нам рассказывали очень много ужасных историй о медсестрах и сторожах, которые ухаживали за умирающими людьми (то есть о наемных сиделках, которые ухаживали за инфицированными людьми), варварски используя их, моря голодом, душа их или другими злымиспособами ускоряя их конец, то есть убивая их. И поскольку сторожей поставили охранять запертые дома, когда там остался только один человек, и, возможно, тот, кто лежал больным, ^{эта141} они ворвались внутрь и убили это тело, и немедленно бросили его в тележку для перевозки трупов; и поэтому они едва успели остыть в могиле.

Я не могу сказать ничего, кроме того, что было совершено несколько таких убийств, и я думаю, что двое были отправлены за это в тюрьму, но умерли до того, как их смогли судить; и я слышал, что еще трое, в разное время, были казнены за убийства подобного рода. Но я должен сказать, что я не верю в то, что это было настолько распространенным преступлением, как некоторые с тех пор изволили утверждать; и это не казалось таким уж рациональным, когда люди были опущены так низко, что не могли помочь себе сами; ибо такие редко выздоравливали, и не было соблазна совершить убийство, по крайней мере, равного факту, когда они были уверены, что люди умрут за такое короткое время и не смогут жить.

Я не отрицаю, что даже в это ужасное время было совершено великое множество грабежей и нечестивых поступков. Сила алчности была настолько сильна в некоторых, что они шли на любой риск, чтобы украсть и разграбить; и, особенно в домах, где все семьи или обитатели были мертвы и унесены, они вламывались во что бы то ни стало и, невзирая на опасность заражения, забирали даже одежду с мертвых тел и постельное белье с других, где они лежали мертвыми.

Я полагаю, это, должно быть, случай с семьей в Хаундсдиче, где мужчина и его дочь (остальных членов семьи, как я полагаю, увезли раньше на телеге для перевозки трупов) были найдены совершенно голыми, один в одной комнате, другой в другой, лежащими мертвыми на полу, а постельное белье (откуда, как предполагается, его скатили воры) украдено и унесено прочь.

Действительно, следует отметить, что женщины во всем этом бедствии были самыми опрометчивыми, бесстрашными и отчаявшимися созданиями. И, поскольку было огромное количество людей, которые работали медсестрами, ухаживая за больными, они совершали множество мелких краж в домах, где они работали; и некоторые из них были публично выпороты за это, хотя, возможно, их скорее следовало бы повесить для примера, ¹⁴² ибо в этих случаях было ограблено множество домов; пока, наконец, приходские чиновники не были отправлены в отставку. рекомендовать сиделок больным и всегда отчитываться, кого именно они послали, чтобы можно было призвать их к ответу, если в доме, куда они были помещены, подверглись жестокому обращению.

Но эти грабежи распространялись главным образом на одежду, белье и те кольца или деньги, которые они могли достать, когда умирал человек, находившийся под их опекой, но не на общее разграбление домов. И я мог бы рассказать вам об одной из этих медсестер, которая несколько лет спустя, находясь на смертном одре, с величайшим ужасом призналась в кражах, которые она совершила в то время, когда была медсестрой, и на которых она в значительной степени обогатилась. Но что касается убийств, я не нахожу, чтобы когда-либо были какие-либо доказательства этого факта в том виде, в каком о нем сообщалось, за исключением приведенного выше.

Они действительно рассказали мне о медсестре в одном месте, которая положила мокрую ткань на лицо умирающего пациента, за которым ухаживала, и таким образом положила конец его жизни, которая незадолго до этого умирала; и о другой, которая задушила молодую женщину, за которой ухаживала, когда та была в обмороке и хотела прийти в себя; некоторые убивали их, давая им одно, другие - другое, а некоторые морили голодом, не давая им вообще ничего. Но у этих историй были два признака подозрительности, которые всегда сопровождали их, что заставляло меня всегда относиться к ним пренебрежительно и смотреть на них как на простые истории, которыми люди постоянно пугают друг друга: (1) Где бы мы это ни услышали, место действия всегда располагалось на дальнем конце города, противоположном или наиболее удаленном от того места, где вы должны были это услышать. Если вы слышали это в Уайт-часовне, значит, это произошло в Сент-Джайлсе, или в Вестминстере, или в Холборне, или на том конце города; если вы слышали это на том конце города, значит, это произошло в Уайтчепеле, или в Минори, или около прихода Крипплгейт; если вы слышали об этом в сити, значит, это произошло в Саутворке; а если вы слышали об этом в Саутворке, значит, это произошло в сити; и тому подобное.

Далее, какую бы часть истории вы ни слышали, детали всегда были одинаковыми, особенно то, что касается нанесения двойного мокрого удара ¹⁴³ на лицо умирающего мужчины и удушения молодой леди: так что было очевидно, по крайней мере, на мой взгляд, что в этих вещах больше сказки, чем правды.

Мой сосед и знакомый, которому лавочник на Уайткросс-стрит или где-то поблизости задолжал немного денег, послал своего ученика, юношу лет восемнадцати, попытаться раздобыть эти деньги. Он подошел к двери и, обнаружив, что она закрыта, довольно сильно постучал и, как ему показалось, услышал, как кто-то отвечает внутри, но не был уверен: поэтому он подождал и через некоторое время постучал снова, а затем в третий раз, когда услышал, что кто-то спускается по лестнице.

Наконец хозяин дома подошел к двери. На нем были бриджи, или панталоны, и желтый фланелевый жилет, без чулок, в туфлях-слипонах, с белой шапочкой на голове и, как сказал молодой человек, со смертью в лице.

Открыв дверь, он сказал: "Зачем ты меня так беспокоишь?" Мальчик, хотя и немного удивленный, ответил: "Я родом из такого-то дома; и мой хозяин послал меня за деньгами, о которых, по его словам, ты знаешь". — "Очень хорошо, дитя, - отвечает живой призрак. - когда будешь проходить мимо, зайди в церковь Крипплгейт и попроси позвонить в колокол", - и с этими словами снова закрыл дверь, снова поднялся наверх и умер в тот же день, нет, возможно, в тот же час. Это молодой человек сказал мне сам, и у меня есть основания этому верить. Это было в то время, когда эпидемия чумы еще не достигла апогея. Я думаю, это было в июне, ближе к концу месяца. Должно быть, это было до того, как появились повозки с мертвецами, и пока они использовали церемонию поминания усопших, которая наверняка закончилась, по крайней мере в этом приходе, до июля месяца; ибо к 25 июля за неделю умерло пятьсот пятьдесят человек и выше, и тогда они больше не могли хоронить по форме ¹⁴⁴ богатых или бедных.

Я упоминал выше, что, несмотря на это ужасное бедствие, все же эта ¹⁴⁵ воров находились за границей во всех случаях, когда они находили какую-либо добычу, и что это были, как правило, женщины. Однажды утром, около одиннадцати часов, я, как часто делал, отправился в дом моего брата на Коулмен-стрит Пэриш, чтобы убедиться, что все в порядке.

Перед домом моего брата был небольшой дворик, кирпичная стена и ворота, а внутри несколько складов, где лежали его товары разных видов. Случилось так, что на одном из этих складов оказалось несколько упаковок женских шляп с высокими тульями, которые поступили из страны и предназначались, как я полагаю, для экспорта, куда - я не знаю.

Я был удивлен, когда, подойдя к дому моего брата, который находился в месте, называемом Лебединой аллеей, я встретил трех или четырех женщин в шляпах с высокими тульями на головах; и, как я вспомнил впоследствии, у одной, если не больше, тоже было несколько шляп в руках. Но поскольку я не видел, как они выходили из дома моего брата, и не знал, что у моего брата на складе есть какие-либо подобные товары, я не стал ничего им говорить, а перешел дорогу, чтобы избежать встречи с ними, как это было обычно в то время, из страха перед чумой. Но когда я подошел ближе к воротам, я встретил другую женщину, в большем количестве шляп, выходявшую из ворот. "Какое дело, хозяйка, - спросил я, — у вас там было?" - "Там больше людей", - сказала она. "У меня там было не больше дел, чем у них". Тогда я поспешил к воротам и больше ничего ей не сказал; таким образом, она ушла. Но как только я подошел к воротам, я увидел еще двоих, идущих через двор, чтобы выйти, тоже в шляпах на головах и под мышками; после чего я захлопнул за собой калитку, которая, имея пружинный замок, заперлась сама. И, повернувшись к женщинам, "Боже мой, - сказал я, - что вы здесь делаете?" - и, схватив шляпы, отобрал их у них. Одна из них, которая, признаюсь, не была похожа на воровку, "Действительно, - говорит она, - мы ошибаемся; но нам сказали, что это товар, у которого нет хозяина: будьте любезны взять его снова. И посмотри туда: здесь еще есть такие покупательницы, как мы." - Воскликнула она и посмотрела с жалостью; тогда я взял у нее шляпы, открыл калитку и велел им убираться, потому что мне действительно было жаль этих женщин. Но когда я посмотрела в сторону склада, как она указала, там было еще шесть или семь человек, все женщины,

примерявших шляпы, такие беззаботные и тихие, как будто они были в шляпной лавке и покупали за свои деньги.

Я был удивлен не только видом такого количества воров, но и обстоятельствами, в которых я оказался; теперь я оказался среди такого количества людей, которых в течение нескольких недель я так стеснялся самого себя, что, если я встречал кого-нибудь на улице, я переходил им дорогу.

Они были не менее удивлены, хотя и по другому поводу. Все они сказали мне, что они соседи; что они слышали, что кто-то может их украсть; что они никому не принадлежат; и тому подобное. Сначала я долго разговаривал с ними; вернулся к воротам и вынул ключ, так что все они были моими пленниками; пригрозил запереть их всех на складе и пойти за офицерами моего лорд-мэра.

Они горячо просили, протестовали, что нашли ворота открытыми, а дверь склада открытой, и что ее, без сомнения, взломали те, кто ожидал найти товары большей ценности; в это действительно можно было поверить, потому что замок был сломан, а висячий замок, который висел на двери снаружи, тоже болтался, и шляп унесли не все.

В конце концов я решил, что сейчас не время быть жестоким и строгим; и, кроме того, это неизбежно вынудило бы меня много разъезжать, приглашать ко мне нескольких человек, а я хожу несколько, о состоянии здоровья которых я ничего не знал; и что даже в это время чума была настолько сильна, что умирало четыре тысячи человек в неделю; так что, проявляя свое негодование или даже добиваясь справедливости для имущества моего брата, я мог бы расстаться с жизнью. Поэтому я удовлетворился тем, что записал имена и места, где жили некоторые из них, которые на самом деле были жителями по соседству, и пригрозил, что мой брат призовет их к ответу за это, когда вернется в свое жилище.

Затем я немного поговорил с ними на другую тему и спросил их, как они могли совершать подобные поступки во время такого всеобщего бедствия и, так сказать, перед лицом самых ужасных Божьих судов, когда чума была у самых их дверей, и, возможно, в самих их домах, и они не знали, что через несколько часов у их дверей может остановиться повозка с трупами, чтобы отвезти их в могилы.

Все это время я не мог понять, произвела ли моя речь на них большое впечатление, пока не случилось так, что по соседству появились двое мужчин, услышавших о беспорядках и знавших моего брата (поскольку они оба зависели от его семьи), и они пришли мне на помощь. Они, как я уже сказал, были соседями, в настоящее время знали трех женщин и рассказали мне, кто они такие и где живут, и, похоже, они уже рассказывали мне о себе раньше.

Это наводит этих двух мужчин на еще одно воспоминание. Одного из них звали Джон Хейворд, который в то время был младшим пономарем прихода Святого Стефана на Коулмен-стрит (под младшим пономарем в то время понимался могильщик и носильщик мертвых). Этот человек нес или помогал нести всех умерших к их могилам, которые были похоронены в этом большом приходе, и которых несли в форме, и после того, как эта форма захоронения была прекращена, отправился с тележкой для мертвых и колокольчиком, чтобы забрать мертвые тела из домов, где они лежали, и забрал многих из них из комнат и домов; ибо приход был и остается примечательным, особенно среди всех приходов Лондона, из-за огромного количества переулков и магистралей, очень длинных, в которые не могли въехать повозки, и где они были

вынуждены останавливаться. отправляйтесь и заберите тела очень долгим путем, какие переулки теперь остались свидетелями этого; такие как Уайтс-аллея, Кросс-Киз-корт, Суон-аллея, Белл-аллея, Уайт-Хорс-аллея и многие другие. Сюда они ходили с чем-то вроде ручной тачки, укладывали мертвые тела и относили их к повозкам; эту работу он выполнял и вообще никогда не болел хворью, но прожил после нее около двадцати лет и был приходским пономарем до самой своей смерти. Его жена в то же время была медсестрой у инфицированных людей и ухаживала за многими умершими в приходе, будучи рекомендованной приходскими служащими за свою честность; однако и она никогда не была заражена. ¹⁴⁶

Он никогда не использовал никаких консервантов против инфекции, кроме как держал во рту чеснок и руту¹⁴⁷ и курил табак. Это я тоже услышал из его собственных уст. И средством его жены было мытье головы в уксусе и сбрызгивание уксусом своих головных уборов так, чтобы они всегда оставались влажными; и, если запах кого-либо из тех, кому она прислуживала, был более чем обычным, она подносила уксус к носу, и брызгала уксусом на свой головной убор, и подносила ко рту смоченный уксусом платок.

Следует признать, что, хотя чума поразила главным образом бедняков, все же бедняки были самыми отважными и бесстрашными и занимались своим делом с какой-то звериной отвагой: я должен назвать это так, ибо оно не было основано ни на религии, ни на благоразумии. Они почти не проявляли осторожности, но брались за любое дело, в котором могли найти какое-либо занятие, хотя оно и было самым опасным; так, ухаживали за больными, смотрели, как закрываются дома, переносили инфицированных в чумной дом и, что было еще хуже, уносили мертвых в их могилы.

Именно под присмотром этого Джона Хейворда и в его пределах произошла история о волынщике, которой люди так развеселились; и он заверил меня, что это правда. Говорят, что это был слепой волынщик; но, как сказал мне Джон, этот парень был не слепым, а невежественным, слабым, бедным человеком и обычно совершал свой обход около десяти часов вечера и ходил, дудя на дудочке, от двери к двери. И люди обычно принимали его в трактирах, где они его знали, и угощали его выпивкой и едой, а иногда и фартингами; а он в ответ играл на свирели, пел и просто разговаривал, что развлекало людей; и так он жил. Пока все было так, как я рассказал, для этого развлечения было очень неподходящее время; и все же бедняга ходил как обычно, но почти умирал с голоду; и когда кто-нибудь спрашивал, как у него дела, он отвечал, что телега с трупами его еще не забрала, но что они обещали заехать за ним на следующей неделе.

Однажды ночью случилось так, что этот бедняга, то ли кто-то напоил его слишком много, то ли нет (Джон Хейворд сказал, что он не пил у себя дома, но в трактире на Коулмен-стрит ему дали немного больше еды, чем обычно), и бедняга, который обычно не набивал живот или, возможно, недолго, все это время лежал на крыше навеса или прилавка и крепко спал у двери на улице недалеко от Лондонской стены, по направлению к Крипплгейт; и что на том же навесе или прилавке обитатели какого-то дома на Коулмен-стрит были убиты. жители переулка, на углу которого находился дом, услышав звонок (в который они всегда звонили перед приездом телеги), положили тело, действительно умершее от чумы, рядом с ним, думая также, что этот бедняга был таким же мертвецом, как и другой, и его положил туда кто-то из соседей.

Соответственно, когда Джон Хейворд приехал со своим колокольчиком и тележкой и обнаружил, что на прилавке лежат два мертвых тела, они подняли их вместе с инструментом, которым пользовались, и бросили в тележку; и все это в то время, как волынщик крепко спал.

Отсюда они двинулись дальше и забрали другие мертвые тела, пока, как сказал мне честный Джон Хейворд, они чуть не похоронили его заживо в повозке; и все это время он крепко спал. Наконец телега подъехала к месту, где тела должны были быть брошены в землю, которое, насколько я помню, находилось в Маунтмилле; и, поскольку телега обычно останавливалась за некоторое время до того, как они были готовы выбросить печальный груз, который у них был в ней, как только телега останавливалась, парень просыпался и немного боролся, чтобы высунуть голову из-под мертвых тел; когда, приподнявшись в телеге, он крикнул: "Эй, где я?" Это напугало парня, который помогал с работой, но после некоторой паузы Джон Хейворд, придя в себя, сказал: "Благослови нас Господь! В повозке кто-то не совсем умер!" Тогда другой окликнул его и спросил: "Кто ты?" Парень ответил: "Я бедный волынщик. Где я?" — "Где ты?" - спрашивает Хейворд. "Ну, ты же в повозке с мертвецами, и мы собираемся похоронить тебя". — "Но я ведь не умер, правда?" - говорит волынщик; это немного рассмешило их, хотя, как сказал Джон, сначала они были искренне напуганы. Итак, они помогли бедняге спуститься, и он занялся своими делами.

Я знаю, что история гласит, что он установил [148](#) своих трубок в тележке и напугал носильщиков и других, так что они убежали; но Джон Хейворд не рассказал эту историю таким образом и вообще ничего не сказал о своей трубке. Но в том, что он был плохим волынщиком и что его увлекли, как описано выше, я полностью убежден.

Здесь следует отметить, что повозки с мертвецами в городе не ограничивались определенными приходами; но одна повозка проезжала через несколько приходов, в зависимости от количества представленных мертвецов. Они также не были связаны [149](#), чтобы развозить мертвых по своим приходам; но многие из мертвых, подобранных в городе, были перенесены на место захоронения на окраинах из-за нехватки места.

В начале эпидемии, когда уже не оставалось никакой надежды, кроме как на то, что будет охвачен весь город; когда, как я уже сказал, все, у кого были друзья или поместья в стране, уехали со своими семьями; и когда, действительно, можно было подумать, что сам город выбегает за ворота и что там никого не останется, — вы можете быть уверены, что с того часався торговля, за исключением той, которая связана с непосредственным пропитанием, была, так сказать, полностью остановлена.

Это настолько живой случай, и в нем содержится так много о реальном положении людей, что я думаю, что не могу быть слишком разборчив в нем, и поэтому я перехожу к нескольким состояниям или классам людей, которые сразу же попали в бедственное положение по этому поводу. Например:—

1. Все мастера мануфактур, особенно тех, которые относятся к украшениям и менее необходимым деталям народного костюма, одежды и мебели для домов; такие как ленточницы и другие ткачихи, золотых и серебряных кружевниц, золотых и серебряных проволочников, швей, модисток, сапожников, шляпников и перчаточников, а также обойщиков, столяров, краснодеревщиков, стеклодувов и бесчисленных профессий, которые зависят от таких, как эти,

- я говорю, мастера таких ремесел прекратили свою работу, уволили их подмастерья, рабочие и все, кто на их иждивении.

2. Поскольку торговля была полностью остановлена (ибо очень немногие суда отваживались подниматься вверх по реке, и ни одно вообще не выходило в море¹⁵⁰), все чрезвычайные чиновники таможни, а также водники, кареты, носильщики и все бедняки, чей труд зависел от торговцев, были немедленно уволены и выведены из бизнеса.

3. Все торговцы, обычно занятые строительством или ремонтом домов, оказались на полной остановке; ибо люди были далеки от желания строить дома, когда столько тысяч домов были разом лишены своих обитателей; так что эта единственная статья¹⁵¹ выгнала всех обычных работников такого рода бизнеса, таких как каменщики, каменотесы, плотники, столяры, штукатуры, маляры, стекольщики, кузнецы, сантехники и все рабочие, зависящие от них.

4. Поскольку навигация была остановлена, наши корабли не заходили и не выходили, как раньше, поэтому все моряки остались без работы, и многие из них находились в последней и самой низкой степени бедствия. А с моряками были все несколько торговцев и рабочих, принадлежащих к строительству и оснащению кораблей и зависящих от них; такие как корабельные плотники, калькуляторы, канатоходцы, бондари, парусники, кузнецы якорей и другие кузнецы, изготовители блоков, резчики, оружейники, корабельные чандлеры, корабельные резчики и тому подобное. Хозяева этих домов, возможно, и могли бы жить на свое состояние; но торговцы повсеместно оказались в затруднительном положении, и, следовательно, все их рабочие были уволены. Добавьте к этому, что река была в некотором роде без лодок, и все или большая часть лодочников, лихтеров, строителей лодок и лихтеровозов подобным же образом бездействовали.

5. Все семьи максимально сократили свой прожиточный минимум, как те, что сбежали, так и те, что остались; так что неисчислимое множество лакеев, прислуги, лавочников, подмастерьев, торговых бухгалтеров и тому подобных людей, и особенно бедных служанок, были изгнаны и остались без друзей и беспомощными, без работы и без жилья; и это была действительно печальная статья.

Я мог бы быть более конкретен в этой части; но, возможно, достаточно упомянуть, что в целом все отрасли были остановлены, занятость прекратилась, труд, а следовательно, и хлеб для бедных, были урезаны; и поначалу, действительно, было очень прискорбно слышать крики бедных, хотя благодаря раздаче милостыни их страдания таким образом были смягчены¹⁵² утихли. Многие, действительно, бежали в деревню; но тысячи из них оставались в Лондоне до тех пор, пока ничто, кроме отчаяния, не заставило их уехать, смерть настигла их в дороге, и они послужили не лучше, чем вестниками смерти: более того, другие, неся с собой заразу, весьма пагубно распространили ее в самых отдаленных уголках королевства.

Женщины и слуги, которых выгнали со своих мест, были наняты медсестрами для ухода за больными во всех местах, и это привело к увольнению очень большого их числа.

И которая,¹⁵³ хотя сама по себе печальная статья, все же была избавлением в своем роде, а именно от чумы, которая ужасным образом свирепствовала с середины августа по середину октября, унесла за это время тридцать или сорок тысяч этих самых людей, которые, если бы их оставили, несомненно, были бы невыносимым бременем из-за своей бедности; иными словами, весь город не смог бы покрыть их расходы или обеспечить их продовольствием, и со временем

они были бы даже вынуждены разграбить либо сам город, либо прилегающую страну, чтобы прокормиться самим, что, в первую или в последнюю очередь, повергло бы всю нацию, а также город, в крайний ужас и замешательство.

Таким образом, было заметно, что это бедствие сделало людей очень смиренными; ибо теперь, в течение примерно девяти недель подряд, умирало около тысячи человек в день, день за днем, даже если судить по еженедельным счетам, которые, однако, у меня есть основания быть уверенным, никогда не давали полного отчета о многих тысячах; неразбериха была такой, а тележки, перевозившие мертвых, работали в темноте, что в некоторых местах вообще не вели учета, но они работали дальше; клерки и пономари неделями не приходили на работу и не знали, какое количество они везли. . Эта учетная запись подтверждена следующими справками о смертности:—

	От Всех болезней.	От чумы.
С 8 по 15 августа	5,319	3,880
с 15 по 22 августа	5,668	4,237
с 22 по 29 августа	7,496	6,102
с 29 августа по 5 сентября	8,252	6,988
с 5 по 12 сентября	7,690	6,544
с 12 по 19 сентября	8,297	7,165
. с 19 по 30 сентября	6,400	5,533
с 27 сентября по 3 октября	5,728	4,929
с 3 по 10 октября	5068	4,227
	59,918	49,605

Таким образом, общее количество людей было унесено за эти два месяца; поскольку общее число привезенных для смерти от чумы составляло всего 68 590 человек, вот [154](#) из них 50 000 человек, с мелочью, за два месяца: я говорю 50 000, потому что, поскольку в приведенном выше числе требуется 395, то и в счете времени требуется два дня из двух месяцев. [155](#)

Теперь, когда я говорю, что приходские чиновники не давали полного отчета или на их отчет нельзя было положиться, пусть кто-нибудь задумается, как люди могли быть точными в такое время ужасного бедствия, когда многие из них сами заболели и, возможно, умерли в то самое время, когда их отчеты должны были быть представлены (я имею в виду приходских клерков, не говоря уже о младших чиновниках): ибо, хотя эти бедняги отваживались на любой риск, все же они были далеко не свободны от общего бедствия, особенно если верно, что приход Степни имел в пределах сто шестнадцатый год - пономари, могильщики и их помощники, то есть носильщики, звонари и водители повозок для перевозки мертвых тел.

Действительно, работа была не такого характера, чтобы у них было время записать точный рассказ [156](#) о мертвых телах, которые все были сбиты в кучу в темноте в яме; к этой яме или траншее ни один человек не мог приблизиться, кроме как подвергаясь величайшему риску. Я часто наблюдал, что в приходах Олдгейт, Крипплгейт, Уайтчепел и Степни на счетах числилось пять, шесть, семь и восемьсот долларов в неделю; тогда как, если мы можем верить мнению тех, кто постоянно жил в городе, а также мне, в этих приходах умирало иногда по две тысячи в

неделю. И я видел это из рук одного человека, который провел настолько строгую экспертизу, насколько мог, что в тот год действительно умерло от чумы сто тысяч человек; тогда как в счетах статья о чуме составляла всего 68 590.

Если мне будет позволено высказать свое мнение, исходя из того, что я видел своими глазами и слышал от других людей, которые были очевидцами, я действительно верю в то же самое; а именно, что только от чумы умерло по меньшей мере сто тысяч человек, помимо других болезней, и помимо тех, кто умер на полях, дорогах и в укромных местах, за пределами компаса¹⁵⁷ сообщения, поскольку оно были названы и которые не были занесены в счета, хотя они действительно принадлежали к основной массе жителей. Всем нам было известно, что множество бедных отчаявшихся созданий, пораженных болезнью и отупевших или впадших в меланхолию из-за своих страданий (как это было со многими), уходили в поля и леса, в тайные неотесанные¹⁵⁸ места, почти где угодно, чтобы заползти в кустарник или живую изгородь и умереть.

Жители соседних деревень из жалости приносили им еду и ставили ее на некотором расстоянии, чтобы они могли принести ее, если смогут; а иногда у них не было такой возможности. И в следующий раз, когда они придут, они обнаружат, что бедняги лежат¹⁵⁹ мертвы, а еда нетронута. Число этих несчастных объектов было¹⁶⁰ человек; и я знаю так много тех, кто погиб таким образом, и так точно где, что я верю, что мог бы отправиться на то самое место и до сих пор откапывать их кости;¹⁶¹ ибо деревенские жители шли и копали ямы на некотором расстоянии от них, а затем с помощью длинных шестов и крюков на их концах стаскивали тела в эти ямы, а затем набрасывали землю по форме, насколько могли, чтобы прикрыть их, обращая внимание на то, как дул ветер, и таким образом подходили с той стороны, которую моряки называют "с наветренной", чтобы запах тел мог исходить от них. И таким образом, из мира ушло огромное количество людей, о которых никто никогда не знал и не вел о них никакого учета, как в сводках смертности, так и вне их.

Это действительно я узнал, в основном, только от других; ибо я редко ходил в поля,¹⁶² за исключением Бетнал-Грин и Хакни, или как будет указано ниже. Но когда я все-таки шел, я всегда видел вдалеке великое множество бедных странников, но я мало что мог знать об их положении; потому что, будь то на улице или в поле, если мы видели, что кто-то идет, это был обычный способ уйти. И все же я верю, что этот рассказ в точности соответствует действительности.

Поскольку это заставляет меня упомянуть о моих прогулках по улицам и полям, я не могу не отметить, каким пустынным местом был город в то время. Грейт-стрит, на которой я жил, которая, как известно, является одной из самых широких улиц Лондона (я имею в виду пригороды, а также либерти, всю сторону, где жили мясники, особенно без баров¹⁶³), была больше похожа на зеленое поле, чем на мощеную улицу; и люди обычно шли посередине с лошадьми и повозками. Это правда, что самый дальний конец, ведущий к Уайтчепелской церкви, не весь был заасфальтирован, но даже та часть, которая была заасфальтирована, тоже заросла травой. Но это не должно казаться странным, поскольку на главных улицах города, таких как Лиденхолл-стрит, Бишопсгейт-стрит, Корнхилл и даже у самой Биржи, в нескольких местах росла трава. С утра до вечера на улицах не было видно ни телеги, ни кареты, за исключением нескольких деревенских повозок, которые везли на рынок коренья и фасоль, или горох, сено и солому, но их было очень мало по сравнению с тем, что было обычно. Что касается

карет, то они использовались редко, разве что для перевозки больных в чумной дом и в другие больницы, а некоторые - для перевозки врачей в те места, которые они считали нужным отважиться посетить; ибо на самом деле кареты были опасными, и люди не хотели садиться в них, потому что не знали, кого могли занести в них последними; и больных инфицированных людей, как я уже говорил, обычно доставляли в них в чумные дома; и иногда люди умирали в них по дороге.

Это правда, когда инфекция достигла такого размаха, о котором я только что упомянул, было очень мало врачей, которые хотели отправиться за границу в дома престарелых, и очень многие из самых выдающихся преподавателей¹⁶⁴ были мертвы, так же как и хирурги; ибо сейчас это было действительно мрачное время, и в течение примерно месяца, не обращая внимания на отчеты о смертности, я полагаю, что никто не умер. умирает не менее пятнадцати-семнадцати сотен человек в день, один день за другим.

Один из худших дней, которые у нас были за все время, как я и думал, был в начале сентября, когда, действительно, добрые люди начали думать, что Бог решил полностью уничтожить людей в этом несчастном городе. Это было в то время, когда чума полностью пришла в восточные приходы. Приход Олдгейт, если мне позволено высказать свое мнение, в течение двух недель хоронил более тысячи человек в неделю, хотя в счетах не говорилось о таком количестве; но это¹⁶⁵ окружали меня с такой удручающей скоростью, что из двадцати домов не было незараженных. В Минори, в Хаундсдитче и в тех частях Олдгейтского прихода, что рядом с Мясницким рядом, и в переулках напротив меня, — говорю я, в тех местах смерть царилла на каждом углу. Приход Уайтчепел был в таком же состоянии, и хотя он был намного меньше, чем приход, в котором я жил, все же, судя по счетам, хоронил около шестисот долларов в неделю, а по моему мнению, почти вдвое больше. Целые семьи и даже целые улицы с семьями были сметены вместе, так что соседи часто звали посыльного, чтобы тот отправился в такие-то дома и забрал оттуда людей, потому что все они были мертвы.

И действительно, работа по вывозу мертвых тел на телегах стала теперь настолько отвратительной и опасной, что появились жалобы на то, что носильщики не заботились о том, чтобы убрать такие дома, где все жители были мертвы, но что некоторые тела лежали непогребенными до тех пор, пока соседние семьи не почувствовали зловония и, следовательно, не заразились. И это пренебрежение к офицерам было таким, что церковные старосты и констебли были вызваны присмотреть за этим; и даже судьи деревень¹⁶⁶ были вынуждены рисковать своими жизнями среди них, чтобы оживить и ободрить их; ибо бесчисленное множество носильщиков умерло от чумы, заразившись от тел, к которым они были вынуждены подходить так близко. И если бы число людей, которые искали работу и нуждались в хлебе, как я уже говорил ранее, не было настолько велико, что необходимость заставляла их предпринимать что-либо и делать что угодно, они никогда бы не нашли людей для работы; и тогда тела мертвых лежали бы над землей, погибая и разлагаясь ужасным образом.

Но нельзя в достаточной степени похвалить магистратов за то, что они поддерживали такой хороший порядок при погребении мертвых, что, как только кто-либо из тех, кого они нанимали для перевозки и захоронения мертвых, заболел или умирал (как бывало много раз), они немедленно заменяли эти места другими; что, как указано выше, было нетрудно сделать из-за большого количества бедняков, оставшихся не у дел. Это привело к тому, что, несмотря на бесконечное количество людей, которые умирали и болели почти все вместе, их всегда убирали

и уносили каждую ночь; так что о Лондоне никогда нельзя было сказать, что живые не могли похоронить мертвых.

Чем больше было опустошения в те ужасные времена, тем больше росло изумление людей; и тысячи необъяснимых поступков они совершали в приступе сильного страха, как другие делали то же самое в агонии своего смятения: и эта часть была очень трогательной. Некоторые шли по улице, ревя, рыдая и заламывая руки; некоторые молились и воздевали руки к небу, взывая к Богу о милосердии. Я не могу сказать, действительно, было ли это вызвано их рассеянностью; но, как бы то ни было, это все же было признаком более серьезного ума, когда они использовали свои чувства, и даже так было намного лучше, чем ужасные вопли и плач, которые каждый день, и особенно по вечерам, раздавались на некоторых улицах. Я полагаю, мир слышал о знаменитом энтузиасте Соломоне Игле. Он, хотя и не был заражен вовсе, но в своей голове разгуливал, осуждая суд над городом в ужасающей манере; иногда совершенно голый и с кастрюлей с горящими углями на голове. Что он действительно говорил или притворялся, я так и не смог узнать.

Я не буду говорить, был ли этот священник отвлечен или нет, или же он делал это из чистого рвения к бедным людям, которые каждый вечер ходили по улицам Уайтчепела и, подняв руки, постоянно повторяли эту часть церковной литургии: "Пощади нас, добрый Господь; пощади народ твой, которого ты искупил своей драгоценнейшей кровью". Я говорю, что не могу говорить положительно об этих вещах, потому что это были только мрачные картины, которые представлялись мне, когда я смотрел в окна своей комнаты; ибо я редко открывал окна, когда запирался за дверьми во время самого сильного буйства чумы, когда действительно многие начали думать и даже говорить, что спасения не будет. И действительно, я тоже начал так думать и потому недели две сидел взаперти и никуда не выходил. Но я не мог этого вынести. Кроме того, были люди, которые, несмотря на опасность, не отказывались публично посещать богослужение даже в самые опасные времена. И хотя это правда, что очень многие священнослужители действительно закрыли свои церкви и бежали, как это сделали другие люди, ради спасения своей жизни, все же не все сделали этого. Некоторые отваживались совершать богослужения и поддерживать народные собрания постоянными молитвами, а иногда проповедями или краткими призывами к покаянию и исправлению; и это до тех пор, пока они хотели их слышать. И раскольники¹⁶⁷ делали то же самое, и даже в тех самых церквях, где приходские служители были либо мертвы, либо бежали; и не было места для каких-либо изменений в такое время, как это было.

Богу было угодно, чтобы я все еще был пощажен и был очень бодр и крепок здоровьем, но очень не хотел сидеть взаперти без воздуха, как это было в течение четырнадцати дней или около того. И я не мог сдержаться, но пошел отнести письмо для моего брата на почту; тогда я действительно заметил глубокую тишину на улицах. Когда я пришел на почту, чтобы опустить свое письмо, я увидел человека, стоявшего в углу двора и разговаривавшего с другим у окна; а третий открывал дверь, ведущую в контору. Посреди двора лежал маленький кожаный кошелек, на нем висели два ключа, а в нем были деньги; но никто не хотел трогать его. Я спросил, как долго он там пролежал. Человек у окна сказал, что она пролежала почти час, но они не трогали ее, потому что не знали, что человек, уронивший ее, может вернуться и поискать. У меня не было такой нужды в деньгах, и сумма не была настолько велика, чтобы у меня было какое-либо желание вмешиваться в их дела или добывать деньги с риском для жизни: поэтому я, казалось, ушел, когда человек, открывший дверь, сказал, что возьмет их, но так, чтобы, если за ними

придет настоящий владелец, они были обязательно у него. Итак, он вошел и принес ведро с водой, и поставил его рядом с кошельком, затем пошел снова и принес немного пороха, и насыпал изрядное количество пороха на кошелек, а затем сделал шлейф из того, что он высыпал на кошелек (шлейф тянулся примерно на два ярда); после этого он заходит в третий раз и достает раскаленные докрасна щипцы, которые он приготовил, я полагаю, нарочно; и сначала поджигает шлейф пороха, который опалил кошелек, а также изрядно задымил воздух. Но он этим не удовлетворился, а затем взял кошелек щипцами, держа его так долго, пока щипцы не прожгли кошелек насквозь, а затем он вытряхнул деньги в ведро с водой и отнес их внутрь. Денег, насколько я помню, было около тринадцати шиллингов и немного мягкой крупы¹⁶⁸ и медные фартинги.¹⁶⁹

Примерно в то же время я вышел в поля по направлению к Боу; мне очень хотелось посмотреть, как обстоят дела на реке и среди кораблей; и, поскольку я имел некоторое отношение к судоходству, у меня сложилось впечатление, что уединение на корабле было одним из лучших способов обезопасить себя от инфекции. И, размышляя, как удовлетворить свое любопытство в этом вопросе, я повернул в сторону полей, от Боу до Бромли и вниз, к Блэкуоллу, к лестнице, которая предназначена для посадки или набора воды.

Здесь я увидел бедняка, который шел по берегу, или "морской стене", как они это называют, в одиночестве. Я также немного походил по окрестностям, видя, что все дома закрыты. Наконец я разговорился на расстоянии с этим беднягой. Сначала я спросил, как живут люди в округе. "Увы, сэр!" - говорит он, - "почти безлюдно, все мертвы или больны; в этой части или в той деревне, - он указывает на Тополь, - очень мало семей, где половина из них еще жива, а остальные больны". Затем он, указывая на один дом, сказал: "Они все мертвы, - сказал он, - а дом стоит открытым: никто не осмеливается войти в него. Бедный вор, - говорит он, - отважился что-то украсть, но дорого поплатился за свою кражу, потому что прошлой ночью его тоже отнесли на церковный двор". Затем он указал на несколько других домов. "Вот, - говорит он, - они все мертвы: мужчина, его жена и пятеро детей. Там, - говорит он, - они закрыты; вы видите сторожа у дверей". и так в других домах. "Почему, — говорю я, — что ты здесь делаешь совсем один?" — "Почему, - говорит он, - я бедный, покинутый человек: богу было угодно, чтобы меня еще не посетили, хотя моя семья жива и один из моих детей умер". - "Что же тогда ты хочешь сказать, - сказал я, - что тебя не навестили?" - "Почему, - говорит он, - это мой дом, - указывая на очень маленький низкий домик, - и там живут моя бедная жена и двое детей, - сказал он, - если о них можно сказать, что они мои?" живи, потому что мою жену и одного из детей навещают, но я к ним не подхожу." И при этих словах я увидел, как по его лицу обильно потекли слезы; и по моему лицу тоже, уверяю тебя.

- Но, - сказал я, - почему вы не нападете на них? Как ты можешь отказаться от своей собственной плоти и крови?" — "О господин! - говорит он. - Боже упаси! Я не бросаю их, я работаю для них, насколько могу; и, благословен Господь! Я защищаю их от нужды". И при этих словах я заметил, что он возвел глаза к небу с выражением лица, которое сразу же сказало мне, что я случайно встретил человека, который не был лицемером, а серьезным, религиозным, хорошим человеком; и его восклицание было выражением благодарности за то, что в таком состоянии, в каком он находился, он мог сказать, что его семья не нуждается. "Что ж, - говорю я, - честный человек, это великая милость, учитывая, как сейчас обстоят дела с бедняками. Но как же тогда вы живете и как вы спасаетесь от ужасного бедствия, которое сейчас обрушилось на всех нас?" — "Да ведь, сэр, - говорит он, - я лодочник, и вот моя лодка, - говорит он, - а лодка служит мне

домом; я работаю в ней днем и сплю в ней ночью; и все, что я получаю, я кладу вон на тот камень", - говорит он, показывая мне широкий камень на другой стороне улицы, довольно далеко от его дома." и затем: "он говорит: "Я кричу и взываю к ним, пока не заставлю их услышать, и они придут и заберут это".

"Ну, друг, - говорю я, - но как ты можешь добывать деньги, будучи водником? Ездит ли кто-нибудь в наше время по воде?" — "Да, сэр, - говорит он, - тем способом, которым я там работаю, ездит. Видите ли вы там, - говорит он, - пять кораблей стоят на якоре? - указывая вниз по реке, значительно ниже города. - А видите ли вы, - говорит он, - восемь или десять кораблей стоят у цепи вон там и на якоре вон там? - указывая выше города. "На борту всех этих кораблей находятся семьи их купцов, владельцев и им подобных, которые заперлись и живут на борту, запершись наглухо из-за боязни заразы; и я забочусь о них, чтобы приносить им вещи, относить письма и делать то, что абсолютно необходимо, чтобы им не пришлось сойти на берег. И каждую ночь я привязываю свою лодку к борту одной из корабельных шлюпок, и там я сплю один, и, благословен Господь! Я спасен до сих пор".

"Хорошо, - сказал я, - друг, но позволят ли тебе подняться на борт после того, как ты побывал здесь, на берегу, когда это было такое ужасное место и оно так заражено?"

"Что касается этого, - сказал он, - я очень редко поднимаюсь на борт корабля, но приношу то, что приношу, к их лодке или ложусь у борта, и они поднимают это на борт; если бы я это сделал, я думаю, что с моей стороны им ничего не угрожает, потому что я никогда не захожу ни в какие дома на берегу и никого не трогаю, нет, не из своей семьи; но я приношу им провизию".

"Нет, - говорю я, - но это может быть и хуже; ведь у вас должны быть те или иные припасы; а поскольку вся эта часть города настолько заражена, что даже разговаривать с кем-либо опасно; ведь деревня, - сказал я, - это, так сказать, начало Лондона, хотя и находится на некотором расстоянии от него".

- Это правда, - добавил он, - но вы меня неправильно поняли. Я не покупаю для них здесь провизию. Я подплываю к Гринвичу и покупаю там свежее мясо, а иногда я плыву вниз по реке до Вулвича, [170](#) и покупаю там; затем я захожу в одиночные фермерские дома на Кентишской стороне, где меня знают, и покупаю птицу, яйца и масло, и приношу на корабли по указанию, иногда одно, иногда другое. Я редко выхожу здесь на берег, и я пришел только сейчас, чтобы позвонить своей жене и послушать, как поживает моя маленькая семья, и отдать им немного денег, которые я получил прошлой ночью".

- Бедняга! - сказал я. - И сколько же ты получил за них?

"Я получил четыре шиллинга, - сказал он, - это большая сумма, учитывая нынешнее положение бедняков; но они дали мне также мешок хлеба, соленую рыбу и немного мяса: так что все помогает".

"Ну, - сказал я, - и ты уже отдал им это?"

"Нет, - сказал он, - но я позвонил, и моя жена ответила, что пока не может выйти, но надеется прийти через полчаса, и я жду ее. Бедная женщина! - говорит он. - она тяжело ранена; у нее была опухоль, и она лопнула, и я надеюсь, что она поправится, но я боюсь, что ребенок умрет. Но это Господь!" — Тут он остановился и сильно заплакал.

"Что ж, честный друг, - сказал я, - у тебя есть верный утешитель, если ты заставил себя смириться с волей Божьей: он вершит суд над всеми нами".

"О сэр! - воскликнул он. - это бесконечное милосердие, если кто-то из нас пощажен; и кто я такой, чтобы роптать!"

"Ты так говоришь?" - спросил я. "И насколько моя вера меньше твоей!" И тут мое сердце дрогнуло, показав, насколько лучше фундамент этого бедняги, на котором он выдержал опасность, чем мой: что ему некуда было бежать; что у него была семья, которая обязывала его присутствовать, чего не было у меня; и мое предположение было чистой самонадеянностью, его истинная зависимость и мужество покоились на Боге; и все же он использовал всю возможную осторожность для своей безопасности.

Я немного отвернулась от этого человека, пока эти мысли занимали меня; ибо, действительно, я могла удержаться от слез не больше, чем он.

Наконец, после еще нескольких разговоров бедная женщина открыла дверь и позвала: "Роберт, Роберт!" Он ответил и попросил ее задержаться на несколько минут, и он придет: поэтому он сбежал по общей лестнице к своей лодке и принес мешок, в котором была провизия, которую он захватил с кораблей; и когда он вернулся, он снова закричал; затем он подошел к большому камню, который он показал мне, и вытряхнул содержимое мешка, и разложил все, все отдельно, а затем удалился; и его жена пришла с маленьким мальчиком, чтобы забрать их; и он позвал и сказал: такой-то капитан прислал такую-то вещь, и такой-то капитан такую-то вещь, и в конце концов он ушел. добавляет: "Бог послал все это: поблагодарите его". Когда бедная женщина собрала все, она была так слаба, что не смогла сразу отнести это, хотя вес тоже был невелик: поэтому она оставила печенье, которое было в маленьком мешочке, и оставила маленького мальчика присматривать за ним, пока она не придет снова.

"Хорошо, но, - говорю я ему, - ты оставил ей еще и четыре шиллинга, которые, по твоим словам, составляли твое недельное жалованье?"

"Да, да, - говорит он, - ты услышишь, как она признается". Тогда он снова позвал: "Рейчел, Рейчел!" - так, кажется, ее звали. "Ты взяла деньги?" — "Да", - сказала она. "Сколько это стоило?" - спросил он. "Четыре шиллинга и грош", - сказала она. "Ну, ну, - сказал он, - да хранит вас всех Господь", - и он повернулся, чтобы уйти.

Как я не мог удержаться от слез при рассказе этого человека, так и я не мог воздержаться от своего милосердия к нему за помощь; поэтому я позвонил ему. "Послушай, друг, - сказал я, - подойди сюда, ибо я верю, что ты здоров, и я могу рискнуть тобой", - и я вытащил руку, которая до этого была у меня в кармане. "Вот, - говорю я, - пойдя и позови свою Рахиль еще раз и дай ей от меня еще немного утешения. Бог никогда не оставит семью, которая верит в него так, как ты". Поэтому я дал ему еще четыре шиллинга и велел пойти положить их на камень и позвать свою жену.

У меня нет слов, чтобы выразить благодарность бедняги; да и сам он не мог выразить ее иначе, как слезами, текущими по его лицу. Он позвонил своей жене и сказал ей, что Бог тронул сердце незнакомого человека, узнав об их состоянии, и дал им все эти деньги; и многое другое из того, что он сказал ей. Женщина тоже сделала знаки благодарности, как Небесам, так и мне, и

радостно подняла его; и весь тот год я не расставался ни с какими деньгами, которые, по моему мнению, были бы лучше подарены.

Затем я спросил беднягу, не добралась ли болезнь до Гринвича. Он сказал, что это произошло примерно две недели назад; но тогда он опасался, что это произошло, но только в том конце города, который лежит к югу от Дептфорда. [171](#) мост; что он ходил только в мясную лавку и бакалейную лавку, где обычно покупал то, за чем его посылали, но был очень осторожен.

Тогда я спросил его, как получилось, что те люди, которые так заперлись на кораблях, не запаслись достаточным количеством всего необходимого. Он сказал, что некоторые из них были; но, с другой стороны, некоторые не поднимались на борт, пока их не запугивали, и пока для них не становилось слишком опасно идти к нужным людям, чтобы заложить необходимое количество вещей; и что он ждал на двух кораблях, которые он мне показал, на которых почти ничего не было, кроме бисквитного хлеба [172](#) и корабельного пива, и что все остальное он купил почти для них. Я спросил его, были ли еще какие-нибудь корабли, которые отделились так же, как это сделали эти. Он сказал мне, что да; на всем пути от мыса, прямо против Гринвича, до берегов Лаймхауса и Редрифа, все корабли, на которых могло хватить места, были освобождены [173](#) по двое в середине течения, и что на борту некоторых из них находилось по несколько семей. Я спросил его, не добралась ли до них чума. Он сказал, что, по его мнению, этого не произошло, за исключением двух или трех кораблей, команда которых не была настолько бдительна, чтобы удержать моряков от выхода на берег, как это делали другие; и он сказал, что это было очень красивое зрелище - наблюдать, как корабли выходят на Берег. [174](#)

Когда он сказал, что собирается отправиться в Гринвич, как только начнется прилив, я спросил, позволит ли он мне пойти с ним и отвезти меня обратно, поскольку мне очень хотелось посмотреть, как расставлены корабли, как он мне сказал. Он сказал мне, что если я заверю его словом христианина и честного человека, что у меня нет болезни, он это сделает. Я заверил его, что нет; что Богу было угодно сохранить меня; что я живу в Уайтчепеле, но мне слишком не терпелось так долго находиться за дверью, и что я отважился так далеко выйти, чтобы подышать свежим воздухом, но никто в моем доме даже не притронулся к нему.

"Что ж, сэр, - говорит он, - поскольку ваше милосердие проникнуто жалостью ко мне и моей бедной семье, то, конечно, у вас не может остаться так мало жалости, чтобы сесть в мою лодку, если бы у вас не было крепкого здоровья, что означало бы не что иное, как убить меня и разорить всю мою семью". Бедняга так беспокоил меня, когда говорил о своей семье с такой чувственной заботой и в такой нежной манере, что поначалу я вообще не мог решиться пойти. Я сказал ему, что предпочел бы отбросить свое любопытство, чем доставлять ему беспокойство, хотя я был уверен и очень благодарен за это, что у меня не больше недомогания, чем у самого свежего человека в мире. Что ж, он тоже не хотел, чтобы я откладывала это, но, чтобы показать мне, насколько он уверен в том, что я была справедлива к нему, он теперь настойчиво уговаривал меня поехать: итак, когда прилив подошел к его лодке, я вошла в нее, и он отвез меня в Гринвич. Пока он покупал вещи, которые ему было поручено купить, я поднялся на вершину холма, под которым стоит город, и на восточную сторону города, чтобы полюбоваться рекой; но это было удивительное зрелище - увидеть количество кораблей, которые стояли рядами, по двое, а в некоторых местах две или три такие линии по ширине реки, и это не только до города, между домами, которые мы называем Рэтклифф и Редрифф, которые они называют

Прудом, но даже вниз по всей реке, вплоть до истока. с Большой досягаемостью, которая простирается настолько далеко, насколько позволяют нам холмы, чтобы увидеть ее.

Я не могу судить о количестве кораблей, но думаю, что их было, должно быть, несколько сотен; и я не мог не поаплодировать этому изобретению, поскольку десять тысяч человек и более, которые занимались корабельными делами, были, безусловно, защищены здесь от ярости заразы и жили в безопасности и очень легко.

Я вернулся в свое жилище, очень довольный своим дневным путешествием, и особенно этим беднягой; кроме того, я обрадовался, увидев, что для стольких семей на борту во времена такого запустения были предоставлены такие маленькие убежища. Я заметил также, что по мере того, как свирепствовала чума, корабли с семьями на борту снимались с якоря и уходили все дальше, пока, как мне сказали, некоторые не ушли совсем в море и не направились к таким гаваням и безопасным дорогам¹⁷⁵ на северном побережье, куда они могли добраться наилучшим образом.

Но также было правдой и то, что все люди, которые таким образом покинули сушу и жили на борту кораблей, не были полностью защищены от инфекции; ибо многие умерли и были выброшены за борт в реку, некоторые в гробах, а некоторые, как я слышал, без гробов, чьи тела иногда видели, как их носило вверх и вниз по реке вместе с приливом.

Но я полагаю, что могу рискнуть сказать, что на тех кораблях, которые были заражены таким образом, это либо произошло там, где люди обратились к ним слишком поздно и не летели на корабль, пока не пробыли слишком долго на берегу, и у них была чума, хотя, возможно, они могли этого и не заметить (и поэтому чума не пришла к ним на борт кораблей, но они действительно несли ее с собой), либо это было на этих кораблях, где, по словам бедного лодочника, у них не было времени запастись провизией, но они были вынуждены часто посылать на берег за покупками. для чего у них был повод, или позволяли лодкам подплывать к ним с берега; и таким образом, среди них незаметно распространилась болезнь.

И здесь я не могу не отметить, что странный нрав жителей Лондона в то время чрезвычайно способствовал их собственному разрушению. Чума началась, как я уже заметил, надругом конце города (а именно, в Лонгакре, Друри-Лейн и т. Д.) И продвигалась к городу очень постепенно и медленно. Сначала это ощущалось в декабре, затем снова в феврале, затем снова в апреле (и всегда очень понемногу), затем прекратилось до мая; и даже в последнюю неделю мая во всем этом конце города их было всего семнадцать. И все это время, даже до тех пор, пока в неделю умирало около трех тысяч человек, люди в Редриффе, Уоппинге и Рэтклиффе, по обе стороны реки, и почти по всей Саутуорк-сайд, очень надеялись, что их не посетят или, по крайней мере, что среди них не будет такого насилия. Некоторым людям казалось, что запах смолы и таких других веществ, как масло, смола и сера (которые широко используются во всех отраслях, связанных с судоходством), сохранит их. Другие возражали против этого,¹⁷⁶ потому что это¹⁷⁷ в Вестминстере и приходах Сент-Джайлс и Сент-Эндрюс и т. Д., И началось самое сильное насилие. чтобы снова утихнуть, прежде чем она доберется до них, что отчасти действительно было правдой. Например:—

" , "	Крипплгейт", "	886
" , "	Степни	197
" "	Св. Маг. Бермондси	24
" "	Ротерхит	3
Всего на этой неделе		4030

с 15 по 22 августа,	ул. Джайлс-ин-Филдс	175
" , "	Крипплгейт", "	847
" , "	Степни	273
" , "	Сент-Мэг. Бермондси	36
" "	Ротерхит	2
Всего на этой неделе		5319

Примечание. [179](#)— Было замечено, что номера, упомянутые в приходе Степни в то время, как правило, находились на той стороне, где приход Степни соединялся с Шордичем, который мы теперь называем Спитлфилдс, где приход Степни подходит к самой стене кладбища Шордича. А чума в это время утихнув Сент-Джайлс-ин-те-Филдс и свирепствовала наиболее яростно в приходах Крипплгейт, Бишопсгейт и Шордич, но во всей той части прихода Степни, которая охватывает Лаймхаус, Рэтклифф-хайвей и которая сейчас является приходами Шедуэлл и Уоппинг, вплоть до Сент-Кэтринс-бай-Тауэр, от нее умирало не более десяти человек в неделю, пока не истек весь август; но они заплатили за это впоследствии, как я отмечу ниже. мало-помалу.

Это, говорю я, сделало жителей Редриффа и Уоппинга, Рэтклиффа и Лаймхауса настолько уверенными в себе и настолько тешило себя надеждой, что чума уйдет, не добравшись до них, что они не позаботились ни о бегстве в деревню, ни о том, чтобы запереться; более того, они были настолько далеки от того, чтобы шевелиться, что предпочли принять в свои дома своих друзей и родственников из сити; и несколько из других мест действительно нашли убежище в этой части города как место безопасное и как место, которое, по их мнению, Бог обойдет стороной и не посетит, как остальные. был посещен.

И это было причиной того, что, когда это случилось с ними, они были более удивлены, более необеспечены и больше растерялись, что делать, чем в других местах; ибо когда это случилось с ними по-настоящему и с насилием, как это действительно произошло в сентябре и октябре, тогда в стране не было никакого движения. Никто не позволил бы незнакомцу приблизиться к ним, ни к городам, где они жили; и, как мне сказали, несколько человек, забредших в сельскую местность на стороне Суррея, были найдены умершими от голода в лесах и пустошах; эта местность более открытая и лесистая, чем любая другая часть так близко от Лондона, особенно около Норвуда и приходов Камберуэлл, Далвич, [180](#) и Lusum, где, кажется, никто не осмеливается [181](#) помогите бедным, попавшим в беду людям, опасаящимся инфекции.

Это представление, как я уже сказал, преобладавшее среди жителей той части города, отчасти было причиной, как я уже говорил ранее, того, что они прибегли к помощи кораблей для своего отступления; и там, где они сделали это заблаговременно и осмотрительно, запасшись

провизией так, что им не было необходимости выходить на берег за припасами или позволять лодкам подниматься на борт, чтобы доставить их, — я говорю, там, где они это сделали, у них было, безусловно, самое безопасное убежище из всех, какие только были у людей. Но бедствие было таким, что люди в испуге бежали на борт, не имея хлеба, а некоторые - на корабли, на борту которых не было людей, чтобы перевезти их подальше или сесть в лодку и спуститься вниз по реке за провизией, где это можно было сделать безопасно; и они часто страдали и заражались на борту в той же степени, что и на берегу.

По мере того, как люди побогаче садились на корабли, люди низшего ранга садились в хойи, ¹⁸² порки, зажигалки и рыбацкие лодки; и многие, особенно лодочники, лежали в своих лодках: но у тех это вышло печально, особенно у последних; когда они отправлялись за провизией и, возможно, добывали себе пропитание, инфекция проникла к ним и произвела ужасный опустошение. Многие из водников умерли в одиночестве в своих лодках, когда они катались по своим дорогам, а также над мостом ¹⁸³, как показано ниже, и иногда их не находили до тех пор, пока они не были в таком состоянии, что никто не мог к ним прикоснуться или приблизиться.

Действительно, бедственное положение людей в этом морском районе города было весьма прискорбным и заслуживало величайшего сочувствия. Но, увы! это было время, когда личная безопасность каждого была так близка к нему, что у него не было места для сострадания к страданиям других; ибо смерть, так сказать, стояла у каждого на пороге, а многие даже в их семьях, и они не знали, что делать и куда бежать.

Это, говорю я, лишило меня всякого сострадания. Самосохранение, действительно, казалось здесь первым законом: дети убегали от своих родителей, когда те томились в величайшем горе; и в некоторых местах, хотя и не так часто, как в других, родители поступали подобным образом со своими детьми. Более того, было несколько ужасных примеров, и особенно два за одну неделю, когда убитые горем матери, бредящие и обезумевшие, убивали своих собственных детей; один из них произошел недалеко от того места, где я жил, бедное сумасшедшее создание прожило недостаточно долго, чтобы осознать греховность содеянного, не говоря уже о том, чтобы понести за это наказание.

На самом деле этому не стоит удивляться, ибо опасность немедленной смерти для нас самих лишила нас всякой любви, всякой заботы друг о друге. Я говорю в общих чертах, ибо во многих было много примеров непоколебимой привязанности, жалости и долга, и о некоторых из них мне стало известно, то есть понаслышке; ибо я не берусь ручаться за правдивость подробностей.

Я мог бы рассказать здесь мрачные истории о живых младенцах, которых находили сосущими грудь своих матерей или кормилиц после того, как они умерли от чумы; о матери в приходе, где я жил, которая, имея нездорового ребенка, послала за аптекарем осмотреть ребенка, и когда он пришел, как утверждает родственница, она давала ребенку сосать свою грудь, и, судя по всему, сама была в полном порядке; но когда аптекарь подошел к ней поближе, он увидел знаки на груди, которой она кормила ребенка грудью. Конечно, он был немало удивлен; но, не желая слишком пугать бедную женщину, он пожелал, чтобы она отдала ребенка ему в руки: поэтому он взял ребенка, подошел к колыбели в комнате, положил ее туда и, распахнув ее одежду, обнаружил на ребенке тоже жетоны; и оба умерли прежде, чем он успел вернуться домой, чтобы послать профилактическое лекарство отцу ребенка, которому он сообщил об их состоянии.

Неизвестно, заразил ли ребенок мать-медсестру или мать - ребенка, но последнее наиболее вероятно.

Аналогично о ребенке, принесенном домой родителям кормилицей, которая умерла от чумы; однако нежная мать не отказалась взять свое дитя и положила его себе на грудь, от чего заразилась и умерла, а ребенок у нее на руках тоже умер.

Это заставило бы трепетать самое твердое сердце при виде часто встречающихся примеров, когда нежные матери ухаживали за своими дорогими детьми и даже умирали раньше них, а иногда забирали у них болезнь и умирали, когда ребенок, ради которого было принесено в жертву любящее сердце, справлялся с этим и спасался.

Я слышал также о некоторых, кто после смерти своих родственников отупел от невыносимого горя; и в особенности об одном, который был настолько подавлен давлением на свой дух, что постепенно его голова так втянулась в тело, что макушка его головы почти не виднелась над плечевыми костями; и постепенно, потеряв и голос, и рассудок, его лицо, обращенное вперед, прижалось к ключице, и его нельзя было поддерживать никаким другим способом, если только его не поддерживали руки других людей. И бедняга так и не пришел больше в себя, но томился в таком состоянии около года и умер. И никто ни разу не видел, чтобы он поднимал глаза или смотрел на какой-то конкретный предмет.¹⁸⁴

Я не могу взять на себя обязательство привести что-либо иное, кроме краткого изложения таких отрывков, подобных этим, потому что было невозможно добраться до подробностей, когда иногда целые семьи, где происходили подобные вещи, были унесены чумой; но были бесчисленные случаи такого рода, которые представляли¹⁸⁵ для глаз и ушей, даже при прохождении по улицам, как я намекал выше. Нелегко также привести какую-либо историю о той или иной семье, если бы не было множества параллельных историй того же рода.

Но поскольку я сейчас говорю о том времени, когда чума свирепствовала в самых восточных частях города; о том, как долгое время жители тех краев льстили себя надеждой, что им удастся спастись, и как они были удивлены, когда она настигла их (ибо на самом деле она настигла их, как вооруженный человек, когда она все—таки настигла), — я говорю, это возвращает меня к трем беднякам, которые бродили из Уоппинга, не зная, куда идти и что делать, и о которых я упоминал ранее, - один пекарь печенья, другой парусник, а другой торговец. столяр, все из Уоппинга или где-то поблизости.

Сонливость и защищенность этой части, как я заметил, были таковы, что они не только не перемещались сами, как это делали другие, но и хвастались тем, что находятся в безопасности, и тем, что безопасность находится с ними. И многие люди бежали из города и из зараженных пригородов в Уоппинг, Рэтклифф, Лаймхаус, Поплар и другие подобные места, как в места безопасности. И вовсе не маловероятно, что их поступок помог разнести чуму быстрее, чем она могла бы распространиться в противном случае: ибо, хотя я во многом за то, чтобы люди улетали и опустошали такой город, как этот, при первом появлении подобного нашествия, и чтобы все люди, у которых есть хоть какое-то возможное убежище, вовремя воспользовались им и убрались восвояси, все же я должен сказать, что когда все, кто может улететь, исчезнут, те, кто остался и должен это выдержать, должны стоять неподвижно там, где они есть, и не перемещаться из одного конца города или одной его части в другую ибо это проклятие и беда всего общества, и они переносят чуму из дома в дом в самой своей одежде.

Почему нам было приказано убить всех собак и кошек, как не потому, что они были домашними животными и склонны бегать от дома к дому и с улицы на улицу, поэтому они способны переносить выделения или заразные пары зараженных тел даже в своих мехах и волосах? И поэтому в начале распространения инфекции лорд-мэр и магистраты, согласно совету врачей, издали приказ о немедленном умерщвлении всех собак и кошек; и для исполнения был назначен офицер.

Если полагаться на их рассказ, то невероятно, какое огромное количество этих существ было уничтожено. Я думаю, они говорили о сорока тысячах собак и в пять раз большем количестве кошек; мало в каких домах не было кошек, в некоторых их было несколько, иногда по пять или шесть в доме. Были также предприняты все возможные усилия для уничтожения мышей и крыс, особенно последних, путем подкладки для них крысиного яда; и огромное их количество также было уничтожено.

Я часто размышлял о необеспеченном состоянии, в котором находилась вся масса людей при первом приближении к ним этого бедствия; и о том, что именно из-за отсутствия своевременного принятия мер и управления, как государственных, так и частных, все последующие беспорядки обрушились на нас, и что такое огромное количество людей погибло в этой катастрофе, которой, если бы были предприняты надлежащие шаги, можно было бы избежать, и от которой, если потомки сочтут нужным, они могут принять предостережение. Но я еще вернусь к этой части.

Я возвращаюсь к своим трем мужчинам. В каждой части их истории есть мораль; и все их поведение и поведение тех, с кем они объединились, является образцом для подражания всем бедным мужчинам, да и женщинам тоже, если когда-нибудь такое время снова наступит: и если у меня не было другой цели записывать это, я думаю, что это очень справедливая цель, независимо от того, будет ли мой рассказ точно соответствовать факту или нет.

Говорили, что двое из них были братьями: один - старый солдат, а теперь пекарь бисквитов; другой - хромой матрос, а теперь парусник; третий - столяр. Однажды Джон, пекарь бисквитов, сказал Томасу, своему брату, парусному мастеру: "Брат Том, что с нами будет? Чума набирает обороты в городе и таким образом усиливается. Что нам делать?"

"По правде говоря, - говорит Томас, - я в большой растерянности, что делать; ибо я понимаю, что, если дело дойдет до Уоппинга, меня выгонят из моего жилья". И таким образом они начали говорить об этом заранее.

Джон. Том, тебя выгнали из квартиры? Если да, то я не знаю, кто вас приютит, потому что люди сейчас так боятся друг друга, что нигде нельзя найти жилье.

Хотя. Люди, у которых я живу, хорошие цивилизованные люди и тоже добры ко мне; но они говорят, что я каждый день выезжаю за границу по своим делам, и это будет опасно; и они говорят о том, чтобы запереться и никого к себе не подпускать.

Джон. Конечно, они правы, если решают рискнуть остаться в городе.

Хотя. Более того, я мог бы даже решить тоже остаться дома, потому что, кроме комплекта парусов, который находится в руках моего хозяина и который я как раз заканчиваю, у меня, похоже, еще долго не будет никакой работы. Торговля сейчас не процветает, рабочих и слуг

повсюду выгнали, так что я тоже был бы рад оказаться взаперти. Но я не вижу, чтобы они были готовы согласиться на это больше, чем на другое.

Джон. Что же ты тогда будешь делать, брат? И что мне делать? потому что я почти такой же плохой, как ты. Люди, у которых я живу, все уехали в деревню, кроме горничной, и она должна уехать на следующей неделе и наглухо запереть дом; так что я буду брошен на произвол судьбы раньше вас; и я тоже решил уехать, если бы только знал, куда идти.

Хотя. Мы оба были отвлечены, сначала мы никуда не уходили, хотя могли бы отправиться куда угодно: сейчас никакого движения. Мы умрем с голоду, если притворимся, что уезжаем из города. Они не дадут нам еды, нет, не за наши деньги, и не позволят нам входить в города, не говоря уже об их домах.

Джон. И, что почти так же плохо, у меня тоже почти нет денег, чтобы помочь себе.

Хотя. Что касается этого, мы могли бы кое-что изменить. У меня есть немного, хотя и не очень много; но я говорю вам, что на дороге нет движения. Я знаю пару бедных честных людей на нашей улице, которые пытались путешествовать; и в Барнете, [186](#) или в Уэтстоуне, или где-то поблизости, люди предложили стрелять в них, если они притворятся, что идут вперед: так что они возвращаются совершенно обескураженные.

Джон. Я бы рискнул открыть огонь, если бы был там. Если бы мне отказали в еде за мои деньги, они бы видели, как я беру ее у них на глазах; и если бы я предложил за это деньги, они не смогли бы поступить со мной по закону.

Хотя. Вы говорите на языке старого солдата, как будто находитесь в Нидерландах [187](#); но это серьезно. У людей есть веские причины не подпускать к себе тех, кто, по их мнению, не здоров в такое время, как это, и мы не должны их грабить.

Джон. Нет, брат, ты путаешь дело, и меня тоже: я никого не стал бы грабить. Но для любого города на дороге отказать мне в разрешении проехать через город по открытому шоссе и отказать мне в провизии за мои деньги - значит сказать, что город имеет право уморить меня голодом; что не может быть правдой.

Хотя. Но они не отказывают вам в свободе вернуться туда, откуда вы пришли, и поэтому не морят вас голодом.

Джон. Но следующий город позади меня, по тому же правилу, откажет мне в разрешении вернуться; и поэтому они морили меня голодом. Кроме того, нет закона, запрещающего мне путешествовать по дороге, куда я захочу.

Хотя. Но будет так трудно спорить с ними в каждом городе по дороге, что беднякам не подобает делать это или браться за это в такое время, как сейчас.

Джон. Что ж, брат, при таком раскладе наше положение хуже, чем у кого-либо другого; ибо мы не можем ни уйти, ни остаться здесь. Я придерживаюсь того же мнения, что и прокаженные Самарии. [188](#) Если мы останемся здесь, мы обязательно умрем. Я имею в виду, особенно учитывая, что мы с вами находимся в таком положении, что у нас нет собственного жилого дома и нет жилья ни у кого другого. В такое время нельзя валяться на улице; у нас была такая же хорошая [189](#) немедленно отправляйтесь в корзину для мертвых. Поэтому я говорю, что если мы

останемся здесь, мы обязательно умрем; а если мы уйдем, мы можем только умереть. Я решил уйти.

Хотя. Ты уйдешь. Куда ты пойдешь и что ты можешь сделать? Я бы уехал так же охотно, как и вы, если бы знал, куда; но у нас нет ни знакомых, ни друзей. Здесь мы родились, и здесь мы должны умереть.

Джон. Послушай, Том, все королевство - моя родина, так же как и этот город. Вы можете с таким же успехом сказать, что я не должен выходить из своего дома, если он горит, как и то, что я не должен покидать город, в котором я родился, когда он заражен чумой. Я родился в Англии и имею право жить в ней, если смогу.

Хотя. Но вы знаете, что по законам Англии каждый бродяга может быть задержан и отправлен обратно в свое последнее законное поселение.

Джон. Но как они сделают меня бродягой? Я желаю путешествовать только по своим законным поводам.

Хотя. По каким законным поводам мы можем притворяться, что путешествуем, или, скорее, странствуем? Их не оттолкнешь словами.

Джон. Разве полет ради спасения наших жизней не является законным поводом? И разве все они не знают, что это правда? Нельзя сказать, что мы лицемерим.

Хотя. Но, предположим, они позволят нам пройти, куда мы пойдем?

Джон. Куда угодно, лишь бы спасти наши жизни: у нас достаточно времени подумать об этом, когда мы выберемся из этого города. Если я однажды выберусь из этого ужасного места, мне будет все равно, куда я пойду.

Хотя. Мы будем доведены до крайности. Я не знаю, что об этом думать.

Джон. Что ж, Том, подумай об этом немного.

Это было примерно в начале июля; и хотя чума распространилась на западную и северную части города, все же весь Уоппинг, как я уже наблюдал раньше, и Редрифф, и Рэтклифф, и Лаймхаус, и Поплар, короче говоря, Дептфорд и Гринвич, по обе стороны реки от Эрмитажа и от него, вплоть до Блэуолла, были совершенно свободны. Ни один человек не умер от чумы во всем приходе Степни, и ни один на южной стороне Уайтчепел-роуд, нет, ни в одном приходе; и все же еженедельный счет за ту же неделю вырос до 1006.

Прошло две недели после этого, прежде чем два брата встретились снова, а затем ситуация немного изменилась, и чума распространилась чрезвычайно широко, и число ее значительно увеличилось. Счет вырос до 2785 и значительно увеличился; хотя по-прежнему оба берега реки, как показано ниже, держались довольно хорошо. Но некоторые начали умирать в Редриффе и около пяти или шести на Рэтклифф-хайвей, когда парусный мастер пришел к своему брату Джону, экспресс, [190](#) и в некотором испуге; потому что его категорически предупредили, чтобы он не выселялся, и у него была всего неделя, чтобы обеспечить себя. Его брат Джон был в таком же тяжелом положении, потому что он был совершенно без сознания, и у него была только [191](#) попросил разрешения у своего хозяина, бисквитного пекаря, поселиться во флигеле,

принадлежащем его работному дому, где он лежал только на соломе, обложенный мешками из-под печенья, или "хлебными мешками", как они их называли, и еще несколькими такими же мешки, чтобы прикрыть его.

Здесь они решили, видя, что все занятия подошли к концу, а работы и заработной платы не предвидится, что они сделают все возможное, чтобы оказаться вне досягаемости ужасной инфекции, и, будучи настолько хорошими мужьями, насколько это возможно, постараются жить на то, что у них есть, пока этого хватит, а затем работать еще, если они смогут найти работу где угодно, пусть будет так, как будет.

Пока они обдумывали, как наилучшим из возможных способов претворить это решение в жизнь, третий человек, который был очень хорошо знаком с парусным мастером, узнал о замысле и получил разрешение быть одним из них; и таким образом они приготовились отправиться в путь.

Случилось так, что у них было неравное количество денег; но поскольку парусный мастер, у которого был лучший запас, был, помимо своей хромоты, самым непригодным для того, чтобы ожидать чего-либо, работая в деревне, поэтому он был доволен тем, что все деньги, которые у них были, должны были пойти в один общественный запас, при условии, что все, что кто-либо из них мог получить больше, чем другой, все это должно было без каких-либо возражений быть добавлено к общественному запасу.

Они решили взять с собой как можно меньше багажа, потому что сначала решили путешествовать пешком и пройти большой путь, чтобы, по возможности, быть в полной безопасности. И они провели множество консультаций сами с собой, прежде чем смогли договориться о том, каким путем им следует двигаться; они были так далеки от того, чтобы приспособиться к этому, что даже к утру, когда они отправились в путь, они не были решены на это.

Наконец моряк дал подсказку, которая все определила. "Во-первых, - говорит он, - погода очень жаркая; и поэтому я за то, чтобы отправиться на север, чтобы солнце не било нам в лицо и в грудь, отчего мы будем нагреваться и задыхаться; и мне сказали, - говорит он, - что нехорошо перегревать нашу кровь в то время, когда, насколько нам известно, инфекция может быть в самом воздухе. Во-вторых, - говорит он, - я за то, чтобы идти путем, противоположным ветру, который может дуть, когда мы отправляемся в путь, чтобы ветер не обдувал нам спины городским воздухом, когда мы идем". Эти два предостережения были одобрены, если бы их можно было довести до удара, чтобы ветер не дул с юга, когда они отправятся на север.

Джон пекарь, который был солдатом, тогда высказал свое мнение. "Во-первых, - говорит он, - никто из нас не рассчитывает получить какое-либо жилье в дороге, а просто лежать на открытом воздухе будет немного тяжеловато. Хотя погода может быть теплой, все же может быть сырой, и у нас есть двойная причина позаботиться о своем здоровье в такое время, как это; и поэтому, - говорит он, - ты, брат Том, поскольку ты мастер по изготовлению парусов, мог бы легко соорудить нам небольшую палатку; и я возьму на себя обязательство устанавливать ее каждую ночь и убирать, а также завозить инжир на все постоянные дворы Англии. Если у нас над головой будет хорошая палатка, мы справимся достаточно хорошо".

Столяр воспротивился этому и сказал им, пусть они оставят это ему: он возьмет на себя обязательство строить им дом каждую ночь своим топором и молотком, хотя у него нет других

инструментов, которые должны были бы их полностью удовлетворить и быть такими же хорошими, как палатка.

Солдат и столяр некоторое время спорили по этому поводу; но в конце концов солдат понес это вместо палатки: единственное возражение против этого заключалось в том, что ее нужно нести с собой, а это слишком увеличило бы их багаж, поскольку погода была жаркой. Но у парусника нашлась удачная [192](#) человека, которая упростила задачу; для его мастера, у которого [193](#), на которого он работал, имея канатную прогулку, как хорошо занимался изготовлением парусов, у него была маленькая бедная лошадка, которой он тогда не пользовался, и, желая помочь трем честным людям, он дал им лошадь для перевозки их багажа; кроме того, за небольшую трехдневную работу, которую его человек выполнил для него перед отъездом, он отдал ему старый первоклассный парус [194](#), который был изношен, но был достаточным, и еще более чем достаточно, чтобы сделать очень хорошую палатку. Солдат показал, как придать ему форму, и вскоре они по его указанию соорудили свою палатку и снабдили ее жердями или шестами для этой цели: и таким образом они были снаряжены в путь, а именно: три человека, одна палатка, одна лошадь, одно ружье для солдата (который не хотел идти без оружия, потому что теперь, по его словам, он больше не пекарь печенья, а солдат). У столяра была небольшая сумка с инструментами, которые могли бы пригодиться, если бы он получил какую-нибудь работу за границей, а также для их пропитания, как и для своего собственного. Все деньги, которые у них были, они собрали в один общественный фонд и таким образом начали свое путешествие. Кажется, утром, когда они отправились в путь, ветер дул, как сказал моряк по его карманному компасу, с северо-запада на северо-запад, поэтому они направили или, вернее, решили направить свой курс на северо-запад.

Но затем на их пути возникла трудность, заключающаяся в том, что, когда они отправились с ближнего конца Уоппинга, недалеко от Эрмитажа, и что чума теперь была очень свирепой, особенно в северной части города, как в Шордиче и приходе Крипплгейт, они сочли небезопасным приближаться к этим районам: поэтому они направились на восток, по Рэтклифф-хайвей, до Рэтклифф-Кросс, и оставили церковь Степни по-прежнему слева от себя, боясь подниматься от Рэтклифф-Кросс до Майл-Энда, потому что они должны были подъехать как раз к тому месту. у церковного двора, а также потому, что ветер, который, казалось, больше дул с запада, дул прямо с той стороны города, где чума была самой сильной. Итак, говорю я, покинув Степни, они взяли длинный компас, [195](#) и, направляясь к Поплару и Бромли, вышли на большую дорогу как раз у Боу.

Здесь стража, выставленная на Боу-Бридж, наверняка допросила бы их; но они, перейдя дорогу и свернув на узкую дорогу, ведущую из более высокой части города Боу в Олдфорд, избежали там каких-либо расспросов и направились дальше в Олдфорд. Констебли повсюду были настороже, похоже, не столько для того, чтобы останавливать проходящих мимо людей, сколько для того, чтобы помешать им поселиться в своих городах; и, кроме того, из-за сообщения, которое было недавно распространено в то время и которое действительно не было таким уж невероятным, а именно, что бедняки в Лондоне, будучи обездоленными и умирающими от голода из-за отсутствия работы и, следовательно, из-за нехватки хлеба, были вооружены и подняли беспорядки, и что они выйдут во все города вокруг, чтобы грабить ради хлеба. Это, я говорю, был всего лишь слух, и очень хорошо, что его больше не было; но это было не так далеко от реальности, как считалось, ибо еще через несколько недель бедняки пришли в такое отчаяние от постигшего их бедствия, что их с большим трудом удерживали от того, чтобы не

выбежать на поля и в города и не разорвать все на куски, куда бы они ни попали. И, как я заметил раньше, ничто не мешало им, но что чума бушевала так яростно, и напал на них с такой яростью, что они скорее сошел в могилу тысячи, чем в полях у мобов тысячами; в части о приходах Святого Гроба Господня, в Клеркенвелл, Cripplegate, акций, и Шордич, которые были в местах, где толпы начали угрожать, смута пришла столь яростно, что там умирали в тех немногих приходах, даже тогда, до чумы был прийти к ее высота, не менее 5,361 людей в первые три недели в августе, когда в то же время части о Уоппинг, Рэтклифф, и Ротерхит, как это описано, практически не задел, но очень серьезно; так что одним словом, хотя, как я уже сказал, хорошее управление мэра и судьи сделали многое, чтобы предотвратить ярость и отчаяние людей проникнуть в толпы и беспорядков, и, короче говоря, у бедных грабя богатых,—говорю я, хотя они многое сделали, погибших корзину ничего более: ибо, как я уже сказал, что в пять приходов только, там погибло свыше пяти тысяч в двадцать дней, так что может быть, наверное, в три раза превышает число больных все время, для некоторых из них выздоровели, а большое число заболевших каждый день, а потом померли. Кроме того, мне все же должно быть позволено сказать, что, если в счетах смертности говорилось о пяти тысячах, я всегда считал, что на самом деле их было вдвое больше, поскольку не было оснований полагать, что отчет, который они предоставили, был правильным, или что они действительно 196 были, среди такой путаницы, в которой я их видел, в состоянии вести точный счет.

Но вернемся к моим путешественникам. Здесь их только допросили, и, поскольку они казались скорее приехавшими из деревни, чем из города, они обнаружили, что с ними легче обращаться; что они разговаривают с ними, впускают их в трактир, где находились констебль и его надзиратели, и угощают их выпивкой и кое-какой снедью, что очень освежает и подбадривает их. И тут им пришлось в голову сказать, когда их потом будут расспрашивать, что они приехали не из Лондона, а из Эссекса.

Чтобы распространить этот маленький обман, они добились такого расположения констебля в Олдфорде, что тот выдал им свидетельство о том, что они проезжали из Эссекса через эту деревню и что они не были в Лондоне; что, хотя и было ложью в общепринятом понимании Лондона в сельской местности, все же было буквально правдой, поскольку Уоппинг или Рэтклифф не входили ни в состав сити, ни в состав либерти.

Это свидетельство, направленное следующему констеблю, который находился в Хомертоне, одной из деревушек прихода Хакни, было настолько полезным для них, что обеспечило им не только бесплатный проезд туда, но и полную справку о состоянии здоровья от мирового судьи, который, по ходатайству констебля, выдал ее без особых трудностей. Так они проехали через давно разделенный город Хакни (ибо тогда он состоял из нескольких отдельных деревушек) и ехали дальше, пока не выехали на грейт-норт-роуд на вершине Стэмфорд-Хилл.

К этому времени они начали уставать; и поэтому на проселочной дороге из Хакни, незадолго до того, как она вывела на упомянутую большую дорогу, они решили поставить свою палатку и разбить лагерь на первую ночь; что они и сделали соответственно, с таким дополнением: найдя сарай или здание, похожее на сарай, и сначала обыскав как можно лучше, чтобы убедиться, что в нем никого нет, они поставили свою палатку изголовьем к сараю. Они сделали это еще и потому, что в ту ночь дул очень сильный ветер, а они были еще молоды в таком способе ночлега, равно как и в управлении своей палаткой.

Здесь они легли спать; но столяр, серьезный и трезвый человек, недовольный тем, что они так бездельничали в первую ночь, не мог уснуть и, безуспешно попытавшись, решил выйти и, взяв в руки ружье, встать на страже и охранять своих товарищей. Итак, с ружьем в руке он подошел к сараю и снова остановился перед ним, потому что тот стоял в поле у дороги, но за изгородью. Он недолго следовал за разведчиком, но услышал шум приближающихся людей, как будто их было очень много; и они шли, как он и думал, прямо к амбару. Сразу он не разбудил своих товарищей, но еще через несколько минут, когда их шум становился все громче и громче, пекарь бисквитов окликнул его и спросил, в чем дело, и тоже быстро вышел. Другой, хромой парусник, самый усталый, неподвижно лежал в палатке.

Как они и ожидали, люди, которых они слышали, направились прямо к амбару, когда один из наших путешественников окликнул, как солдат стражу: "Кто там идет?" Люди ответили не сразу, но один из них обратился к другому, стоявшему позади них: "Увы, увы! мы все разочарованы, - говорит он. - перед нами несколько человек; сарай занят".

При этих словах они все остановились, как будто были несколько удивлены; и, кажется, всего их было около тринадцати, и среди них несколько женщин. Они посоветовались друг с другом, что им делать; и по их разговорам наши путешественники вскоре поняли, что они такие же бедные, попавшие в беду люди, как и они сами, ищущие убежища и безопасности; и, кроме того, нашим путешественникам не нужно было бояться, что они подойдут и побеспокоят их, ибо как только они услышали слова: "Кто там идет?" они слышали, как женщины говорили, словно испуганные: "Не подходите к ним близко; откуда вы знаете, что у них может быть чума?" И когда один из мужчин сказал: "Давайте только поговорим с ними", женщины ответили: "Нет, ни в коем случае не делайте этого; до сих пор мы спасались по милости Божьей; умоляем вас, не дайте нам сейчас подвергнуться опасности".

Наши путешественники убедились в этом, что они были хорошими трезвенниками и летали, спасая свои жизни, какими они были; и поскольку это их ободрило, Джон сказал столяру, своему товарищу: "Давай и мы ободрим их, насколько сможем". И он воззвал к ним. "Послушайте, добрые люди, - говорит столяр. - Из ваших речей мы заключаем, что вы спасаетесь от того же ужасного врага, что и мы. Не бойтесь нас; нас всего трое бедняков. Если вы свободны от болезни, мы не причиним вам вреда. Мы не в сарае, а в маленькой палатке здесь, снаружи, и мы уберем ее для вас; мы можем немедленно снова установить нашу палатку в любом другом месте". И по этому поводу начались переговоры между столяром, которого звали Ричард, и одним из их людей, которого, как сказали, звали Форд.

Форд. И вы уверяете нас, что все вы здравомыслящие люди?

Богатый. Нет, мы озабочены тем, чтобы сообщить вам об этом, чтобы вы не беспокоились и не думали, что вам грозит опасность; но вы видите, мы не желаем, чтобы вы подвергали себя какой-либо опасности, и поэтому я говорю вам, что мы не пользовались сараем; поэтому мы уйдем из него, чтобы вы могли быть в безопасности и мы тоже.

Брод. Это очень любезно и милосердно; но если у нас есть основания быть уверенными, что вы здоровы и свободны от посещений, почему мы должны заставлять вас удаляться теперь, когда вы устроились в своем жилище и, может быть, легли отдыхать? Если не возражаете, мы пойдем в сарай, чтобы немного отдохнуть, и нам не нужно вас беспокоить.

Богатый. Что ж, но ты больше, чем мы. Я надеюсь, вы заверите нас, что все вы тоже здоровы, поскольку опасность для вас для нас так же велика, как и от нас для вас.

Брод. Благословен Бог, что некоторым удастся спастись, хотя их и немного! Какова еще может быть наша доля, мы не знаем, но до сих пор мы сохраняемся.

Богатый. Из какой части города вы родом? Пришла ли чума в те места, где вы жили?

Брод. Да, да, самым ужасным образом, иначе мы бы не бежали, как мы это делаем; но мы верим, что после нас в живых останется очень мало.

Богатый. Из какой части ты родом?

Брод. Большинство из нас из прихода Крипплгейт; только двое или трое из прихода Клеркенуэлл, но с этой стороны.

Богатый. Как же тогда получилось, что ты уехал раньше?

Брод. Некоторое время нас не было, и мы держались вместе, как могли, на окраине Ислингтона, где нам разрешили переехать в старый нежилой дом, и у нас были кое-какие постельные принадлежности и удобства, которые мы привезли с собой; но чума пришла и в Ислингтон, и дом по соседству с нашим бедным жилищем был заражен и заперт, и мы уезжаем в испуге.

Богатый. И каким путем ты идешь?

Брод. Когда наш жребий забросит нас, мы не знаем, куда; но Бог поведет тех, кто смотрит на него снизу вверх.

На этот раз они больше не вели переговоров, а подошли все к сараю и с некоторым трудом забрались в него. В сарае не было ничего, кроме сена, но его было почти полно, и они устроились, как могли, и отправились отдыхать; но наши путешественники заметили, что перед тем, как они легли спать, пожилой мужчина, который, по-видимому, был отцом одной из женщин, помолился со всей компанией, вверив себя благословению и защите Провидения, прежде чем они легли спать.

В это время года скоро наступил день; и поскольку Ричард-столяр нес караул первую часть ночи, Джон-солдат сменил его, и утром он заступил на пост. И они начали знакомиться друг с другом. Кажется, когда они покинули Ислингтон, они намеревались направиться на север, к Хайгейту, но были остановлены в Холлоуэе, и там им не дали проехать; поэтому они пересекли поля и холмы на восток и вышли к реке Бордед, и таким образом, избегая городов, они оставили Хорнси по левую руку, а Ньюингтон - по правую, и выехали на большую дорогу, огибающую Стэмфорд-Хилл с этой стороны, как трое путешественников сделали с другой стороны. И теперь у них были мысли о том, чтобы переправиться через реку поболотам и направиться в Эппинг-Форест, где, как они надеялись, им разрешат отдохнуть. Похоже, они не были бедны, по крайней мере, не настолько бедны, чтобы испытывать нужду: по крайней мере, у них было достаточно средств, чтобы умеренно прокормиться в течение двух-трех месяцев, когда, по их словам, они надеялись, что холодная погода остановит распространение инфекции или, по крайней мере, ее буйство прошло бы само собой и уменьшилось бы, если бы не нехватка людей, оставшихся в живых для заражения.

Во многом такова была судьба наших троих путешественников, только они, по-видимому, были лучше подготовлены к путешествию и намеревались отправиться дальше; что касается первых, то они не собирались ехать дальше, чем на один день пути, чтобы каждые два-три дня получать сведения о том, как обстоят дела в Лондоне.

Но здесь наши путешественники столкнулись с неожиданным неудобством, а именно с неудобством их лошади; поскольку лошадь несла их багаж, они были вынуждены держаться дороги, в то время как люди из этого другого отряда шли по полям или дорогам, по тропинке или без тропинки, так или не так, как им заблагорассудится. У них также не было никакой возможности проезжать через какой-либо город или приближаться к какому-либо поселку, кроме как для того, чтобы купить то, что им было нужно для их необходимого существования; и в этом, действительно, они столкнулись с большими трудностями, из которых на своем месте.

Но наши трое путешественников были вынуждены следить за дорогой, иначе им пришлось бы разорять страну и наносить ей большой ущерб, ломая заборы и ворота, чтобы пройти по огороженным полям, чего они не хотели делать, если могли.

Однако нашим трем путешественникам очень хотелось присоединиться к этой компании и взять с собой свою судьбу; и после недолгих рассуждений они отказались от своего первого намерения, направленного на север, и решили последовать за первым в Эссекс. Итак, утром они поставили свою палатку, навьючили лошадь и отправились в путь все вместе.

У них возникли некоторые трудности с прохождением мимо парома на берегу реки, так как перевозчик их боялся; но после некоторых переговоров на расстоянии перевозчик удовлетворился тем, что отвел свою лодку в место, удаленное от обычного парома, и оставил ее там, чтобы они могли сесть на нее. Итак, придя в себя, он велел им покинуть лодку, а сам, поскольку у него была другая лодка, сказал, что привезет ее снова; однако, похоже, он не делал этого более восьми дней.

Здесь, предварительно отдав перевозчику деньги, они получили запас съестных припасов и питья, которые он привез и оставил для них в лодке, но не без того, чтобы, как я уже сказал, получить деньги заранее. Но теперь наши путешественники были в большой растерянности и затруднялись, как переправить лошадь, так как лодка была маленькой и не подходила для нее, и, наконец, не могли этого сделать, не разгрузив багаж и не заставив его переплыть.

От реки они направились к лесу; но когда они добрались до Уолтемстоу, жители этого города отказались¹⁹⁷, но, как и везде, констебли и их сторожа держали их на расстоянии и вели с ними переговоры. Они рассказали о себе то же, что и раньше; но они не придали значения тому, что они сказали, объяснив это тем, что две или три компании уже прошли этим путем и делали подобные заявления, но что они посеяли смуту среди нескольких человек в городах, где они проезжали, и впоследствии были так мало использованы страной, хотя и справедливо, как они того заслуживали, что о Брентвуде¹⁹⁸ или таким образом, несколько из них погибли в полях, то ли от чумы, то ли просто от нужды и горя, они не могли сказать.

В самом деле, это была веская причина, по которой жителям Уолтемстоу следовало быть очень осторожными и почему они должны были решить не принимать у себя никого, кто их не устраивал; но, как сказали им Ричард столяр и один из других людей, которые вели с ними переговоры, это не было причиной, по которой они должны перекрывать дороги и отказываться пропускать людей через город, и которые ничего не просили от них, кроме как пройти по улице;

что, если их жители боялись их, они могли уйти в свои дома и закрыть двери: они не хотели показывать им, что они боятся их. вежливость или невежливость, но идут дальше по своим делам.

Констебли и слуги, не поддаваясь доводам разума, продолжали упрямыться и ни к чему не желали прислушиваться; поэтому двое мужчин, которые разговаривали с ними, вернулись к своим товарищам, чтобы посоветоваться, что делать. В целом это было очень обескураживающе, и они долгое время не знали, что делать; но, наконец, Джон, солдат и пекарь бисквитов, немного подумав, сказал: "Пойдем, - сказал он, - оставь остальные переговоры мне". Он еще не появился; поэтому он поручает столюру Ричарду вырезать из деревьев несколько шестов и придать им форму, подобающую ружьям, какую только сможет; и вскоре у него получилось пять или шесть прекрасных мушкетов, которые издали было бы не разглядеть; и что касается той части, где находится ружейный замок, он велел обернуть их тканью и тряпками, какие у них были, как это делают солдаты в сырую погоду, чтобы предохранить замки своих орудий от ржавчины; остальное было обесцвечено глиной или грязью, какую только смогли раздобыть; и все это в то время, как остальная часть ружей была обмотана тканью. по его указанию они расселись под деревьями по двое или по трое и развели костры на приличном расстоянии друг от друга.

Пока это делалось, он продвинулся сам и двое или трое с ним, и поставили свою палатку в переулке, в пределах видимости барьера, возведенного горожанами, и поставили возле него часового с настоящим ружьем, единственным, которое у них было, и который [199](#) ходил взад и вперед с ружьем на плече, так что жители города не могли видеть, что происходит. кроме того, он привязал лошадь к калитке в живой изгороди неподалеку, собрал несколько сухих веток и разжег костер с другой стороны палатки, так что жители города могли видеть огонь и дым, но не могли видеть, что они там делают.

После того, как сельские жители долгое время очень серьезно смотрели на них и по всему, что они могли видеть, не могли не предположить, что их было очень много в компании, они начали беспокоиться, не из—за того, что они ушли, а из-за того, что остались там, где были; и, прежде всего, заметив, что у них есть лошади и оружие (потому что они видели одну лошадь и одно ружье у палатки, и они видели, как другие из них ходили по полю с внутренней стороны изгороди по обочине дороги со своими мушкетами, как они их приняли, на плечах), - Я говорю, что при таком зрелище, как это, вы можете быть уверены, что они были встревожены и ужасно напуганы; и, похоже, они пошли к мировому судье, чтобы узнать, что им следует делать. Что посоветовал им судья, я не знаю; но ближе к вечеру они позвонили с барьера, как указано выше, часовому у палатки.

- Чего ты хочешь? - спрашивает Джон.

"Что вы собираетесь делать?" - спрашивает констебль.

"Что делать?" - спрашивает Джон. - "Что, по-вашему, мы должны делать?"

Const. Почему бы тебе не уйти? Зачем ты здесь остаешься?

Джон. Почему вы останавливаете нас на королевском тракте и делаете вид, что отказываете нам в разрешении продолжить наш путь?

Постоянный. Мы не обязаны сообщать вам причину, хотя и дали вам понять, что это произошло из-за чумы.

Джон. Мы говорили вам, что все мы здоровы и свободны от чумы, от которой мы не обязаны были вас избавлять, и все же вы притворяетесь, что останавливаете нас на шоссе.

Постоянный. Мы имеем право остановить это, и наша собственная безопасность обязывает нас к этому; кроме того, это не королевская дорога, это путь терпения. Вы видите, здесь ворота, и если мы позволим людям проходить здесь, мы заставим их платить пошлину.

Джон. Мы имеем право заботиться о собственной безопасности так же, как и вы; и вы можете видеть, что мы спасаем свои жизни, и с вашей стороны очень нехристиански и несправедливо останавливать нас.

Const. Вы можете вернуться туда, откуда пришли, мы вам в этом не препятствуем.

Джон. Нет, это более сильный враг, чем вы, который удерживает нас от этого, иначе мы не пришли бы сюда.

Const. Что ж, тогда ты можешь пойти любым другим путем.

Джон. Нет, нет. Я полагаю, вы видите, что мы можем отпустить вас и всех жителей вашего прихода и проезжать через ваш город, когда пожелаем; но, поскольку вы остановили нас здесь, мы довольны. Вы видите, что мы разбили здесь лагерь, и здесь мы будем жить. Мы надеемся, что вы снабдите нас провизией.

Const. Мы обеспечиваем вас! Что вы имеете в виду?

Джон. Ну, ты же не хочешь, чтобы мы голодали, правда? Если вы остановите нас здесь, вы должны оставить нас у себя.

Const. Вы будете плохо содержаться на нашем содержании.

Джон. Если ты будешь ограничивать нас, мы обеспечим себя лучше.

Const. Но вы же не станете притворяться, что хотите расправиться с нами силой, не так ли?

Джон. Мы пока не применяли к вам насилия, почему вы, кажется, вынуждаете нас к этому? Я старый солдат и не могу умереть с голоду; и если вы думаете, что мы будем вынуждены вернуться из-за нехватки провизии, вы ошибаетесь.

Const. Поскольку вы угрожаете нам, мы позаботимся о том, чтобы быть достаточно сильными для вас. У меня приказ поднять на вас всю округу.

Джон. Это вы угрожаете, а не мы; и, поскольку вы хотите причинить вред, вы не можете винить нас, если мы не дадим вам на это времени. Мы начнем наш марш через несколько минут.

Const. Чего вы от нас требуете?

Джон. Сначала мы ничего не хотели от вас, кроме как отправиться прогуляться по городу. Мы не должны были причинять вреда никому из вас, и вы не понесли бы никаких травм или убытков с нашей стороны. Мы не воры, а бедняки, попавшие в беду и спасающиеся от ужасной

лондонской чумы, которая пожирает тысячи людей каждую неделю. Мы удивляемся, как вы можете быть таким безжалостным.

Постоянство. Самосохранение обязывает нас.

Джон. Что! Заткнуть рот своему состраданию в случае такого несчастья, как это?

Постоянный. Что ж, если вы пройдете полями по левую руку от вас и за той частью города, я постараюсь, чтобы для вас открыли ворота.

Джон. Наши всадники не могут проехать с нашим багажом этим путем. Он ведет не по той дороге, по которой мы хотим идти, и почему вы должны заставлять нас свернуть с дороги? Кроме того, вы продержали нас здесь весь день без всякой провизии, кроме той, что мы привезли с собой. Я думаю, вам следует прислать нам немного провизии на подмогу.

Постоянно. Если вы пойдете другим путем, мы пришлем вам немного провизии.

Джон. Это способ заставить все города графства преградить нам путь.

Постоянно. Если все они будут снабжать вас едой, чем вы будете хуже? Я вижу, у вас есть палатки: вам не нужен кров.

Джон. Итак, какое количество провизии вы нам пришлете?

Постоянный. Сколько вас?

Джон. Нет, мы просим недостаточно для всей нашей компании. Мы состоим из трех компаний. Если вы пришлете нам хлеба на двадцать мужчин и примерно шесть или семь женщин на три дня и покажете нам дорогу через поле, о котором вы говорите, мы не хотим внушать вашему народу никакого страха за нас. Мы сделаем все возможное, чтобы угодить вам, хотя мы так же свободны от инфекции, как и вы.

Const. И вы можете заверить нас, что другие ваши люди не доставят нам новых хлопот?

Джон. Нет, нет; вы можете положиться на это.

Постоянство. Вы также должны взять на себя обязательство, чтобы никто из ваших людей ни на шаг не приближался к тому месту, где будут сложены продукты, которые мы вам отправим.

Джон. Отвечаю за это, мы не будем.

Здесь он подозвал одного из своих людей и приказал ему приказать капитану Ричарду и его людям пройти нижней дорогой по краю болот и встретить их в лесу; все это было притворством, потому что у них не было ни капитана Ричарда, ни какой-либо подобной компании.

Соответственно, они послали туда двадцать буханок хлеба и три или четыре больших куска хорошей говядины и открыли несколько ворот, через которые они прошли; но ни у кого из них не хватило смелости выглянуть и посмотреть, как они уходят, а поскольку был вечер, если бы они и посмотрели, то не смогли бы увидеть их, чтобы понять, как их мало.

Так распорядился Джон солдат; но это вызвало такую тревогу в округе, что, если бы их действительно было двести или триста, на них поднялся бы весь округ, и их отправили бы в тюрьму или, возможно, стукнули бы по голове.

Вскоре они поняли это, потому что два дня спустя они обнаружили поблизости также несколько отрядов всадников и пехотинцев, преследовавших три отряда людей, вооруженных, как они сказали, мушкетами, которые бежали из Лондона, пораженные чумой, и которые не только распространяли смуту среди людей, но и грабили страну.

Теперь, когда они увидели последствия своего дела, они вскоре поняли, в какой опасности оказались: поэтому они решили, также по совету старого солдата, снова разделиться. Джон и двое его товарищей с лошадью ушли, как будто в сторону Уолтхэма²⁰⁰— остальные двумя отрядами, но все немного порознь, — и направились в сторону Эппинга.²⁰⁰

В первую ночь они разбили лагерь все вместе в лесу, недалеко друг от друга, но не ставили палатку из опасения, что их обнаружат. С другой стороны, Ричард принялся за работу со своим топором и тесаком и, срубив ветви деревьев, построил три палатки или лачуги, в которых все они расположились лагерем со всеми удобствами, на какие только могли рассчитывать.

Провизии, которая была у них в Уолтемстоу, в эту ночь хватило с избытком, а что касается следующей, то они предоставили это Провидению. Они так хорошо отнеслись к поведению старого солдата, что теперь охотно сделали его своим лидером, и первое его поведение оказалось очень хорошим. Он сказал им, что теперь они находятся на достаточном расстоянии от Лондона; что, поскольку им не нужно немедленно обращаться к стране за помощью, они должны быть настолько осторожны, чтобы страна не заразила их, насколько это возможно, чтобы они не заразили страну; что те небольшие деньги, которые у них есть, они должны расходовать как можно бережливее; что, поскольку он хотел бы, чтобы они думали о том, чтобы предложить стране какое-либо насилие, поэтому они должны постараться донести смысл своего положения до страны как можно дальше. Все они подчинились его указаниям, поэтому оставили свои три дома на месте и на следующий день отправились в сторону Эппинга; капитан (так они теперь называли его) и двое его попутчиков отказались от намерения отправиться в Уолтем и отправились все вместе.

Подъехав к Эппингу, они остановились, выбрав подходящее место в открытом лесу, не совсем рядом с шоссе, но и недалеко от него, на северной стороне, под небольшой группой невысоких деревьев поллард.²⁰¹ Здесь они разбили свой маленький лагерь, который состоял из трех больших палаток или хижин, сделанных из жердей, которые их плотник и те, кто были его помощниками, срубили и закрепили в земле по кругу, связав все маленькие концы вместе наверху и утолщив по бокам ветками деревьев и кустарников, так что они были совершенно тесными и теплыми. Кроме того, у них была маленькая палатка, где женщины лежали отдельно, и хижина, в которой можно было поставить лошадь.

Случилось так, что на следующий или предпоследний день в Эппинге был базарный день, когда капитан Джон и еще один мужчина отправились на рынок и купили кое-что из провизии, то есть хлеба и немного баранины и говядины; а две женщины пошли отдельно, как будто они не принадлежали к остальным, и купили еще. Джон взял лошадь, чтобы привести ее домой, и мешок, в котором плотник носил свои инструменты, чтобы положить их туда. Плотник принялся

за работу и сделал им скамейки и табуретки, чтобы сидеть на них, из дерева, которое он смог достать, и что-то вроде стола для обедов.

На них не обращали внимания в течение двух или трех дней; но после этого множество людей выбежало из города, чтобы посмотреть на них, и вся страна была встревожена из-за них. Сначала люди, казалось, боялись приближаться к ним; с другой стороны, они хотели, чтобы люди держались подальше, потому что ходили слухи, что чума была в Уолтеме и что в Эппинге она длилась два или три дня. Поэтому Джон крикнул им, чтобы они не подходили к ним. "Ибо, - говорит он, - мы все здесь здоровые люди, и мы не хотели бы, чтобы вы принесли чуму к нам или делали вид, что мы принесли ее к вам".

После этого к ним подошли приходские чиновники, поговорили с ними на расстоянии и пожелали узнать, кто они такие и какими полномочиями обладают, чтобы занять свое место в этом месте. Джон ответил очень откровенно, что это были бедные, попавшие в беду люди из Лондона, которые, предвидя, до каких страданий они докатятся, если чума распространится на город, вовремя бежали, спасая свои жизни, и, не имея знакомых или родственников, к которым можно было бы бежать, сначала остановились в Ислингтоне, но, поскольку чума пришла в этот город, бежали дальше; и поскольку они предположили, что жители Эппинга могли отказать им во въезде в их город, они разбили свои палатки таким образом в открытом поле и в лесу, будучи готовыми перенести все тяготы такой жизни. безутешное жилище, а не заставлять кого-либо думать или бояться, что они могут пострадать от них.

Сначала жители Эппинга грубо разговаривали с ними и сказали, что они должны уехать; что это место не для них; и что они притворяются здоровыми, но, насколько им известно, они могут быть заражены чумой и могут заразить всю страну, а они не могут терпеть ее там.

Джон утверждал, спокойно с ними долгое время, и сказал им, что Лондон стал местом, в котором они, то есть жители города Эппинг, и все страны вокруг них, жили; к кому они продавали продукты своих земель и из которой они сдают в аренду или продают свои фермы; и быть таким жестоким к жителям Лондона, или любой из тех, от кого они получили так много, было очень тяжело, и они бы не хотелось, чтобы он запомнился жизни, и он рассказал, как варварские, как негостеприимно, и как жестоко они были жителями Лондона, когда они бежали с лица Самый страшный враг в мире; что еехватило бы, чтобы сделать имя Эппинг человек ненавистен весь город, и всякий сброд каменных в самых улицах, когда они пришли так же, как на рынок; что они не в безопасности от того, посетили сами, и которые, как он слышал, Валто уже; что они будут думать, что это очень сложно, что, когда любой из них бежали из-за страха перед их коснулась, они должны быть лишены свободы во лжи так много, как в открытом поле.

Эппинг мужчин сказал им, что они, действительно, сказал, что они звучат, и свободной от инфекции, но, что у них нет уверенности в нем; и этого сообщалось, что там была большая толпа людей в Уолтемстоу, кто сделал такой предложения быть звуком, как они это делали, но что они угрожали разграбить город, и пробить себе дорогу, то ли прихода сотрудников будет или нет; что было около двух сотен из них, и было оружие и шатры, как из стран с низким уровнем солдат; что они вымогали положения от города, угрожая их жизни на них в квартале свободный, [202](#) показывая свои руки, и говорить на языке солдат; и что некоторые из них ушли в сторону Румфорд и Брентвуд, в стране были заражены им, и распространение чумы в тех крупных городах, так что люди не смели выходить на рынок там, как обычно; что вполне вероятно, они принадлежат к этой партии, и, если да, они заслужили, чтобы быть отправлены в

окружную тюрьму, и быть защищенной, что они сделали удовлетворения за ущерб, который они сделали, и для страха и ужаса они поставили страну на.

Джон ответил, что то, что сделали другие люди, ничего для них не значило; что они заверили их, что все они были из одной компании; что их никогда не было больше, чем они видели их в то время (что, кстати, было чистой правдой); что они вышли двумя отдельными компаниями, но присоединились по дороге, поскольку их дела были одинаковыми; что они были готовы дать о себе любой отчет, которого от них кто-либо потребует, и сообщить свои имена и места жительства, чтобы их можно было призвать к ответу за любой беспорядок, в котором они могли быть виновны; что горожане можно было бы увидеть, что они были довольны тем, что жили с трудом, и желали только немного места, чтобы дышать в лесу, где это было полезно (ибо там, где этого не было, они не могли оставаться и сбежали бы, если бы нашли там что-то иное).

"Но, - сказали горожане, - на наших руках уже лежит большая забота о бедных, и мы должны позаботиться о том, чтобы не увеличивать ее. Мы предполагаем, что вы не можете гарантировать нас от того, что вы будете нести ответственность перед нашим приходом и жителями, так же как и от того, что вы опасны для нас в связи с инфекцией".

"Послушайте, - говорит Джон, - что касается того, чтобы взимать с вас плату, мы надеемся, что этого не произойдет. Если вы снабдите нас провизией для удовлетворения наших нынешних потребностей, мы будем вам очень благодарны. Как все мы жили без благотворительности, когда были дома, так и мы обязуемся полностью отплатить вам, если Богу будет угодно вернуть нас в наши собственные семьи и дома в безопасности и восстановить здоровье жителей Лондона.

"Что касается нашей смерти здесь, то мы уверяем вас, что если кто-то из нас умрет, мы, оставшиеся в живых, похороним их и не повлечем за собой никаких расходов, за исключением того, что мы все умрем, и тогда, действительно, последний человек, не имея возможности похоронить себя, возложил бы на вас эти расходы; я убежден, - говорит Джон, - что он оставит после себя достаточно, чтобы оплатить вам расходы.

"С другой стороны, - говорит Иоанн, - если ты заткнешь все внутренности сострадания и совсем не будешь помогать нам, мы не будем ничего вымогать насильем или красть у кого-либо; но когда то небольшое, что у нас есть, будет израсходовано, если мы погибнем от нужды, да свершится воля Божья!"

Джон так подействовал на горожан, разговаривая с ними таким разумным и мягким тоном, что они ушли; и хотя они не давали никакого согласия на их пребывание там, все же они не приставали к ним, и бедняги оставались там еще три или четыре дня без каких-либо помех. За это время у них завязалось какое-то отдаленное знакомство с продовольственным магазином на окраине города, к которому они заходили на расстоянии, чтобы принести кое-какие мелочи, которые им требовались, и которые они оставляли на некотором расстоянии и всегда платили очень честно.

В это время молодежь города часто подходила к ним поближе, останавливалась и смотрела на них, а иногда и разговаривала с ними в перерывах; и особенно было замечено, что в первый субботний день бедняки уединялись, вместе поклонялись Богу и слушали, как они поют псалмы.

Эти вещи и тихое, безобидное поведение начали снискивать им хорошее мнение в округе, и люди начали жалеть их и отзываться о них очень хорошо; следствием чего было то, что по случаю очень сырой, ненастной ночи некий джентльмен, живший по соседству, прислал им маленькую тележку с двенадцатью связками соломы, на которых они могли жить, а также покрывать соломой свои хижины и сохранять их сухими. Священник из соседнего прихода, не зная о существовании другого, прислал им также около двух бушелей пшеницы и полбушеля белого гороха.

Конечно, они были очень благодарны за это облегчение, и особенно солома была для них большим утешением; потому что, хотя изобретательный плотник сделал им каркасы для лежания, наподобие корыт, и наполнил их листьями деревьев и всем, что они могли достать, и изрезал всю ткань для палаток, чтобы сделать покрывала, все же они лежали влажными, жесткими и нездоровыми, пока не появилась эта солома, которая была для них как перина, и, как сказал Джон, более желанной, чем были бы перины в другое время.

Этот джентльмен и священник начали таким образом и подали пример милосердия этим странникам, за ними быстро последовали другие; и они каждый день получали ту или иную милость от людей, но главным образом от джентльменов, которые жили в окрестных краях. Некоторые присылали им стулья, табуретки, столы и другие предметы домашнего обихода, о которых они уведомляли, что хотят. Некоторые присылали им одеяла, коврики и покрывала; некоторые - фаянсовую посуду; а некоторые - кухонную утварь для заказа [203](#) их еды.

Ободренный таким хорошим использованием, их плотник за несколько дней построил им большой сарай или дом со стропилами и крышей по форме, а также верхний этаж, в котором им было тепло, потому что в начале сентября погода стала сырой и холодной; но этот дом, покрытый очень хорошей соломой, а стены и крыша очень толстыми, достаточно хорошо защищал от холода. Он соорудил также земляную стену на одном конце с дымоходом в ней; а другой член компании, приложив немало усилий, проделал в дымоходе воронку для отвода дыма.

Здесь они жили с комфортом, хотя и бедно, до начала сентября, когда до них дошли дурные вести, правдивые или нет, о том, что чума, свирепствовавшая в Уолтемском аббатстве, с одной стороны, и в Румфорде и Брентвуде - с другой, докатилась также до Эппинга, Вудфорда и большинства лесных городков; и которая, как они сказали, была принесена среди них главным образом хигглерами, [204](#) и таких людей, которые ездили в Лондон и обратно с провизией.

Если это было правдой, то это было очевидным противоречием сообщению, которое впоследствии распространилось по всей Англии, но которое, как я уже сказал, я не могу подтвердить своими собственными знаниями, а именно, что продавцы, везущие провизию в город, никогда не заражались инфекцией и не заносили ее обратно в страну; и то, и другое, как меня заверили, было [205](#) ложь.

Возможно, они сохранились даже сверх всяких ожиданий, хотя и не чудом; [206](#) это изобилие уходило и приходило, и никто к нему не прикасался; и это было большим ободрением для бедняков Лондона, которые были бы совершенно несчастны, если бы люди, доставлявшие провизию на рынки, не были во много раз чудесно сохранены или, по крайней мере, лучше, чем можно было разумно ожидать.

Но этих новых заключенных начали беспокоить более эффективно, потому что города вокруг них действительно были заражены. И они начали бояться доверять друг другу настолько, чтобы выезжать за границу за тем, что им было нужно; и это очень сильно ущемляло их, потому что теперь у них почти ничего не было, кроме того, чем их снабжали милосердные джентльмены из страны. Но, чтобы их подбодрить, случилось так, что другие джентльмены из страны, которые раньше ничего им не присылали, начали слышать о них и снабжать ими. И один прислал им большую свинью, то есть поросенка; другой - двух овец; а третий прислал им теленка: короче говоря, у них было достаточно мяса, а иногда и сыра, и молока, и тому подобного. В основном им приходилось [207](#) Это заставило их съесть первые два бушеля пшеницы, которые им прислали, в виде выжженной кукурузы, как делали израильтяне в древности, не перемалывая и не выпекая из нее хлеб. [208](#)

Наконец они нашли способ отнести свою кукурузу на ветряную мельницу близ Вудфорда, где ее перемололи; а потом бисквитный пекарь сделал очаг таким пустотелым и сухим, что в нем можно было сносно печь бисквитные лепешки, и таким образом они оказались в состоянии жить без какой-либо помощи или припасов из городов. И хорошо, что они это сделали, потому что вскоре после этого страна была полностью заражена, и, как говорили, около ста двадцати человек умерли от чумы в близлежащих деревнях, что было для них ужасной вещью.

По этому поводу они созвали новый совет, и теперь городам не нужно было опасаться, что они поселятся поблизости от них; напротив, несколько семей из числа более бедных жителей покинули свои дома и построили хижины в лесу точно так же, как они это делали раньше. Но было замечено, что некоторые из этих бедных людей, которые таким образом удалились, заболели даже в своих хижинах или будках, причина чего была очевидна: а именно, не потому, что они удалились на воздух, а [209](#) потому что они не удалили time [210](#) достаточно, то есть до тех пор, пока, открыто беседуя с другими людьми, своими соседями, они не заразились чумой (или, как можно сказать, , среди них) и таким образом не носили ее с собой, куда бы они ни отправились; или (2) потому что они были недостаточно осторожны, чтобы после того, как их благополучно вывезли из городов, не прийти снова и не смешаться с больными людьми .

Но как бы то ни было, когда наши путешественники начали замечать, что чума распространилась не только по городам, но даже по палаткам и хижинам в лесу неподалеку от них, они начали не только бояться, но и подумывать о том, чтобы разбежаться, ибо, останься они здесь, их жизни подверглись бы явной опасности.

Неудивительно, что они были сильно огорчены тем, что вынуждены покинуть место, где их так любезно приняли и где с ними обращались с такой человечностью и милосердием; но необходимость и опасность жизни, ради сохранения которой они проделали такой долгий путь, взяли верх над ними, и они не видели выхода. Джон, однако, придумал средство от их нынешнего несчастья; а именно, что он сначала ознакомит того джентльмена, который был их главным благодетелем, с бедственным положением, в котором они оказались, и на [211](#) жаждут его помощи и совета.

Этот добрый милосердный джентльмен уговаривал их покинуть это место, опасаясь, что эпидемия болезни вообще лишит их возможности к какому-либо отступлению; но куда им следует идти, ему было очень трудно указать им. Наконец Джон спросил его, не выдаст ли он, как мировой судья, справки о состоянии здоровья другим судьям, которые [212](#) они могли бы приехать раньше, чтобы, какова бы ни была их участь, их не оттолкнули, поскольку они так долго

отсутствовали в Лондоне. Это его милость немедленно удовлетворил и выдал им соответствующие справки о состоянии здоровья; и оттуда они были вольны путешествовать, куда им заблагорассудится.

Соответственно, у них была полная справка о состоянии здоровья, свидетельствующая о том, что они так долго проживали в деревне в графстве Эссекс; что, будучи достаточно осмотренными и тщательно изученными, и будучи удаленными от всех разговоров²¹³ в течение более сорока дней, без каких-либо признаков болезни, они, следовательно, были определенно признаны здоровыми людьми, и их можно было безопасно принимать где угодно, удалившись, наконец, довольно ненадолго. страх перед чумой, которая пришла в такой город, скорее, чем²¹⁴, чем из-за наличия какого-либо сигнала заражения у них самих или у кого-либо, принадлежащего к ним.

С этим свидетельством они уехали, хотя и с большой неохотой; и, поскольку Джон склонялся к тому, чтобы не уходить далеко от дома, они направились к болотам на окраине Уолтема. Но здесь они нашли человека, который, по-видимому, держал плотину или остановку на реке, чтобы поднимать воду для барж, которые ходят вверх и вниз по реке; и он напугал их мрачными историями о том, что болезнь распространилась по всем городам на реке и около реки, на стороне Миддлсекса и Хартфордшира (то есть в Уолтеме, Уолтем-Кросс, Энфилде и Уэре, и во всех городах по дороге), что они побоялись идти этим путем; хотя, похоже, этот человек навязал им это, потому что эта²¹⁵ на самом деле это была неправда.

Однако это привело их в ужас, и они решили двигаться через лес в направлении Румфорда и Брентвуда; но они услышали, что из Лондона таким образом бежало множество людей, которые залегли в лесу, добравшись до Румфорда, и которые, не имея средств к существованию или жилья, не только вели странный образ жизни,²¹⁶ и сильно пострадали в лесу и поля из-за недостатка помощи, но, как говорили, эти крайности привели их в такое отчаяние, что они подвергли страну множеству насилий, грабили и мародерствовали, убивали скот и тому подобное; а другие, строя хижины и лачуги у обочин дорог, просили милостыню, и это с настойчивостью, граничащей с требованием помощи: так что страна была очень неспокойна и вынуждена была принять некоторых из них.

Это, во-первых, намекало им на то, что они наверняка обнаружат милосердие и доброту графства, которые они обнаружили здесь, где были раньше, ожесточенными и замкнутыми против них; и что, с другой стороны, они будут подвергаться допросу, куда бы они ни приехали, и будут подвергаться опасности насилия со стороны других в подобных случаях по отношению к ним самим.

Исходя из всех этих соображений, Джон, их капитан, во всех их именах, вернулся к их хорошему другу и благодетелю, который сменил их раньше, и, честно изложив ему их дело, смиренно попросил его совета; и он столь же любезно посоветовал им снова занять свои старые квартиры или, если нет, отойти немного дальше от дороги и направил их в подходящее для них место. И поскольку им действительно нужен был какой-нибудь дом, а не хижины, чтобы приютить их в это время года, а оно росло ближе к Михайлову Дню, они нашли старый обветшалый дом, который раньше был каким-то коттеджем или небольшим жилищем, но настолько не ремонтировался,

что²¹⁷ едва пригоден для жилья; и с согласия фермера, чьей ферме он принадлежал, они получили разрешение использовать его по своему усмотрению. они могли бы.

Изобретательный столяр и все остальные по его указаниям принялись за работу с ним и за считанные дни сделали его способным укрыть их всех в случае непогоды; и в котором были старый дымоход и старая печь, хотя оба лежали в руинах, но они сделали их пригодными для использования; и, возведя пристройки, навесы и пристройку²¹⁸ со всех сторон они вскоре сделали дом способным вместить их всех.

Главным образом им нужны были доски для изготовления оконных ставен, полов, дверей и некоторых других вещей; но поскольку вышеупомянутый джентльмен благоволил к ним, и благодаря этому стране стало легче с ними обращаться, и, прежде всего, потому, что все они были известны как здоровые, каждый помогал им, чем мог.

Здесь они разбили лагерь навсегда и решили больше никуда не убираться. Они ясно видели, как ужасно встревожена эта страна всеми, кто приезжает из Лондона, и что их нигде не примут иначе, как с величайшими трудностями; по крайней мере, без дружеского приема и помощи, какие они получили здесь.

Теперь, хотя они получали большую помощь и ободрение от сельских джентльменов и от окружающих их людей, все же они оказались в большом затруднении; потому что в октябре и ноябре погода стала холодной и сырой, а они не привыкли к таким лишениям, так что у них простыли конечности и началась чума, но они никогда не болели инфекцией. И вот примерно в декабре они снова вернулись домой, в город.

Я привожу эту историю таким образом в целом, главным образом для того, чтобы дать отчет²¹⁹ что стало с огромным количеством людей, которые немедленно появились в городе, как только болезнь утихла; ибо, как я уже сказал, большое количество тех, кто был в состоянии и имел приюты в стране, бежали в эти приюты. Поэтому, когда это²²⁰ было доведено до такой ужасающей крайности, о которой я рассказывал, средний народ²²¹, у которых не было друзей, бежали во все части страны, где они могли найти убежище, а также те, у кого были деньги, чтобы справить нужду, как и те, у кого их не было. Те, у кого были деньги, всегда убегали дальше всех, потому что были в состоянии прокормить себя; но те, у кого не было денег, страдали, как я уже говорил, от больших лишений и часто были вынуждены из-за необходимости удовлетворять свои нужды за счет страны. Из-за этого они вызывали у страны сильное беспокойство и иногда забирали их к себе, хотя даже тогда они едва знали, что с ними делать, и всегда были очень отсталыми, чтобы наказать их; но часто они также вынуждали их переезжать с места на место, пока им не приходилось снова возвращаться в Лондон.

С тех пор, как я узнал эту историю Джона и его брата, я навел справки и обнаружил, что очень многие бедные безутешные люди, о которых говорилось выше, бежали в деревню всеми способами; и некоторые из них обзавелись маленькими сараями, амбарами и надворными постройками, где они могли черпать столько доброты от сельской местности, и особенно там, где они могли дать о себе хоть малейший удовлетворительный отчет, и особенно о том, что они не приехали из Лондона слишком поздно. Но другие, и это в огромном количестве, строили себе маленькие хижины и убежища в полях и лесах и жили как отшельники в норах и пещерах или в любом другом месте, которое они могли найти, и где, мы можем быть уверены, они подвергались таким жестоким испытаниям, что многие из них были вынуждены вернуться

снова, какова бы ни была опасность. И вот эти маленькие хижины часто находили пустыми, и деревенские жители думали, что жители лежат в них мертвыми от чумы, и не подходили к ним близко из страха, нет, не скоро; и не маловероятно, что кто—то из несчастных странников мог умереть в полном одиночестве, даже иногда из-за отсутствия помощи, как, в частности, в одной палатке или хижине был найден мертвый человек, а на воротах ближайшего поля неровными буквами были вырезаны его ножом следующие слова, по которым можно предположить, что другой человек спасся, или что, когда один умер первым, другой похоронил его. так хорошо, как только мог:-

О м И с Е р ы!

Мы боремся за тебя,
За тебя, За тебя

Я уже приводил отчет о том, что, как я выяснил, происходило ниже по реке среди моряков, о том, как корабли стояли в "отдалении", как это называется, рядами, за кормой друг друга, довольно далеко от Заводи, насколько я мог видеть. Мне сказали, что они расположены таким же образом ниже по реке, вплоть до Грейвсенда,²²² и некоторые далеко за ее пределами, даже везде или в каждом месте, где они могли безопасно передвигаться по ветру и погоде. Я также никогда не слышал, чтобы чума коснулась кого-либо из людей на борту этих кораблей, за исключением тех, кто лежал в Бассейне или выше Дептфорд-Рич, хотя люди часто отправлялись на берег в провинциальные города и деревни, а также в дома фермеров, чтобы купить свежую провизию (домашнюю птицу, свиней, телят и тому подобное) для своего снабжения.

Подобным же образом я обнаружил, что водники на реке выше моста нашли способы уплыть вверх по реке так далеко, как только могли; и что у них, у многих из них, были целые семьи в лодках, прикрытых тентами²²³ и тюками, как они их называют, и внутри была солома для их жилья; и что они лежали таким образом по всему берегу в болота, некоторые из них ставят маленькие палатки из парусов и так днем лежат под ними на берегу, а ночью забираются в свои лодки. И таким образом, как я слышал, берега рек были заполнены лодками и людьми до тех пор, пока у них было чем прокормиться или они могли что-нибудь добыть в деревне; и действительно, сельские жители, а также джентльмены, как и другие, в этих и во всех других случаях, были очень рады помочь им, но они ни в коем случае не желали принимать их в своих городах и домах, и за это мы не можем их винить.

Насколько мне известно, был один несчастный гражданин, которого посетили ужасным образом, так что его жена и все дети умерли, а остался только он сам и двое слуг с пожилой женщиной, близкой родственницей, которая ухаживала за умершими, как могла. Этот безутешный человек отправляется в деревню недалеко от города, хотя и не входящую в списки смертных, и, найдя там пустой дом, наводит справки о хозяине и забирает дом. Через несколько дней он раздобыл тележку, нагрузил ее товарами и отнес их в дом. Жители деревни воспротивились тому, чтобы он повез повозку дальше, но после некоторых споров и некоторой силы мужчины, которые вели повозку дальше, добрались по улице до дверей дома. Там констебль снова оказал им сопротивление и не позволил привести их внутрь. Человек приказал выгрузить товар и положить у двери, а затем отослал тележку, на которой они отвезли человека к мировому судье; иными словами, они приказали ему уйти, что он и сделал. Судья приказал ему снова вызвать тележку для вывоза товаров, что он отказался сделать; на что судья приказал констеблю преследовать возчиков и вернуть их обратно, а также заставить их перегрузить

товары и унести их прочь, или поместить их на склад²²⁴, пока они²²⁵ пришли за дальнейшими заказами; и если они не смогли их найти,²²⁶ и мужчина не согласился бы их принять²²⁷ часов они²²⁵ должны привести к тому, что их²²⁷ вытащат крюками из двери дома и сожгут на улице. После этого бедняга, попавший в беду, снова принес товар, но с жалобными криками и сетованиями на тяжесть своего положения. Но выхода не было: самосохранение вынуждало людей прибегать к таким суровым мерам, которые в противном случае их бы не касались. Жил ли этот бедняга или умер, я не могу сказать, но ходили слухи, что в то время у него была чума, и, возможно, люди могли бы сообщить об этом, чтобы оправдать свое обращение с ним; но не исключено, что либо он, либо его имущество, либо и то и другое были опасны, когда вся его семья умерла от чумы так незадолго до этого.

Я знаю, что жителей городов, прилегающих к Лондону, часто обвиняли в жестоком обращении с бедняками, которые в бедственном положении бежали от заразы, и было совершено много очень жестоких поступков, как видно из сказанного; но я не могу также не сказать, что там, где было место для милосердия и помощи людям, без видимой опасности для себя, они были достаточно готовы помочь им и облегчить их участь. Но поскольку каждый город действительно был судьей в своем собственном деле, то с бедняками, которые в отчаянии бежали за границу, часто плохо обращались и их загоняли обратно в город; и это вызывало бесконечные восклицания и протесты против провинциальных городов и делало шум очень популярным.

И все же более или менее, *maigre*²²⁸ при всем моем предостережении, в радиусе десяти (или, я полагаю, двадцати) миль от города не было ни одного сколько-нибудь примечательного города, но то, что было более или менее заражено, имело некоторую²²⁹ умерли . Я слышал рассказы нескольких человек в том виде, в каком они были составлены, следующим образом: —

Энфилд	32
Хорнси	58
Ньюингтон	17
Тоттенхэм	42
Эдмонтон	19
Барнет и Хэдли,	43
Сент. Олбанс	121
Уотфорд	45
Аксбридж	117
Хартфорд	90
Уэр	160
Ходсдон	30
Уолтемское аббатство	23
Эппинг	26
Дептфорд	623
Гринвич	631
Элтам и Лусум	85
Кройдон	61

Брентвуд	70
Румфорд	109
Баркинг	около 200
Брэндфорд	432
Кингстон	122
Стейнс	82
Чертси	18
Виндзор	103

с алисом.[230](#)

Еще одна вещь могла бы сделать страну более строгой по отношению к гражданам, и особенно по отношению к бедным, и это было то, на что я намекал ранее, а именно, что у тех, кто был заражен, была кажущаяся склонность, или дурная склонность, заражать других.

Среди наших врачей были большие споры относительно причины этого. Некоторые считают, что это заложено в природе болезни, и что она внушает каждому, кто ею охвачен, своего рода ярость и ненависть к себе подобным, как если бы злокачественность заключалась не только в способности сообщать о себе, но и в самой природе человека, побуждая его к злой воле или дурному глазу, что, как они говорят в случае с бешеной собакой, которая, хотя и была самым мягким существом из всех в своем роде, все же затем налетит и укусит любого, кто окажется рядом с ней, и тех, кто как только появится, за кем больше всего наблюдали[231](#) им ранее.

Другие отнесли это на счет испорченности человеческой природы, которая[232](#) не может видеть себя более несчастным, чем другие представители своего вида, и имеет своего рода произвольное желание, чтобы все люди были такими же несчастными или в таком же плохом состоянии, как и он сам.

Другие говорят, что это было всего лишь своего рода отчаяние, когда они не знали или не отдавали себе отчета в том, что они делали, и, следовательно, не заботились об опасности или безопасности не только тех, кто находился рядом с ними, но даже самих себя. И действительно, когда люди однажды приходят к состоянию самозабвения и не заботятся о собственной безопасности или об опасности, грозящей им самим, неудивительно, что они проявляют небрежность к безопасности других людей.

Но я предпочитаю придать этому серьезному спору совершенно иной оборот и ответить на него или разрешить все это, сказав, что я не признаю этот факт. Напротив, я говорю, что на самом деле это не так, но что это была общая жалоба, поднятая людьми, населяющими отдаленные деревни, на горожан, чтобы оправдать или, по крайней мере, извинить те трудности и суровость, о которых так много говорили, и в которых, как можно сказать, обе стороны ранили друг друга; то есть граждане, настаивающие на том, чтобы их приняли и приютили во время бедствия, когда их постигла чума, жалуются на жестокость и несправедливость сельского населения, которому отказали во въезде и заставили вернуться обратно со своим имуществом и семьями; и жители, обнаружив, что обе стороны ранили друг друга. они сами себя так навязали, и граждане, как бы врывающиеся к ним, хотели они того или нет, жалуются, что, когда они[233](#) были заражены, они не только не считались с другими, но даже хотели их заразить: ни то, ни

другое на самом деле не соответствовало действительности, то есть в тех цветах, на которые они²³⁴ были описаны в.

Это правда, что есть что сказать в связи с частыми тревогами, охватившими страну, о решимости жителей Лондона выйти силой не только за помощью, но и грабить; что они бегали по улицам с охватившей их чумой без всякого контроля; и что не было принято никаких мер к тому, чтобы запирали дома и ограждать больных людей от заражения других; тогда как, надо отдать справедливость лондонцам, они никогда не практиковали подобных вещей, за исключением таких особых случаев, как я упомянул выше, и тому подобного. С другой стороны, все управлялось с такой тщательностью, и такой превосходный порядок соблюдался во всем городе и пригородах благодаря заботе лорда-мэра и олдерменов, а также мировых судей, церковных старосты и т.д. На окраинах, что Лондон может служить образцом для всех городов мира в плане хорошего управления и превосходного порядка, который поддерживался повсюду, даже во время самой сильной инфекции, и когда люди были в крайнем смятении и бедствии. Но об этом я буду говорить сам по себе.

Следует отметить, что одно обстоятельство было обусловлено главным образом благоразумием магистратов, и его следует отметить к их чести, а именно умеренность, с которой они выполняли большую и трудную работу по закрытию домов. Это правда, как я уже упоминал, что закрытие домов было большим предметом недовольства, и я могу сказать, действительно, единственным предметом недовольства среди людей в то время; ибо заключение звукорежиссера в одном доме с больным считалось очень ужасным, а жалобы людей, находящихся в таком заключении, были очень тяжкими: их слышали даже на улицах, и иногда они были такими, что вызывали негодование, хотя чаще - сострадание. У них не было возможности поговорить ни с кем из своих друзей, кроме как из своих окон, где они издавали такие жалобные причитания, которые часто трогали сердца тех, с кем они разговаривали, и других людей, которые, проходя мимо, слышали их историю; и поскольку в этих жалобах часто упрекали в строгости, а иногда и в наглости часовых, выставленных у их дверей, эти часовые отвечали достаточно дерзко и, возможно, были склонны оскорблять людей, которые разговаривали на улице с упомянутыми семьями; за что, или за их жестокое обращение с семьями, я думаю, семь или восемь из них были убиты. Они в нескольких местах были убиты. Я не знаю, следует ли мне говорить "убит" или нет, потому что я не могу вдаваться в подробности конкретных случаев. Это правда, стражи порядка были при исполнении служебных обязанностей и действовали на посту, на который их поставила законная власть; и убийство любого государственного служащего при исполнении его служебных обязанностей всегда, на языке закона, называется "убийством". Но поскольку они не были уполномочены инструкциями магистрата или властью, в соответствии с которой они действовали, наносить вред или оскорблять людей, находившихся под их наблюдением, или кого-либо, кто заботился о них, так что,²³⁵ когда они это делали, можно сказать, что они действовали сами, а не в своей должности; действовать как частные лица, а не как нанятые лица; и, следовательно, если они привели навлекли зло на себя таким неподобающим поведением, это зло было на их собственных головах. И действительно, на них обрушилось столько искренних проклятий народа, заслуживали они этого или нет, что, что бы с ними ни случилось, никто их не жалел; и все были склонны говорить, что они это заслужили, что бы это ни было. Я также не помню, чтобы кто-нибудь когда-либо был наказан, по крайней мере в сколько-нибудь значительной степени, за то, что было сделано со сторожами, охранявшими их дома.

Какие разнообразные уловки использовались для побега и выхода из домов, запертых таким образом, с помощью которых стражники были обмануты или подавлены, и что [236](#) люди сбежали, я уже обратил на это внимание и больше ничего не буду говорить об этом; но я говорю, что магистраты во многих случаях смягчали и облегчали жизнь семей в этом деле, и особенно в это заключалось в том, чтобы забирать или переносить больных людей из таких домов, когда они были готовы быть вывезенными, либо в чумной дом, либо в другие места, а иногда давать здоровым людям из семьи, находящейся в таком замкнутом состоянии, разрешение на переезд после получения информации о том, что с ними все в порядке, и что они будут находиться в таких домах, куда они пойдут, столько, сколько от них потребуется. Забота магистратов также о снабжении таких бедных семей, которые были заражены, — я говорю, о снабжении их предметами первой необходимости, а также лекарствами и пищей, — была очень велика: и при этом они не довольствовались отдачей необходимых распоряжений назначенным должностным лицам; но олдермены лично и верхом на лошадях часто подъезжали к таким домам и заставляли людей спрашивать у их окон, должным ли образом их обслуживали или нет, также, не нужно ли им чего-нибудь необходимого, и постоянно ли офицеры передавали их послания и приносили им то, что они хотели, или нет. И если они отвечали утвердительно, все было хорошо; но если они жаловались на то, что их плохо снабжали, и что офицер не выполнял свой долг или обращался с ними невежливо, их (офицеров), как правило, увольняли, а на их место ставили других.

Это правда, что такая жалоба могла быть несправедливой; и если у офицера были такие аргументы, которые убедили бы магистрата в том, что он был прав и что люди причинили ему вред, его продолжали, и они порицали. Но эта часть не выдерживала особого допроса, поскольку стороны могли быть очень плохо слышны и отвечать на них на улице из окон, как это было в то время. Поэтому магистраты обычно предпочитали благосклонно относиться к людям и отстранять этого человека от должности, поскольку это казалось наименее неправильным и имело наименее пагубные последствия; видя, что если сторож был ранен, они все же могли легко загладить свою вину, предоставив ему другую должность аналогичного характера; но если пострадала семья, они не могли получить никакой компенсации, поскольку ущерб, возможно, был непоправимым, поскольку это касалось их жизней.

Между сторожами и запертыми бедняками часто происходило множество подобных случаев, помимо тех, о которых я упоминал ранее, когда они убегали. Иногда стражники отсутствовали, иногда были пьяны, иногда спали, когда этого хотели люди; и такие люди всегда подвергались суровому наказанию, которого они действительно заслуживали.

Но, после всего, что было или могло быть сделано в этих случаях, закрытие домов с целью содержания здоровых людей взаперти с больными, несло в себе очень большие неудобства, некоторые из них были очень трагичными и заслуживали рассмотрения, если бы для этого было место: но это было разрешено законом, оно имело в виду общественное благо как цель, преследуемую главным образом; и весь частный ущерб, причиненный приведением его в исполнение, должен быть отнесен на счет общественного блага.

Сомнительно, что в целом это как-то повлияло на прекращение распространения инфекции; и действительно, я не могу сказать, что это повлияло, поскольку ничто не могло распространяться с большей яростью, чем инфекция, когда она была в самом разгаре, хотя зараженные дома были заперты настолько точно и эффективно, насколько это было возможно. Несомненно, что

если бы все инфицированные были надежно заперты, ни один здоровый человек не смог бы заразиться от них, потому что они не могли бы приблизиться к ним.²³⁷ Но дело было вот в чем (и я коснусь этого только здесь); а именно, что инфекция распространялась незаметно и такими людьми, которые не были явно инфицированы, которые не знали, кого они заразили и от кого они были инфицированы.

Дом в Уайтчепеле был закрыт из-за одной зараженной горничной, у которой появились только прыщи, но не признаки заболевания, и она выздоровела; однако этим людям не разрешалось двигаться, ни подышать воздухом, ни заняться физическими упражнениями, в течение сорока дней. Одышка, страх, гнев, досада и все другие огорчения, сопутствующие такому вредному обращению, довели хозяйку семьи до лихорадки; в дом пришли гости и сказали, что это чума, хотя врачи утверждали, что это не так. Однако семья была вынуждена начать карантин заново по докладу посетителя или экзаменатора, хотя для завершения их прежнего карантина требовалось всего несколько дней. Это так угнетало их гневом и горем, и, как и прежде, настолько ограничивало их в пространстве, а также из-за нехватки дыхания и свежего воздуха, что большая часть семьи заболела, один от одной чумы, другой от другой, в основном скорбью²³⁸ недугов, только один - сильный холецистит; пока, после нескольких продлений их заключения, некоторые или другие из тех, кто приходил с посетителями осмотреть больных людей в надежде освободить их, принесли с собой чуму и заразили весь дом; и все или большинство из них умерли, но не от чумы, как это было на самом деле с ними раньше, а от чумы, которую принесли им те люди, которым следовало позаботиться о том, чтобы защитить их от нее. И это случалось часто, и это действительно было одним из худших последствий закрытия домов.

Примерно в это же время на меня свалилось небольшое затруднение, которое поначалу меня сильно огорчило и очень беспокоило, хотя, как оказалось, оно не грозило мне никаким несчастьем; и это было назначено олдерменом Портсокенского округа, одним из инспекторов домов в том районе, где я жил. У нас был большой приход, и в нем было не менее восемнадцати экзаменаторов, как называл нас орден: люди называли нас посетителями. Я изо всех сил старался, чтобы меня освободили от такой работы, и приводил множество аргументов с заместителем олдермена, чтобы меня оправдали; в частности, я утверждал, что я вообще против закрытия домов и что было бы очень трудно заставить меня быть орудием в том, что противоречило моему мнению, и что, как я искренне верил, не достигнет цели, для которой это было задумано. Но все, чего я мог добиться, заключалось только в том, что, хотя милорд-мэр назначил этого чиновника на два месяца, я был вынужден задержаться на нем всего на три недели, при условии, тем не менее, что я смогу затем нанять какую-нибудь другую экономку, которая будет обслуживать меня остальное время; короче говоря, это было очень незначительным одолжением, поскольку было очень трудно уговорить кого-либо согласиться на такую работу, которая была бы достойна того, чтобы мне ее доверили.

Это правда, что закрытие домов имело один эффект, который, как я чувствую, был сиюминутным; а именно, оно ограничивало страдающих от болезни людей, которые в противном случае были бы очень беспокойными и очень опасными в своем беготне по улицам с охватившей их болезнью, что, когда они были в бреду, они делали бы самым ужасным образом, что, действительно, они начали делать поначалу очень много, пока их не обуздали; более того, они были настолько открытыми, что бедняки ходили и просили милостыню у дверей людей, и

говорили, что на них напала чума, и выпрашивать тряпки для своих язв, или и то, и другое, или все, что взбредет в голову безумной природе.

Бедная, несчастная леди, жена состоятельного гражданина, была, если верить этой истории, убита одним из этих существ на Олдерсгейт-стрит или где-то там. Он шел по улице, конечно, в безумном бреде, и пел. Люди только говорили, что он был пьян; но он сам сказал, что у него чума, что, по-видимому, было правдой; и, встретив эту благородную женщину, он поцеловал бы ее. Она была ужасно напугана, так как он был грубым парнем, и она убежала от него; но на улице было очень мало народу, и поблизости не было никого, кто мог бы ей помочь. Когда она увидела, что он догонит ее, она повернулась и толкнула его с такой силой, что он, будучи совсем слабым, упал навзничь; но, к большому несчастью, она была так близко, что он схватил ее и тоже потянул вниз, и, встав первым, овладел ею и поцеловал, и, что было хуже всего, когда он сделал это, сказал ей, что у него чума, и почему бы ей не заболеть ею так же хорошо, как ему. Она и раньше была достаточно напугана; но когда она услышала, как он сказал, что у него чума, она вскрикнула и упала в обморок или в припадок, который, хотя она немного оправилась, все же убил ее через несколько дней; и я так и не узнал, была ли у нее чума или нет.

Другой инфицированный человек пришел и постучал в дверь дома гражданина, где его очень хорошо знали. Слуга впустил его, и, услышав, что хозяин дома наверху, он побежал наверх и вошел к ним в комнату, когда вся семья ужинала. Они начали подниматься, немного удивленные, не понимая, в чем дело; но он велел им сидеть спокойно, он пришел только проститься с ними. Они спросили его: "Почему, мистер..., Куда вы направляетесь?" — "Направляетесь?" он говорит: "Я заболел и умру завтра ночью". Легко поверить, хотя и не описать, в какой ужас они все пришли. Женщины и дочери этого мужчины, которые²³⁹ были всего лишь маленькими девочками, перепугались почти до смерти и вскочили, выбегая то в одну дверь, то в другую, одни внизу, другие наверху, и, собравшись, как могли, заперлись в своих комнатах и кричали в окна о помощи, как будто они были напуганы до смерти. Хозяин, более спокойный, чем они, хотя и напуганный, и раздраженный, в порыве гнева собирался схватить его и сбросить с лестницы; но затем, немного подумав о состоянии этого человека и опасности прикасаться к нему, ужас охватил его разум, и он замер, как пораженный. Все это время бедняга, страдающий болезнью не только тела, но и мозга, стоял неподвижно, словно пораженный. Наконец он оборачивается. "Да!" - говорит он со всем кажущимся спокойствием, какое только можно вообразить. "Так ли это со всеми вами? Вы все на меня сердитесь? Что ж, тогда я пойду домой и умру там ". И поэтому он немедленно спускается вниз. Слуга, впустивший его, спустился за ним со свечой, но побоялся пройти мимо него и открыть дверь; поэтому он постоял на лестнице, чтобы посмотреть, что тот будет делать. Мужчина подошел, открыл дверь, вышел и бросил²⁴⁰, закрыв за собой дверь. Прошло некоторое время, прежде чем семья оправилась от испуга; но, поскольку никаких дурных последствий не последовало, с тех пор у них была возможность говорить об этом, можете быть уверены, с большим удовлетворением. Хотя человек ушел, прошло некоторое время, нет, как я слышал, несколько дней, прежде чем они оправились от спешки, в которой находились; и они не ходили взад и вперед по дому с какой-либо уверенностью, пока не сожгли множество различных испарений и благовоний во всех комнатах и не наделали множество дымоходов из смолы, пороха и серы. Все отдельно переложили,²⁴¹ и постирали свою одежду, и тому подобное. Что касается бедняги, то жил ли он или умер, я не помню.

Совершенно очевидно, что если бы из-за закрытия домов больные не были заперты, толпы людей, которые в разгар своей лихорадки были в бреду и рассеянности, постоянно бегали бы взад и вперед по улицам; и даже если бы это было так, очень многие поступали так и совершали всевозможные насилия по отношению к тем, кого встречали, подобно тому, как бешеная собака бежит и кусает каждого, кого встречает. Я также не могу сомневаться в том, что, если бы одно из этих зараженных существ укусило какого-либо мужчину или женщину, когда они были в ярости от чумы, они (я имею в виду раненого таким образом человека) были бы так же неизлечимо инфицированы, как и тот, кто был болен раньше и имел при себе признаки болезни.

Я слышал об одном инфицированном существе, которое, выбежав из постели в одной рубашке, в муках от своих опухолей (которых на нем было три), обулось и пошло надевать пальто; но медсестра сопротивлялась и выхватила у него пальто, он бросил ее, переехал через нее, сбежал вниз по лестнице и выбежал на улицу прямо к Темзе, в одной рубашке, медсестра бежала за ним и звала часовых остановить его. Но сторож, испугавшись за человека, и боялся прикоснуться к нему, пусть идет дальше; после чего он пробежал еще ярдов лестнице, сбросил с себя рубашку, и бросился в Темзу, и, будучи хорошим пловцом, совсем заплыл над рекой; и прилив бытия "пришли," как они это называют (то есть, работающий в западном направлении), он достиг Земли, пока он не пришел о Соколе лестнице, где, приземлившись и найдя там людей, ее в ночи, он побежал по улицам, обнаженный, как и он, какое-то время, когда, будучи к тому времени высокующею, он принимает на реку снова, и поплыл назад к прежнему двору, приземлился, побежал вверх по улице к своему дому, стучит в дверь, поднялись по лестнице, и в своей постели; и [242](#), что этот страшный эксперимент вылечил его от чумы, то есть сказать, что насильственные движения его рук и ног вытянулись местах вздутий он на нем было (то бишь, под мышками и в паху), и велел им созреть и разорвать; и холодной воды, убавить жар в его крови.

Я должен только добавить, что я рассказываю об этом не больше, чем о некоторых других, как о факте, известном мне лично, чтобы я мог поручиться за их правдивость; и особенно о человеке, излечившемся в результате экстравагантного приключения, которое, признаюсь, я не считаю очень возможным, но это может послужить подтверждением многих отчаянных поступков, с которыми часто сталкивались в то время страдающие люди, впадающие в бред и то, что мы называем легкомыслием, и насколько бесконечно больше таких было бы, если бы такие люди не были ограничены закрытыми дверями. захват домов; и я считаю это лучшим, если не единственным хорошим поступком, который был выполнен таким суровым методом.

С другой стороны, жалобы и ропот были очень резкими по отношению к самой вещи.

Это пронзило бы сердца всех, кто проходил мимо, услышать жалобные крики этих инфицированных людей, которые, будучи таким образом не в себе из-за сильной боли или жара своей крови, были либо заперты, либо, возможно, привязаны к своим кроватям и стульям, чтобы не причинить себе вреда, и которые издавали бы ужасные вопли из-за того, что их держат взаперти, и из-за того, что им не разрешают "умереть на свободе", как они это называли, и как они поступили бы раньше.

Это беготня больных людей по улицам была очень мрачной, и магистраты делали все возможное, чтобы предотвратить это; но поскольку обычно это происходило ночью и всегда внезапно, когда предпринимались такие попытки, офицеры не могли быть под рукой, чтобы предотвратить это; и даже когда они выходили днем, назначенные офицеры не хотели

вмешиваться в их дела, потому что, поскольку все они были тяжело инфицированы, конечно, когда доходили до такой степени, так что они были более чем обычно заразны, и это было одной из самых опасных вещей, которые могли быть для них опасны. прикоснись к ним. С другой стороны, они обычно бежали дальше, не сознавая, что делают, пока не падали замертво или пока не истощали свой дух настолько, что падали и затем умирали, возможно, через полчаса или час; и, что было самым прискорбным слышать, они были уверены, что полностью придут в себя за эти полчаса или час, а затем будут издавать самые тяжкие и пронзительные крики и стенания, глубоко осознавая то состояние, в котором они находились. Многое из этого произошло до того, как приказ о закрытии домов был строго приведен в исполнение; ибо сначала сторожа не были такими строгими, какими они были впоследствии, удерживая людей внутри; то есть до того, как они (я имею в виду некоторых из них) были сурово наказаны за свое пренебрежение, невыполнение своих обязанностей и за то, что они позволяли людям, находившимся под их опекой, ускользать или потворствовали их отъезду за границу, будь то больные или здоровые. Но после того, как они увидели, что офицеры, назначенные для расследования их поведения, были полны решимости заставить их выполнить свой долг или понести наказание за упущение, они были более требовательны, а люди были строго сдержаны; это было то, что они воспринимали так болезненно и переносили с таким нетерпением, что их недовольство трудно описать; но в этом была абсолютная необходимость, и это следует признать, если только не были своевременно приняты какие-то другие меры, а для этого было слишком поздно.

Если бы в то время в нашем случае больные не были усмирены, как описано выше, Лондон был бы самым ужасным местом, которое когда-либо существовало в мире. Насколько я знаю, на улицах погибло бы столько же людей, сколько умерло в своих домах: ибо, когда чума была в самом разгаре, она обычно доводила их до бреда; и когда они были в таком состоянии, их можно было уговорить оставаться в своих постелях только силой; и многие, кто не был связан, выбрасывались из окон, когда обнаруживали, что не могут получить разрешения выйти на улицу.

Именно из-за отсутствия людей, разговаривающих друг с другом в это время бедствия, было невозможно, чтобы какой-либо конкретный человек узнал обо всех экстраординарных случаях, которые происходили в разных семьях; и в частности, я полагаю, что по сей день так и не было известно, сколько людей в бреду утопились в Темзе и в реке, которая вытекает из болот у Хакни, которую мы обычно называем Уэр-ривер или река Хакни. Что же касается тех, которые были указаны в еженедельном счете, то их действительно было немного. Также неизвестно ни о ком из них, утопились ли они случайно или нет; но я полагаю, что мог бы подсчитать больше тех, кто, в пределах моих знаний или наблюдений, действительно утонул в том году, чем указано в списке всех вместе взятых, поскольку многие тела так и не были найдены, хотя было известно, что они пропали; и тому подобное при других методах самоуничтожения. Кроме того, на Уайткросс-стрит или поблизости от нее был один мужчина, который сжег себя заживо в своей постели. Одни говорили, что это сделал он сам, другие - что из-за предательства медсестры, которая ухаживала за ним; но с тем, что он был поражен чумой, соглашались все.

Также милостивым решением Провидения, о котором я много раз думал в то время, было то, что в течение того года в городе не произошло пожаров, по крайней мере, значительных, что, будь иначе, было бы очень ужасно; и либо люди, должно быть, оставили их в покое непотушенными, либо собирались большими толпами, не заботясь об опасности заражения, не заботясь о

домах, в которые они заходили, о товарах, которые они держали в руках, или о людях, среди которых они оказались. Но так уж получилось, что, за исключением случая в приходе Крипплгейт и двух или трех небольших пожаров, которые вскоре были потушены, за весь год не произошло ни одного бедствия подобного рода. Они рассказали нам историю о доме в местечке под названием Суон-элли, проходящем от Госуэлл-стрит в конце Олд-стрит до Сент-Джон-стрит, о том, что там семья была заражена таким ужасным образом, что все до единого обитатели дома умерли. Последний человек лежал мертвым на полу, и, как предполагается, все это время лежала, чтобы умереть непосредственно перед пожаром. Огонь, по-видимому, сорвался со своего места, поскольку был деревянным, и охватил доски и балки, на которых они лежали, и сгорел только до тела, но не охватил мертвое тело, хотя на ней было немногим больше сорочки, и погас сам по себе, не причинив вреда остальной части дома, хотя это был небольшой деревянный дом. Насколько это может быть правдой, я не берусь судить; но поскольку в следующем году городу предстояло серьезно пострадать от пожара, в этом году он почти не ощутил этого бедствия.

Действительно, учитывая бред, в который повергала людей агония, и то, как я упоминал, что в своем безумии, когда они были одни, они совершали множество отчаянных поступков, было очень странно, что подобных катастроф больше не было.

Меня часто спрашивали, и я не могу сказать, что когда-либо знал, как дать на это прямой ответ, как получилось, что так много инфицированных людей появилось на улицах в то самое время, когда зараженные дома были так бдительно обысканы, и все они были заперты и охранялись.

Признаюсь, я не знаю, какой на это дать ответ, разве что такой: в таком большом и густонаселенном городе, как этот, было невозможно обнаружить каждый зараженный дом сразу или закрыть все зараженные дома; так что люди могли свободно ходить по улицам, где им заблагорассудится, если только не было известно, что они принадлежат к таким-то зараженным домам.

Это правда, что, как рассказали несколько врачей милорду мэру, в определенные периоды ярость заражения была такой, и люди заболевали так быстро и умирали так скоро, что было невозможно, да и вообще бесполезно, ходить и выяснять, кто болен, а кто здоров, или запирают их с такой тщательностью, какая требовалась, поскольку заражен был почти каждый дом на целой улице, а во многих местах и каждый человек в некоторых домах. И, что было еще хуже, к тому времени, когда стало известно, что дома заражены, большинство инфицированных были бы мертвы, а остальные разбежались бы из страха быть запертыми; так что называть эти дома зараженными и запирают их было бессмысленно, поскольку инфекция опустошила дом и покинула его прежде, чем стало действительно известно, что семья каким-либо образом затронута.

Этого могло бы быть достаточно, чтобы убедить любого разумного человека в том, что, поскольку не во власти магистратов или каких-либо человеческих методов или политики предотвратить распространение инфекции, такого способа закрытия домов было совершенно недостаточно для достижения этой цели. В самом деле, казалось, что в этом не было никакого общественного блага, равного или соразмерного тому тяжкому бременю, которое ложилось на отдельные семьи, оказавшиеся в таком заточении; и, поскольку я был нанят общественностью для наведения этой строгости порядка, я часто имел случай убедиться, что она была неспособна достичь цели. Например, поскольку от меня требовали в качестве посетителя или

эксперта узнать подробности онескольких семьях, которые были заражены, мы почти не приходили ни в один дом, где чума явно проявилась в семье, но кто-то из членов семьи сбежал. Магистраты были бы возмущены этим и обвинили экзаменаторов в небрежности при проведении экзамена или инспекции; но таким образом дома были заражены задолго до того, как об этом стало известно. Теперь, когда я пробыл на этом опасном посту всего половину назначенного срока, то есть два месяца, этого было достаточно, чтобы понять, что мы никак не можем узнать об истинном состоянии какой-либо семьи, кроме как расспрашивая у дверей или у соседей. Что касается обыска в каждом доме, то это была часть, которую ни одна власть не предложила бы возложить на жителей, и ни один гражданин не взял бы на себя; ибо это подвергло бы нас неминуемой инфекции и смерти, а также разорению наших собственных семей, а также нас самих. Ни один честный гражданин, на которого можно было положиться, не остался бы в городе, если бы его привлекли к ответственности с такой строгостью.

Видя, таким образом, что мы не могли прийти к определенности вещей никаким методом, кроме опроса соседей или семьи (а на это мы не могли справедливо полагаться), было невозможно, чтобы неопределенность в этом вопросе не изменилась, как указано выше.

Это правда, что по приказу главы семей были обязаны уведомлять инспектора о месте, в котором он жил, в течение двух часов после того, как он обнаруживал это, о том, что кто-либо в его доме болен, то есть имеет признаки инфекции; но они находили так много способов избежать этого и извинять свою небрежность, что они редко сообщали об этом, пока не принимали меры к тому, чтобы из дома сбежал каждый, у кого было намерение сбежать, независимо от того, были ли они больны или здоровы. И хотя это было так, было легко видеть, что на закрытие домов нельзя было полагаться как на достаточный метод для прекращения заражения, потому что, как я уже говорил в другом месте, многие из тех, кто таким образом покидал эти зараженные дома, действительно были поражены чумой, хотя они могли действительно считать себя здоровыми; и некоторые из этих людей ходили по улицам, пока не падали замертво: не то чтобы они внезапно заболели чумой, как от пули, убивающей при инсульте, но что инфекция действительно была у них в крови задолго до этого, только то, что, поскольку он тайно охотился на их жизненно важные органы, он не проявлялся до тех пор, пока не захватывал сердце со смертельной силой, и пациент умирал в одно мгновение, как от внезапного обморока или апоплексического удара.

Я знаю, что некоторые, даже из наших врачей, какое-то время думали, что те люди, которые умерли таким образом на улицах, были схвачены, но в тот момент они падали, как будто их коснулся удар с небес, как людей убивает вспышка молнии; но впоследствии они находили причину изменить свое мнение, поскольку при осмотре тел таких людей после их смерти на них всегда были либо признаки, либо другие очевидные доказательства того, что болезнь поражала их дольше, чем они ожидали.

Это часто было причиной того, что, как я уже говорил, мы, эксперты, не могли прийти к пониманию того, что инфекция была занесена в дом, пока не становилось слишком поздно закрывать его, а иногда и до тех пор, пока все оставшиеся люди не были мертвы. На Петтикоут-лейн два дома были заражены, и несколько человек заболели; но болезнь была так хорошо скрыта, что экзаменатор, который был моим соседом, ничего не знал об этом, пока ему не послали уведомление, что все люди мертвы и что туда должны заехать повозки, чтобы их увезти. Главы двух семейств согласовали свои меры и таким образом распорядились своими

делами, что, когда экзаменатор находился по соседству, они появлялись обычно одновременно и отвечали, то естльгали друг за друга или заставляли кого-нибудь из соседей говорить, что все они здоровы и, возможно, не знают ничего лучшего; пока смерть не сделала невозможным дольше держать это в секрете, ночью к обоим домам не пригласили тележки с трупами, и это стало достоянием общественности. Но когда эксперт приказал констеблю закрыть дома, в них не осталось никого, кроме трех человек (двое в одном доме и один в другом), которые только что умирали, и по медсестре в каждом доме, которые признали, что до этого они похоронили пятерых, что дома были заражены девять или десять дней назад, и что все остальные из двух семей, которых было много, ушли, некоторые больные, некоторые здоровые, или, больные или здоровые, неизвестно.

Аналогичным образом, в другом доме на том же переулке мужчина, заразивший свою семью, но очень не желавший сидеть взаперти, когда он больше не мог скрывать это, заперся сам; иными словами, он повесил на дверь большой красный крест со словами: "Господи, помилуй нас!" и таким образом ввел в заблуждение экзаменатора, который предположил, что это сделал констебль по приказу другого экзаменатора (поскольку в каждом округе было по два экзаменатора). Таким образом, он мог свободно входить и возвращаться в свой дом и выходить из него, когда ему заблагорассудится, несмотря на то, что дом был заражен, пока, наконец, его уловка не была раскрыта, и тогда он со здоровой частью своей семьи и слуг сбежал; так что они вообще не были заперты.

Все это делало очень трудным, если не невозможным, как я уже сказал, предотвращение распространения инфекции путем закрытия домов, если только люди не сочтут закрытие своих домов несущественным и не будут настолько готовы к тому, чтобы это было сделано, что они должным образом и добросовестно уведомят магистратов о своем заражении, как только им самим станет известно; но поскольку от них этого ожидать нельзя, а экзаменаторы не могут, как указано выше, входить в их дома для посещения и обыска, все преимущества закрытия домов будут побеждены, и немногие дома будут вовремя заперты, за исключением домов бедняков, которые не смогут скрыть это, и некоторых людей, которые будут обнаружены из-за ужаса, в который это повергло их.

Я добился того, что меня уволили с опасной должности, на которой я находился, как только смог принять другую, которую я уговорил за небольшие деньги принять ее; и таким образом, вместо того, чтобы отсидеть назначенные два месяца, я пробыл на ней не более трех недель; и довольно долго, учитывая, что это было в августе месяце, когда эпидемия начала свирепствовать с большой силой в нашем конце города.

При исполнении этой обязанности я не мог удержаться, чтобы не высказать своим соседям свое мнение о запрете людей в их домах, в котором мы наиболее очевидно видели применявшиеся меры, хотя и тяжкие сами по себе, но имевшие против них особое возражение; а именно, что они не соответствовали цели, как я уже сказал, но что охваченные смутой люди изо дня в день ходили по улицам. И мы пришли к единому мнению, что метод, позволяющий отключить звук у больных в случае посещения конкретного дома, был бы гораздо более разумным по многим причинам, не оставляя никого с больными, кроме тех, кто в таких случаях должен просить остаться и заявлять, что доволен пребыванием с ними взаперти.

Наш план по удалению здоровых от больных существовал только в тех домах, которые были заражены; и заключение больных не было заключением: те, кто не мог пошевелиться, не

жаловались, пока были в здравом уме и пока у них была способность судить. Действительно, когда у них начинался бред и кружилась голова, они начинали кричать из243 о жестокости заключения; но для удаления тех, кто был здоров, мы сочли это в высшей степени разумным и справедливым, ради их же блага, их следует отделить от больных, и что для безопасности других людейим следует некоторое время побыть на пенсии, чтобы убедиться, что они здоровы и не могут заразить других; и мы подумали, что двадцати или тридцати дней для этого достаточно.

Теперь, конечно, если бы специально для здоровых людей были предоставлены дома для проведения этого демикарантина, у них было бы гораздо меньше оснований считать себя пострадавшими при таком ограничении, чем при нахождении с инфицированными людьми в домах, где они жили.

Здесь, однако, следует отметить, что после того, как похорон стало так много, что люди не могли звонить в колокола, скорбеть или рыдать, или носить черное друг для друга, как они делали раньше, нет, даже делать гробы для умерших, так что через некоторое время ярость инфекции, казалось, настолько возросла, что, короче говоря, они вообще не закрывали домов. Казалось достаточным, что все средства такого рода использовались до тех пор, пока они не оказались бесплодными, и что чума распространилась с непреодолимой яростью; так что, как пожар в следующем году распространился сам по себе и разгорелся с такой силой, что горожане в отчаянии отказались от своих попыток потушить его, так и во время чумы дело дошло, наконец, до такой ярости, что люди сидели неподвижно, глядя друг на друга, и, казалось, были совершенно преданы отчаянию. Целые улицы, казалось, были опустошены, и не только для того, чтобы быть запертыми, но и для того, чтобы лишиться своих обитателей: двери были оставлены открытыми, окна в пустых домах трещали от ветра из-за отсутствия людей, которые могли бы их закрыть. Одним словом, люди начали поддаваться своим страхам и думать, что все правила и методы напрасны и что надеяться не на что, кроме всеобщего опустошения. И даже в разгар этого всеобщего отчаяния Богу было угодно приостановить свою руку и ослабить ярость заразы таким образом, который был даже неожиданным, как и ее начало, и продемонстрировал, что это была его собственная рука; и это сверх того, если не без помощи средств, о чем я расскажу в надлежащем месте.

Но я все же должен говорить о чуме в ее разгаре, бушующей вплоть до опустошения, и о людях, находящихся в самом ужасном состоянии, даже, как я уже сказал, в отчаянии. Едва ли можно поверить, до каких крайностей довели страсти людей в этот крайний период смуты; и эта часть, я думаю, была такой же трогательной, как и все остальное. Что может подействовать на человека при всей его способности размышлять и что может произвести более глубокое впечатление на душу, чем видеть человека почти голого, выбравшегося из своего дома или, возможно, из своей постели на улицу, выходящего из Харроу—элли, многолюдного скопления переулков, дворов и проходов на Мясном ряду в Уайтчепеле, - я говорю, что может быть более действующим, чем видеть, как этот бедняга выходит на открытую улицу, бежит, танцуя и поя, и делает тысячу диковинных жестов, а за ним бегут пять или шесть женщин и детей, а за ним бегут пять или шесть женщин и детей. плакать и взывать к нему ради Господа, чтобы он вернулся, и умолять других о помощи, чтобы вернуть его, но все напрасно, никто не осмеливается поднять на него руку или приблизиться к нему?

Это было самым тяжким и огорчительным для меня, видевшего все это из моих собственных окон; ибо все это время бедняга страдалец, как я заметил, даже тогда испытывал сильнейшие

боли, имея, как они сказали, на нем две опухоли, которые нельзя было заставить лопнуть или нагноиться; но, накладывая на них сильные едкие вещества, хирурги, по-видимому, надеялись их разорвать, и эти едкие вещества были тогда на нем, обжигая его плоть, как раскаленным железом. Я не могу сказать, что стало с этим беднягой, но я думаю, что он продолжал бродить таким образом, пока не упал и не умер.

Неудивительно, что вид самого города был устрашающим. Обычное скопление людей на улицах, которые раньше снабжались из нашего конца города, уменьшилось. Биржа, действительно, не была закрыта, но посещаемость ее уменьшилась. Пожары были потушены: в течение нескольких дней они были почти потушены очень сильным и поспешным дождем. Но это было еще не все. Некоторые врачи настаивали на том, что они не только не приносят пользы, но и вредят здоровью людей. Они подняли шум по этому поводу и пожаловались лорд-мэру. С другой стороны, другие люди того же склада ума, и к тому же выдающиеся, выступили против них и привели свои доводы, почему пожары были и должны быть полезны для ослабления буйства смуты. Я не могу привести полный отчет об их аргументах с обеих сторон; помню только, что они очень сильно придирались друг к другу. Некоторые предназначались для разжигания костров, но они должны быть сделаны из дерева, а не из угля, и также из определенных сортов древесины, таких как, в частности, пихта или кедр, из-за сильного выделения скипидара; другие предназначались для угля, а не для дерева, из-за содержания серы и битума; а третьи не предназначались ни для того, ни для другого. В целом, лорд-мэр распорядился больше не устраивать пожаров, и особенно по этой причине, а именно, что чума была настолько свирепой, что они, очевидно, видели, что она не поддается никаким средствам и, казалось, скорее усиливается, чем ослабевает при любом обращении с просьбой остановить и ослабить ее; и все же это изумление магистратов проистекало скорее из отсутствия возможности успешно применить какие-либо средства, чем из нежелания подвергать себя опасности или брать на себя заботу и тяжесть дела; ибо, надо отдать им справедливость, они не щадили ни своих усилий, ни своей личности. Но никто не ответил. Инфекция свирепствовала, и теперь люди были напуганы до последней степени, так что, как я могу сказать, они сдались и, как я упоминал выше, отдались своему отчаянию.

Но позвольте мне заметить здесь, что когда я говорю, что люди предались отчаянию, я не имею в виду то, что люди называют религиозным отчаянием, или отчаяние от своего вечного состояния; но я имею в виду отчаяние от их способности избежать заражения или пережить чуму, которая, как они видели, была настолько свирепой и непреодолимой по своей силе, что действительно мало кто из людей, которых она коснулась в разгар ее, примерно в августе и сентябре, спасся; и, что особенно важно, вопреки ее обычному действию в июне и июле и начале августа, когда, как я заметил, Многие были инфицированы и продолжали так много дней, а затем умерли, после того как яд долгое время находился у них в крови. Но сейчас, наоборот, большинство людей, которых забирали в течение последних двух недель августа и в первые три недели сентября, обычно умирали самое позднее через два-три дня, и многие в тот же день, когда их забирали. Оказали ли "собачьи дни"²⁴⁴ (как пытались выразиться наши астрологи, влияние Собачьей Звезды) этот пагубный эффект, или все те, в ком раньше были семена инфекции, довели ее до зрелости в то время в целом, я не знаю; но это было время, когда сообщалось, что за одну ночь умерло более трех тысяч человек; и те, кто хотел бы знать, что это было в то время. мы полагаем, что они более критически наблюдали за этим, притворяясь, что все они умерли в течение двух часов, а именно между часом и тремя утра.

Что касается внезапности смерти людей в это время, причем чаще, чем раньше, то подобных случаев было бесчисленное множество, и я мог бы назвать несколько в моем районе. В одной семье без баров, недалеко от меня, все, казалось, были в порядке в понедельник, поскольку в семье было десять человек. В тот вечер одна горничная и одна подмастерье заболели и умерли на следующее утро, когда пострадали другая подмастерье и двое детей, из которых один умер в тот же вечер, а двое других - в среду. Короче говоря, к полудню субботы хозяин, хозяйка, четверо детей и четверо слуг ушли, и дом остался совершенно пустым, если не считать пожилой женщины, которая пришла забрать вещи для хозяина брата семьи, жившего неподалеку, и который не был болен.

Тогда многие дома были опустошены, всех людей унесли мертвыми; и особенно в переулке дальше на той же стороне, за решеткой, куда входили по знаку Моисея и Аарона.²⁴⁵ Рядом стояло несколько домов, в которых, по их словам, не осталось в живых ни одного человека; и некоторых, которые умерли последними в нескольких из этих домов, оставили слишком надолго, прежде чем их вынесли для захоронения, причина этого была не в том, как некоторые написали очень неправдиво, что живых было недостаточно, чтобы похоронить мертвых, а в том, что смертность была слишком велика во дворе или на улице. аллея, где не осталось никого, кто мог бы уведомить похоронщиков или пономарей о том, что там есть какие-то мертвые тела, подлежащие захоронению. Говорили, насколько это правда, я не знаю, что некоторые из этих тел были настолько разложившимися, что их с трудом переносили; а поскольку телеги не могли подъехать ближе, чем к воротам переулк на Хай-стрит, везти их было тем труднее. Но я не уверен, сколько тел тогда осталось: я уверен, что обычно это было не так.

Как я уже упоминал, люди были доведены до отчаяния от жизни и отказались от самих себя, так именно это в течение трех или четырех недель производило на нас странное действие; то есть делало их смелыми и отважными. Они больше не стеснялись друг друга и не запирались в дверях, но ходили куда угодно и отовсюду и начали беседовать. Один сказал бы другому: "Я не спрашиваю тебя, как ты, и не говорю, как я. Несомненно, мы все уйдем: так что неважно, кто болен, а кто здоров". И поэтому они отчаянно бежали в любое место или компанию.

Поскольку это привело людей в общественное общество, было удивительно, как это привело их толпиться в церквях. Они больше не интересовались, с кем²⁴⁶ они сидели рядом или далеко от них, какие отвратительные запахи они ощущали или в каком состоянии, казалось, были люди; но, считая всех себя мертвыми трупами, они приходили в церкви без малейшей осторожности и толпились вместе, как будто их жизнь ничего не значила по сравнению с работой, которой они там занимались. Действительно, рвение, которое они проявили, придея, и серьезность и привязанность, которые они проявили в своем внимании к тому, что услышали, показали, какую ценность все люди придавали бы поклонению Богу, если бы они думали, что каждый день, который они посещают в церкви, будет для них последним. Не обошлось это и без других странных эффектов, поскольку исчезли всевозможные предубеждения или угрызения совести по отношению к человеку, которого они находили за кафедрой, когда приходили в церкви. Не подлежит сомнению, что многие служители приходских церквей были отрезаны среди прочих в результате столь распространенного и ужасного бедствия; а у других не хватило мужества вынести это, и они уехали в деревню, когда нашли способ спастись. Поскольку в то время некоторые приходские церкви были совершенно пусты и заброшены, люди без колебаний желали, чтобы такие раскольники, которые были несколькими годами ранее лишены средств к существованию в силу акта парламента, называемого "Актом о единообразии",²⁴⁷,

проповедовали в церквях, и церковные служители в этом случае не затруднялись принять их помощь; так что многие из тех, кого они считали раскольниками, были лишены средств к существованию. призванные молчать служители по этому случаю раскрыли рты и публично проповедовали народу.

Здесь мы можем заметить, и я надеюсь, что не будет лишним обратить на это внимание, что близкий взгляд на смерть вскоре примирит людей добрых принципов друг с другом, и что главным образом благодаря нашему легкому положению в жизни и тому, что мы держимся подальше от этих вещей, наши разногласия разжигаются, вражда продолжается, предрассудки, нарушение милосердия и христианского союза так сильно сохраняются и до сих пор продолжают среди нас. Еще один год чумы примирит все эти различия; близкое общение со смертью или с болезнями, которые угрожают смертью, очистит наш характер от желчи, устраним вражду между нами и заставит нас взглянуть на вещи другими глазами, чем теми, которыми мы смотрели на вещи раньше. Подобно тому, как люди, которые привыкли присоединяться к церкви, в это время примирились с допуском раскольников к проповеди перед ними, так и раскольники, которые с необычным предубеждением порвали с общиной Англиканской церкви, теперь были довольны тем, что приходили в свои приходские церкви и придерживались богослужения, которого они раньше не одобряли. Но по мере того, как ужас перед инфекцией спадал, все эти явления снова возвращались в свое менее желательное русло и в то русло, в котором они были раньше.

Я упоминаю об этом, но исторически: я не собираюсь вступать в споры, чтобы подтолкнуть одну или обе стороны к более милосердному согласию друг с другом. Я не вижу вероятности, что такая беседа была бы подходящей или успешной; кажется, что бреши скорее расширяются и имеют тенденцию к дальнейшему расширению, чем к закрытию: и кто я такой, чтобы считать себя способным влиять либо на ту, либо на другую сторону? Но я могу повторить еще раз, что очевидно, что смерть примирит всех нас: по ту сторону могилы мы все снова станем братьями. На небесах, куда, я надеюсь, мы сможем прийти из всех партий и убеждений, мы не встретим ни предубеждений, ни угрызений совести: там мы будем придерживаться одного принципа и одного мнения. Почему мы не можем довольствоваться тем, что идем рука об руку туда, где без малейших колебаний соединим сердце и руку, с самой полной гармонией и привязанностью, — я говорю, почему мы не можем сделать этого здесь, я ничего не могу сказать; и больше я ничего не скажу об этом, но об этом остается только сожалеть.

Я мог бы долго размышлять о бедствиях этого ужасного времени и продолжать описывать предметы, которые появлялись среди нас каждый день, — ужасные сумасбродства, на которые толкали их рассеянные больные люди; как теперь улицы стали полниться ужасными предметами, а семьи стали наводить ужас даже на самих себя. Но после того, как я рассказал вам, как я сказал выше, что один человек, будучи связанным в своей постели и не найдя другого способа освободиться, поджег кровать своей свечой (которая, к несчастью, стояла в пределах его досягаемости), и сжег себя в постели; и как другой, из—за невыносимых мучений, которые он перенес, танцевал и пел обнаженным на улицах, не зная ни одного экстаза²⁴⁸ от другого, — говорю я, — после того, как я упомянул об этих вещах, что можно еще добавить? Что можно сказать, чтобы живее представить читателю страдания тех времен или дать ему полное представление о более сложном бедствии?

Я должен признать, что это время было настолько ужасным, что иногда я подходил к концу всех своих решений и что у меня не было того мужества, которое было в начале. Поскольку крайность заставляла других людей уезжать за границу, она гнала меня домой; и, за исключением моего путешествия в Блэуолл и Гринвич, как я уже рассказывал, которое было экскурсией, я впоследствии очень много времени проводил взаперти, как и около двух недель назад. Я уже говорил, что несколько раз раскаивался в том, что отважился остаться в городе и не уехал вместе со своим братом и его семьей; но теперь для этого было слишком поздно. И после того, как я удалился и просидел за дверью довольно долго, прежде чем мое нетерпение вывело меня за границу, затем они призвали меня, как я уже сказал, на уродливую и опасную должность, которая снова вывела меня; но поскольку срок ее действия истек, пока продолжался разгар смуты, я снова удалился и продолжал еще около десяти или двенадцати дней, в течение которых моему взору предстало множество мрачных зрелищ,²⁴⁹ из моих собственных окон и на нашей собственной улице, как, в частности, из Харроу-элли, о бедном возмутительном создании, которое танцевало и пело в своей агонии; и многие другие там были. Не проходило ни дня, ни ночи, чтобы в конце этого Мрачного переуллка, где было полно бедняков, большинство из которых принадлежали к мясникам или к профессиям, зависящим от мясницкой лавки, не случилось чего-нибудь ужасного.

Иногда из переуллка вырывались толпы людей, в основном женщин, производя ужасный шум, смешанный с визгом, плачем и окриками друг друга, так что мы не могли понять, что с этим делать. Почти всю глухую часть ночи,²⁵⁰ телега с трупами стояла в конце этого переуллка; потому что, если бы она въехала, она не смогла бы повернуть снова и могла проехать лишь немного. Там, говорю я, он стоял для приема мертвых тел; и, поскольку церковный двор находился совсем недалеко, если он будет заполнен, то вскоре снова появится. Невозможно описать самые ужасные крики и шум, которые производили бедняки, когда выносили мертвые тела своих детей и друзей на телегу; и, судя по их количеству, можно было подумать, что там никого не осталось или что людей в этих местах было достаточно для небольшого города. Несколько раз они кричали об убийстве, иногда о пожаре; но было легко понять, что все это было отвлечением внимания и жалобами расстроенных людей.

Я полагаю, что в то время так было повсюду, ибо чума свирепствовала в течение шести или семи недель сверх всего того, что я описал, и достигла даже такого размаха, что в конце концов они начали нарушать тот превосходный порядок, о котором я так много говорил от имени магистратов, а именно, что на улицах не было видно мертвых тел или захоронений в дневное время; ибо в этой крайней ситуации было необходимо некоторое время смириться с тем, что все будет иначе.

Одну вещь я не могу здесь опустить, и действительно, я подумал, что это было необычно, по крайней мере, это казалось замечательной рукой божественного правосудия; а именно, что все предсказатели, астрологи, гадалки и те, кого они называли хитрецами, фокусниками и тому подобное, вычислители рождаемости, сновидцы и подобные люди ушли и бесследно исчезли; ни одного из них так и не удалось найти. Я искренне убежден, что многие из них пали в разгар бедствия, решившись остаться в надежде получить большие поместья; и действительно, их выигрыш был слишком велик на какое-то время из-за безумия и безрассудства народа; но теперь они замолчали; многие из них отправились в свой долгий дом, не способные предсказать свою собственную судьбу или рассчитать собственное происхождение. Некоторые были достаточно критичны, чтобы сказать²⁵¹, что все они умерли. Я не осмеливаюсь

утверждать это, но должен признать, что я никогда не слышал ни об одном из них, который когда-либо появлялся после того, как бедствие закончилось.

Но вернемся к моим конкретным наблюдениям во время этой ужасной части посещения. Теперь, как я уже сказал, я подошел к сентябрю, который, я полагаю, был самым ужасным в своем роде, который когда-либо видел Лондон; ибо, судя по всем отчетам, которые я видел о предыдущих посещениях, которые были в Лондоне, ничего подобного не было, число в еженедельном счете составило почти сорок тысяч с 22 августа по 26 сентября, то есть всего за пять недель. Ниже приведены сведения о счетах, а именно:—

С 22 по 29 августа	7,496
с 29 августа по 5 сентября	8,252
с 5 по 12 сентября	7,690
с 12 по 19 сентября	8,297
С 19 по 26 сентября	6460
	38,195

Это само по себе было чудовищное число; но если бы я добавил причины, по которым у меня есть основания полагать, что этот отчет был неполным, и насколько он был неполным, вы бы без колебаний поверили вместе со мной, что в течение всех этих недель, одну неделю за другой, умирало более десяти тысяч человек в неделю, и еще столько же в течение нескольких недель, как до, так и после. Смятение среди людей, особенно в городе, в то время было невыразимым. В конце концов ужас был так велик, что мужество людей, назначенных выносить мертвых, начало покидать их; более того, некоторые из них умерли, хотя до этого у них была болезнь, и были выздоровлены; а некоторые из них упали, когда несли тела еще у края ямы и как раз собирались бросить их в нее. И это смятение в городе было еще большим, потому что они льстили себя надеждой спастись и думали, что горечь смерти миновала. Они рассказали нам, что одна повозка, ехавшая по Шордичу, была брошена возницами, или, будучи оставлена за рулем одному человеку, он умер на улице; а лошади, продолжая путь, опрокинули повозку и оставили тела, некоторые были брошены здесь, некоторые там, в ужасном виде. Другая повозка была, по-видимому, найдена в большой яме на Финсбери Филдс, возница был мертв или ушел и бросил ее; а лошади пробежали слишком близко от нее, повозка упала в нее и увлекла за собой и лошадей. Было высказано предположение, что возницу сбросили в яму вместе с телегой и что телега упала на него, по той причине, что его кнут был замечен в яме среди тел; но я полагаю, что в этом нельзя было быть уверенным.

В нашем приходе Олдгейт, как я слышал, несколько раз находили повозки с трупами, стоящие у ворот церковного двора, полные мертвых тел, но ни посыльного, ни кучера, ни кого-либо еще с ними не было. Ни в этих, ни во многих других случаях они не знали, какие тела были у них в тележке, потому что иногда их спускали на веревках с балконов и из окон, а иногда носильщики приносили их к тележке, иногда другие люди; и, как говорили сами мужчины, они не утруждали себя каким-либо подсчетом их количества.

Бдительность магистрата теперь подверглась серьезному испытанию, и, надо признаться, в этом случае никогда нельзя быть достаточно признанным; кроме того, какими бы расходами или

хлопотами они ни занимались, двумя вещами никогда не пренебрегали ни в городе, ни в пригородах:

1. Провизии всегда было вдоволь, и цена тоже не сильно поднималась, едва ли стоит говорить.
2. Ни одно мертвое тело не лежало непогребенным; и если кто-то ходил пешком из одного конца города в другой, днем не было видно ни похорон, ни каких-либо признаков этого, за редким исключением, как я уже сказал, в первые три недели сентября.

Этой последней статье, возможно, вряд ли поверят, когда мы увидим некоторые сообщения, опубликованные другими после этого, в которых говорится, что мертвые лежали непогребенными, что, я уверен, было абсолютной ложью; по крайней мере, если где-то и было так, то это должно было быть в домах, куда живые уходили от мертвых, найдя способ, как я заметил, спастись, и где офицерам не было сообщено об этом. Все это в данном случае ровным счетом ничего не значит; в этом я уверен, поскольку сам немного поработал в той части прихода, в которой я жил, и где было произведено такое же запустение, пропорциональное числу жителей, какое было где бы то ни было. Я говорю, я уверен, что не было ни одного мертвого тела, оставшегося непогребенным; то есть ни одного, о котором знали бы соответствующие офицеры, ни одного из-за нехватки людей, чтобы унести их, и могильщиков, чтобы закопать их в землю и прикрыть. И этого достаточно для аргументации; ибо то, что могло лежать в домах и ямах, как в аллее Моисея и Аарона, - ничто, поскольку совершенно очевидно, что они были похоронены сразу же, как только были найдены. Что касается первого пункта, а именно провизии, то, хотя я упоминал об этом раньше и буду говорить об этом снова, здесь я должен сделать замечание.

1. Цены на хлеб, в частности, не сильно повысились; ибо в начале года, а именно в первую неделю марта, пенсовая пшеничная буханка стоила десять с половиной унций, а в разгар эпидемии ее можно было купить по девять с половиной унций, и никогда не было дороже, нет, не весь сезон; и примерно в начале ноября она снова продавалась по десять с половиной унций, о чем, я полагаю, никогда не слышали ни в одном городе, подвергшемся такому ужасному нападению, прежде чем .

2. Также не было, чему я очень удивлялся, недостатка в пекарнях или открытых печах, чтобы снабжать людей хлебом; но некоторые семьи действительно утверждали, что их служанки, отправляясь в пекарни с тестом для выпечки, что было тогда обычным делом, иногда возвращались домой с болезнью, то есть с чумой.

Во время всего этого ужасного посещения, как я уже говорил ранее, использовались только два чумных дома, а именно: один в полях за Олд-стрит и один в Вестминстере. Не было также никакого принуждения при переноске людей туда. Действительно, в этом случае не было необходимости в принуждении, поскольку там были тысячи бедных, попавших в беду людей, у которых не было ни помощи, ни удобств, ни припасов, кроме благотворительности, они были бы очень рады, если бы их доставили туда и позаботились о них; что, действительно, было единственным, чего, я думаю, не хватало во всем общественном управлении города, поскольку здесь никому не разрешалось приходить в чумной дом, кроме как там, где выдавались деньги или безопасность за деньги, либо по их представлению,²⁵² или после того, как они были вылечены и отправлены обратно; ибо очень многие были отправлены обратно целыми, и в те места были назначены очень хорошие врачи; так что многим людям там было очень хорошо, о

чем я упомяну снова. Главным сортом людей, отправляемых туда, были, как я уже говорил, слуги, которые заболели хворью, выполняя поручения по доставке предметов первой необходимости для семей, где они жили, и которых в этом случае, если они возвращались домой больными, удаляли, чтобы сохранить остальную часть дома; и за ними там так хорошо ухаживали за все время посещения, что всего в лондонском чумном доме было похоронено всего сто пятьдесят шесть человек, а в вестминстерском - сто пятьдесят девять.

Имея больше чумных домов, я далек от мысли загонять всех людей в такие места. Если бы не закрывали дома и больные спешили из своих жилищ в чумные дома, как некоторые предлагали, кажется, в то время, а также с тех пор, то [253](#), несомненно, было бы намного хуже, чем было на самом деле. Само удаление больного было бы распространением инфекции, и то скорее потому, что это удаление не могло эффективно очистить дом, где находился больной, от чумы; и остальные члены семьи, будучи затем оставлены на свободе, несомненно, распространили бы ее среди других.

Методы, также, в частных семьях, которые повсеместно использовались бы для сокрытия чумы и сокрытия того, что люди больны, были бы таковы, что чума иногда охватывала бы всю семью прежде, чем какие-либо посетители или экзаменаторы могли бы узнать об этом. С другой стороны, огромное количество людей, которые были бы больны одновременно, превысило бы все возможности общественных лечебниц по их приему или государственных служащих по их обнаружению и удалению.

В те дни это было хорошо обдумано, и я часто слышал, как они говорили об этом. У магистратов было достаточно дел, чтобы заставить людей смириться с тем, что их дома заперты; и, как я заметил, они многими способами обманывали сторожей и выбирались на свободу. Но этатрудность сделала очевидным, что они сочли бы практически невозможным пойти на работу другим путем; ибо они никогда не смогли бы заставить больных подняться с постелей и покинуть свои жилища: должно быть, это пытались сделать не офицеры милорда-мэра, а целая армия офицеров. А люди, с другой стороны, пришли бы в ярость и отчаяние и убили бы тех, кто предложил бы вмешаться в их жизнь или в жизнь их детей и родственников, что бы их за это ни постигло; так что они довели бы людей (которые и так были в самом ужасном смятении, какое только можно себе представить), я говорю, они бы совершенно обезумели: тогда как магистраты в нескольких случаях сочли уместным обращаться с ними со снисхождением и состраданием, а не с насилием и террором, такими как вытаскивание больных из их домов или обязать их удалиться было бы проще простого.

Это заставляет меня снова упомянуть время, когда впервые началась чума, [254](#) то есть, когда стало ясно, что она охватит весь город, когда, как я уже сказал, лучшие слои населения первыми подняли тревогу и начали спешно покидать город. Это было правдой, как я заметил в своем месте, что толпа была настолько велика, а карет, лошадей, фургонов и тележек было так много, что люди убегали, что казалось, будто весь город бежал прочь; и если бы были опубликованы какие-либо ужасающие в то время правила, особенно такие, которые делали бы вид, что распоряжаются людьми иначе, чем они распоряжались бы сами, это привело бы и город, и пригороды в крайнее замешательство.

Магистраты мудро поощряли людей, приняли очень хорошие подзаконные акты [255](#) для регулирования действий граждан, поддержания хорошего порядка на улицах и обеспечения того, чтобы все было максимально приемлемо для самых разных людей.

Во-первых, лорд-мэр и шерифы,[256](#) палата олдерменов и определенное количество обычных членов совета или их заместителей пришли к решению и опубликовали его; а именно, что они сами не покинут город, но что они всегда будут под рукой для сохранения хорошего порядка в каждом месте и для отправления правосудия во всех случаях, а также для раздачи общественной милостыни бедным и, одним словом, для выполнения долга и оправдания доверия, оказанного им гражданами, в меру своих сил.

Во исполнение этих приказов лорд-мэр, шерифы и т.д. Более или менее ежедневно проводили советы по принятию таких мер, какие они находили необходимыми для сохранения гражданского мира; и хотя они использовали людей со всей возможной мягкостью и милосердием, все же всевозможные самонадеянные мошенники, такие как воры, взломщики домов, расхитители мертвых или больных, были должным образом наказаны; и лорд-мэр и суд олдерменов постоянно публиковали несколько заявлений против них.

Также всем констеблям и церковным старостам было предписано оставаться в городе под угрозой суровых наказаний или назначить таких способных и достаточных домработниц, которых должны одобрить заместители олдерменов или обычные члены совета участка, и которым они должны обеспечить безопасность, а также гарантию, что в случае смерти они немедленно назначат других констеблей вместо себя.

Эти события очень укрепили умы людей, особенно в первый момент их испуга, когда они заговорили о таком всеобщем бегстве, что городу грозила опасность остаться совсем без жителей, за исключением бедняков, а стране - быть разграбленной и опустошенной толпой. Магистраты также не испытывали недостатка в выполнении своей роли так смело, как они обещали; ибо милорд-мэр и шерифы постоянно находились на улицах и в местах наибольшей опасности; и хотя они не заботились о том, чтобы вокруг них толпилось слишком много людей, все же в экстренных случаях они никогда не отказывали людям в доступе к ним и терпеливо выслушивали все их жалобы. Милорд-мэр специально построил в своем зале низкую галерею, где он стоял немного в стороне от толпы, когда поступала какая-либо жалоба, чтобы появиться в максимально возможной безопасности.

Подобным же образом соответствующие офицеры, называемые офицерами милорда-мэра, постоянно дежурили по очереди, когда находились в ожидании; и если кто-нибудь из них был болен или заражен, как некоторые из них, немедленно нанимались другие, чтобы заменить их и исполнять обязанности на их местах, пока не становилось известно, выживет другой или умрет.

Аналогичным образом поступали шерифы и олдермены,[257](#) на своих нескольких участках и приходах, куда они были помещены по должности; и офицеры или сержанты шерифа были назначены получать приказы от соответствующих олдерменов по очереди; так что правосудие во всех случаях совершалось без перерыва. Во-вторых, одной из их особых забот было следить за соблюдением приказов о свободе рынков; и в этой части либо лорд-мэр, либо один или оба шерифа каждый базарный день выезжали верхом, чтобы наблюдать за исполнением своих приказов и следить за тем, чтобы у жителей деревни было все возможное поощрение и свобода в посещении рынков и возвращении обратно, и чтобы на улицах не было видно никаких неприятностей или устрашающих предметов, которые могли бы напугать их или вызвать нежелание приезжать. Также пекари были взяты под особый контроль, и главе Компании пекарей вместе с его придворными помощниками было поручено проследить за исполнением приказа милорда мэра об их регулировании и соблюдением надлежащей судебной

практики²⁵⁸ порций хлеба, которые еженедельно назначались милордом мэром; и все пекари были обязаны постоянно поддерживать свои печи в рабочем состоянии под страхом потери привилегий частного предпринимателя. свободный человек Лондонского сити.

Таким образом, хлеба всегда было вдоволь и он был таким же дешевым, как обычно, как я уже говорил выше; и на рынках никогда не было недостатка в провизии, даже до такой степени, что я часто удивлялся этому и упрекал себя за то, что был таким робким и осторожным, отправляясь за границу, в то время как сельские жители свободно и смело приходили на рынок, как будто в городе не было никакой заразы или опасности подхватить ее.

Действительно, одним из замечательных поступков упомянутых магистратов было то, что улицы постоянно содержались в чистоте и были свободны от всевозможных устрашающих предметов, мертвых тел или любых подобных вещей, которые были неприличными или неприятными; за исключением случаев, когда кто-нибудь внезапно падал или умирал на улицах, как я сказал выше, и их обычно накрывали какой-нибудь тканью или одеялом или убирали на соседний церковный двор до ночи. Все необходимые работы, которые несли с собой ужас, которые были одновременно мрачными и опасными, делались ночью. Если какие-либо больные тела убирали, или хоронили мертвых, или сжигали зараженную одежду, это делалось ночью; и все тела, которые были брошены в большие ямы на нескольких церковных дворах или местах захоронений, как уже было замечено, были убраны таким образом ночью, и все было засыпано и закрыто до наступления дня. Так что днем не было видно и не слышно ни малейшего признака бедствия, за исключением того, что можно было наблюдать по пустоте улиц, а иногда по страстным крикам и причитаниям людей, выглядывающих из своих окон, и по количеству закрытых домов и магазинов.

Тишина и пустота улиц были не столько в городе, сколько на окраинах, за исключением одного конкретного времени, когда, как я уже упоминал, чума пришла на восток и распространилась по всему городу. Это действительно было милосердным расположением Бога, что, поскольку чума началась сначала в одном конце города, как это было замечено в целом, она постепенно распространилась на другие части и не распространялась на этот путь или на восток, пока не иссякла в своей ярости в западной части города; и таким образом, по мере того, как она распространялась одним путем, она ослабевала другим. Например:—

Это началось в Сент-Джайлсе и Вестминстерской части города, и примерно к середине июля было в самом разгаре во всей этой части, а именно в Сент-Джайлсе-ин-те-Филдс, Сент-Эндрюсе, Холборне, Сент-Клементс-Дейнс, Сент-Мартин-ин-те-Филдс и в Вестминстере. В конце июля она уменьшилась в этих приходах, а по мере продвижения на восток значительно возросла в Крипплгейте, Сент-Сепулькре, Сент-Джеймсе, Клеркенуэлле, Сент-Брайде и Олдерсгейте. Пока это происходило во всех этих приходах, город и все приходы Саутуоркской части залива, а также весь Степни, Уайтчепел, Олдгейт, Уоппинг и Рэтклифф были очень мало затронуты; так что люди беззаботно занимались своими делами, вели торговлю, держали открытыми свои лавки и свободно общались друг с другом по всему городу, восточным и северо-восточным пригородам и в Саутуорке, как будто чумы среди нас не было.

Даже когда северные и северо-западные пригороды были полностью заражены, а именно Крипплгейт, Клеркенуэлл, Бишопсгейт и Шордич, во всех остальных все было сносно хорошо. Например:—

С 25 июля по 1 августа счет по всем заболеваниям был таким:—

Сент-Джайлс, Крипплгейт	554
Церковь Гроба Господня	250
Клеркенуэлл	103
Бишопсгейт	116
Шордич	110
Приход Степни	127
Олдгейт	92
Уайтчепел	104
Все 97 приходов в пределах городских стен	228
Все приходы в Саутуорке	205
	1889

Короче говоря, на той неделе в двух приходах Крипплгейта и Сент-Сепулькре умерло на сорок восемь человек больше, чем во всем городе, во всех восточных пригородах и во всех приходах Саутуорка, вместе взятых. Это привело к тому, что репутация здоровья в городе сохранялась по всей Англии, и особенно в прилегающих графствах и на рынках, откуда в основном поступали наши запасы провизии, даже гораздо дольше, чем сохранялось само это здоровье; потому что, когда люди выходили на улицы из сельской местности через Шордич и Бишопсгейт, или через Олд-стрит и Смитфилд, они видели, что окраины пусты, дома и лавки закрыты, а те немногие, кто там шастал, ходят посреди улиц; но когда они входили в город, там все выглядело лучше, а рынки и магазины были закрыты. были открыты, и люди ходили по улицам, как обычно, хотя и не так много; и это продолжалось до конца августа и начала сентября.

Но затем ситуация совершенно изменилась; чума утихла в западных и северо-западных приходах, и тяжесть инфекции легла на город, восточные пригороды и Саутуоркскую часть, причем ужасающим образом.

Тогда город действительно стал выглядеть мрачным, магазины закрылись, а улицы опустели. На Хай-стрит, действительно, необходимость часто заставляла людей выбираться за границу; и в середине дня там было довольно много 259 человек, но по утрам и вечерам почти никого не видно даже там, нет, не в Корнхилле и Чипсайде.

Эти мои наблюдения были полностью подтверждены еженедельными отчетами о смертности за те недели, краткое изложение которых, поскольку они касаются приходов, о которых я упомянул, и поскольку они делают расчеты, о которых я говорю, очень наглядными, выглядит следующим образом.

Еженедельный отчет, отражающий это сокращение захоронений в западной и северной частях города, выглядит следующим образом:—

Сент-Джайлс, Крипплгейт,	456
ул. Джайлс-ин-те-Филдс	140
Клеркенуэлл	77

Церковь Святого Гроба Господня	214
Сент-Леонард, Шордич	183
Приход Степни	716
Олдгейт	629
Уайтчепел	532
В 97 приходах в пределах городских стен	1493
В 8 приходах на Саутуорк-сайд	1636
	6076

Вот действительно странная перемена, и это была печальная перемена; и, если бы она продлилась на два месяца дольше, чем это было на самом деле, в живых осталось бы очень мало людей; но тогда, говорю я, таково было милосердное расположение Божье, что, когда это было так, западная и северная части, которые поначалу подверглись таким ужасным испытаниям, стали, как вы видите, намного лучше; и, когда люди исчезли здесь, они снова начали заглядывать за границу; и на следующую неделю или две изменили ее еще больше, то есть больше к ободрению другой части города. город. Например:—

19-26 сентября.

Сент-Джайлс, Крипплгейт	277
Сент-Джайлс-ин-те-Филдс	119
Клеркenuэлл,	76
ул. Гробница	193
Сент-Леонард, Шордич	146
Приход Степни	616
Олдгейт	496
Уайтчепел	346
В 97 приходах в пределах стен	1268
В 8 приходах на стороне Саутуорка	1390
	4927

26 октября. 3.

Сент-Джайлс, Крипплгейт,	196
ул. Джайлс-ин-те-Филдс	95
Клеркenuэлл	48
Церковь Святого Гроба Господня	137
Сент-Леонард, Шордич	128
Приход Степни	674
Олдгейт	372
Уайтчепел	328

В 97 приходах в пределах городских стен	1149
В 8 приходах на Саутуорк-сайд	1,201
	4,328

И теперь нищета города и упомянутых восточной и южной частей была поистине полной; ибо, как вы видите, тяжесть недовольства легла на эти части, то есть на город, на восемь приходов за рекой, с приходами Олдгейт, Уайтчепел и Степни, и именно в это время счета выросли до такой чудовищной высоты, о которой я упоминал ранее, и что умирало восемь или девять, а, как я полагаю, и десять или двенадцать тысяч человек в неделю; ибо это мое твердое мнение. что они [260](#) никогда не могли прийти ни к какому справедливому изложению цифр по причинам, которые я уже приводил.

Более того, один из самых выдающихся врачей, который впоследствии опубликовал на латыни отчет о тех временах и о своих наблюдениях, говорит, что за одну неделю умерло двенадцать тысяч человек, и что особенно четыре тысячи умерли за одну ночь; хотя я не помню, чтобы когда-либо была такая особенная ночь, столь поразительно роковая, чтобы в нее умерло такое количество людей. Однако все это подтверждает то, что я сказал выше о неопределенности счетов о смертности и т.д., о чем я скажу подробнее позже.

И здесь позвольте мне снова, хотя это может показаться повторением обстоятельств, перейти к описанию плачевного состояния самого города и тех районов, где я жил, в это конкретное время. Город и другие районы, несмотря на огромное количество людей, уехавших в деревню, были [261](#), и, возможно, тем полнее, что люди долгое время твердо верили, что чума не придет ни в город, ни в Саутуорк, ни в Уоппинг, ни в Рэтклифф вообще; более того, такова была уверенность властей. люди с этой точки зрения, многие переехали из пригородов на западной и северной сторонах в эти восточные и южные стороны в целях безопасности, и, как я искренне верю, разнесли там среди себя чуму, возможно, раньше, чем они могли бы заразиться в противном случае.

Здесь я также должен оставить еще одно замечание для использования потомками относительно способа заражения людей друг другом, а именно, что здоровыми были не только больные люди, от которых чума немедленно передавалась другим, но и здоровые. Поясню: под больными людьми я подразумеваю тех, о которых было известно, что они больны, лежали в своих постелях, проходили курс лечения или на них были опухоли и тому подобное. Их мог опасаться каждый: они были либо в своих постелях, либо в таком состоянии, что их невозможно было скрыть.

Под источником я подразумеваю тех, кто заразился и действительно имел его на себе и в крови, но не проявлял последствий этого на своих лицах; более того, даже сами не ощущали этого, поскольку многие не ощущали в течение нескольких дней. Они дышали смертью повсюду и на каждого, кто приближался к ним; более того, даже их одежда сохраняла инфекцию; их руки заражали все, к чему они прикасались, особенно если они были теплыми и потными, а они, как правило, тоже были склонны потеть.

Так вот, узнать этих людей было невозможно, да и сами они иногда, как я уже говорил, не осознавали, что заражены. Это были люди, которые так часто падали и теряли сознание на улицах; часто они ходили по улицам до последнего, пока внезапно не вспотевали, не теряли

сознание, не садились у двери и не умирали. Это правда, оказавшись таким образом, они с трудом добрались бы домой, к своим собственным дверям, или в другое время смогли бы просто войти в свои дома и мгновенно умереть. В других случаях они бродили до тех пор, пока на них не проявлялись те самые признаки, и все же не знали этого, и умирали через час или два после возвращения домой, но были здоровы до тех пор, пока находились за границей. Это были опасные люди; это были люди, которых должны были бояться люди из колодца; но с другой стороны, узнать их было невозможно.

И это причина, по которой при посещении невозможно предотвратить распространение чумы с помощью предельной человеческой бдительности; а именно, что невозможно узнать инфицированных людей по звуку или что инфицированные люди должны в совершенстве знать самих себя. Я знал человека, который свободно беседовал в Лондоне весь сезон чумы в 1665 году и держал при себе противоядие или сердечное снадобье, специально для того, чтобы принять, когда ему казалось, что он вкакой-либо опасности; и у него было такое правило, которое он должен был знать или предупреждать об опасности, с каким я, собственно, никогда не встречался ни до, ни после: насколько это может зависеть, я не знаю. У него была рана на ноге; и всякий раз, когда он оказывался среди нездоровых людей, и инфекция начинала поражать его, он говорил, что может узнать об этом по этому сигналу, а именно по тому, что рана на ноге будет болеть и выглядеть бледной: поэтому, как только он чувствовал, что болит, ему пора было уходить или позаботиться о себе, выпив свой напиток, который он всегда носил с собой для этой цели. Теперь, кажется, он обнаружил, что его рана много раз болела, когда он был в компании с теми, кто считал себя здоровыми и кто казался таким друг другу; но вскоре он вставал и публично заявлял: "Друзья, здесь в комнате кто-то болен чумой", и таким образом немедленно разнимал компанию. Это был, действительно, верный наставник для всех людей, что чумы не избежать тем, кто общается беспорядочно в зараженном городе, и люди болеют ею, когда сами об этом не знают, и что они точно так же передают ее другим, когда сами не знают, что болеют ею; и в этом случае закрытие колодца или удаление больных не помогут, если только они не смогут вернуться и запереть всех тех, с кем больные общались, еще до того, как они узнали, что они больны; и никто не знает, как далеко это зайти или где остановиться, ибо никто не знает, когда, или где, или как они могли заразиться, или от кого.

Я полагаю, это причина, по которой так много людей говорят о том, что воздух испорчен и заражен, и что им не нужно остерегаться тех, с кем они разговаривают, поскольку зараза была в воздухе. Я видел их в странном волнении и удивлении по этому поводу. "Я никогда не приближался ни к какому зараженному телу, - говорит встревоженный человек. - Я разговаривал только со здоровыми людьми, и все же я заразился чумой". "Я уверен, что я поражен Небесами", - говорит другой и переходит к серьезной части.²⁶² И снова первый продолжает восклицать: "Я не сталкивался ни с какой инфекцией или с каким-либо инфицированным человеком; я уверен, что это витает в воздухе; мы вдыхаем смерть, когда дышим, и, следовательно, это рука Божья: ей невозможно противостоять". И это, наконец, заставило многих людей, ожесточившихся перед опасностью, меньше беспокоиться об этом и проявлять меньшую осторожность в конце концов. время, и когда оно достигло своего апогея, было больше, чем вначале. Затем, со своего рода турецким предопределением,²⁶³ они сказали бы, что если Богу будет угодно поразить их, то все равно, отправятся они за границу или останутся дома: они не смогут избежать этого. И поэтому они смело ходили повсюду, даже в зараженные дома и в зараженные компании, навещали больных людей и, короче говоря, лежали в постелях со своими женами или родственниками, когда те были инфицированы. И

каково было последствие, кроме того же, что имеет место в Турции и в тех странах, где они занимаются подобными вещами, а именно, что они тоже были инфицированы и умерли сотнями и тысячами?

Я был бы далек от того, чтобы умалять благоговейный страх перед судами Божьими и почтение к его провидению, о которых мы всегда должны помнить в подобных случаях. Несомненно, само посещение - это удар с Небес по городу, или стране, или народу, на который оно обрушивается; вестник его отмщения и громкий призыв к этому народу, или стране, или городу, к унижению и покаянию, согласно пророку Иеремии (xviii. 7, 8): "В какой момент Я буду говорить о народе и о царстве, чтобы вырвать, низвергнуть и уничтожить его; если этот народ, против которого Я произнес, отвернется от своего зла, я раскаюсь в том зле, которое я думал совершить". поступать с ними ". Теперь, чтобы вызвать должное впечатление о благоговении перед Богом в умах людей в таких случаях, а не уменьшить его, я оставил эти минуты для записи.

Поэтому я говорю, что не осуждаю ни одного человека за то, что он возлагает причину этих событий на непосредственную руку Бога и назначение и направление его провидения; нет, напротив, было много чудесных избавлений людей от инфекции и избавлений людей при заражении, которые указывают на исключительное и замечательное провидение в конкретных случаях, к которым они относятся; и я считаю свое собственное избавление почти чудесным и с благодарностью описываю его.

Но когда я говорю о чуме как о чуме, возникающей по естественным причинам, мы должны рассматривать ее так, как она действительно распространялась естественным путем. Это ни в коей мере не является судом из-за того, что оно обусловлено человеческими причинами и следствиями; ибо, поскольку Божественная Сила сформировала всю схему природы и поддерживает природу в ее русле, та же самая Сила считает уместным позволить своим собственным действиям с людьми, будь то милосердие или осуждение, продолжаться обычным ходом естественных причин, и ему приятно действовать этими естественными причинами как обычными средствами, исключая и приберегая для себя, тем не менее, способность действовать сверхъестественным образом, когда он видит возможность. Теперь очевидно, что в случае заражения нет очевидного экстраординарного повода для сверхъестественного действия; но обычный ход вещей кажется достаточно вооруженным и способным ко всем эффектам, которые Небеса обычно направляют посредством заражения. Среди этих причин и следствий тайного распространения инфекции, незаметного и неизбежного, более чем достаточно для осуществления яростной божественной мести, не возлагая ее на сверхъестественные явления и чудеса.

Острая, проникающая природа самой болезни была такова, и заражение было воспринято настолько незаметно, что самая тщательная осторожность не могла обезопасить нас во время пребывания в этом месте; но мне должно быть позволено верить — и в моей памяти свежо так много примеров, убеждающих меня в этом, что я думаю, никто не сможет устоять перед их доказательствами, — я говорю, мне должно быть позволено верить, что никто во всей этой стране никогда не заболел этой болезнью или инфекцией, кроме тех, кто получил ее обычным путем заражения от кого-то, или от одежды, или от прикосновения, или от запаха кого-то, кто был заражен до этого. .

Способ его первого появления в Лондоне также доказывает это, а именно: товары, привезенные из Голландии и привезенные туда из Леванта; первое распространение вируса в доме в

Лонгакре, куда эти товары были перенесены и впервые открыты; его распространение из этого дома в другие дома из-за очевидной неосторожности при общении с теми, кто был болен, и заражение приходских чиновников, которые ухаживали за умершими; и тому подобное. Это известные авторитеты в этом важном фундаментальном вопросе, что это продолжалось и передавалось от человека к человеку, от дома к дому, и никак иначе. В первом доме, который был заражен, умерло четыре человека. Соседка, услышав, что хозяйка первого дома заболела, пошла навестить ее, вернулась домой и заразила хворью ее семью, и умерла, и все ее домочадцы. Было сказано, что слугитель, призванный помолиться с первым больным во втором доме, немедленно заболел и умер, а в его доме находилось еще несколько человек. Тогда врачи начали размышлять, ибо поначалу им и в голову не приходило всеобщее заражение; но врачи, посланные осмотреть тела, заверили людей, что это была ни много ни мало как чума со всеми ее ужасающими особенностями и что это грозило всеобщей инфекцией; так много людей уже беседовали с больными или страдающими чумой и, как можно было бы предположить, заразились от них, что остановить это будет невозможно.

Здесь мнение врачей совпало с моим последующим наблюдением, а именно, что опасность распространялась незаметно: ибо больной не мог заразить никого, кроме тех, кто находился в пределах досягаемости больного; но что один человек, который, возможно, действительно заразился инфекцией и не знает об этом, но выезжает за границу как здоровый человек, может заразить чумой тысячу человек, а они - пропорционально большее число, и ни человек, передающий инфекцию, ни лица, получающие ее, ничего не знают об этом и, возможно, не ощущают ее последствий в течение нескольких дней после этого. Например:—

Многие люди во время этого посещения никогда не осознавали, что они инфицированы, пока не обнаруживали, к своему невыразимому удивлению, на них не появлялись признаки, после чего они редко проживали шесть часов; ибо те пятна, которые они называли признаками, на самом деле были пятнами гангрены, или умерщвленной плотью, в виде маленьких бугорков шириной с маленький серебряный пенни и твердых, как мозоль²⁶⁴ или рог; так что, когда болезнь доходила до такой степени, за ней не могло последовать ничего, кроме верной смерти. И все же, как я уже сказал, они ничего не знали о том, что заражены, и даже не чувствовали себя вышедшими из строя, пока на них не появились эти смертельные отметины. Но каждый должен признать, что они были заражены в высокой степени раньше и, должно быть, были таковыми некоторое время назад; и, следовательно, их дыхание, их пот, сама их одежда были заразными много дней назад.

Это привело к огромному разнообразию случаев, запомнить которые у врачей было бы гораздо больше возможностей, чем у меня; но некоторые попали в поле моего наблюдения или слуха, из которых я назову несколько.

Некий гражданин, который жил в безопасности и нетронутым состоянии до сентября месяца, когда тяжесть эпидемии распространилась по городу сильнее, чем это было раньше, был очень жизнерадостен, и что-то слишком смелое, как мне кажется, было в его разговорах о том, в какой безопасности он был, каким осторожным он был, и как он никогда не приближался ни к одному больному телу. Однажды другой гражданин, его сосед, сказал ему: "Не будь слишком самоуверенным, мистер ...: трудно сказать, кто болен, а кто здоров; потому что мы видим людей живыми и здоровыми по внешнему виду в один час, а на следующий день мертвыми". — "Это правда", - говорит первый мужчина (ибо он не был человеком самонадеянно уверенным, но

долгое время скрывался; и люди, как я сказал выше, особенно в городе, начали беспокоиться на этот счет), — "это правда", - говорит он. "Я не считаю себя в безопасности; но я надеюсь, что не был в компании ни с одним человеком, которому грозила какая-либо опасность". - "Нет!" - говорит его сосед. "Разве вы не были позавчера вечером в таверне "Бычья голова" на Грейсчерч-стрит с мистером ..." — "Да, - говорит первый, - я был там; но там не было никого, кого мы имели какие-либо основания считать опасным". На что его сосед больше ничего не сказал, не желая удивлять его. Но это сделало его еще более любознательным, и, поскольку его соседпоказался сзади, он стал еще нетерпеливее; и с какой-то теплотой произнес вслух: "Как, он ведь не умер, не так ли?" На что его сосед по-прежнему промолчал, но поднял глаза и что-то сказал себе; на что первый гражданин побледнел и больше ничего не сказал, кроме этого: "Тогда я тоже покойник!" - и немедленно пошел домой, и послал за соседним аптекарем, чтобы тот дал ему что-нибудь профилактическое, поскольку он еще не заболел. Но аптекарь, вскрыв ему грудь, испустил вздох и больше ничего не сказал, кроме этого: "Воззри на Бога". И человек умер через несколько часов.

Теперь пусть любой человек рассудит по подобному случаю, возможно ли по постановлениям магистратов, либо путем запираания больных, либо их удаления, остановить инфекцию, которая передается от человека к человеку, даже когда они совершенно здоровы и не чувствуют ее приближения, и так может продолжаться много дней.

Здесь, возможно, уместно спросить, как долго, как можно предположить, люди могли носить в себе семена заразы, прежде чем она обнаружила себя таким фатальным образом²⁶⁵, и как долго они могли казаться целыми и невредимыми, и все же быть заразными для всех, кто оказывался рядом с ними. Я полагаю, что самые опытные врачи не могут ответить на этот вопрос прямо так же, как и я; и обычный наблюдатель может заметить нечто такое, что может ускользнуть от его наблюдения. Зарубежные врачи, по-видимому, придерживаются мнения, что он может находиться в состоянии покоя в духах или в кровеносных сосудах очень долгое время: иначе зачем они вводят карантин для тех, кто прибывает в их гавани и порты из подозрительных мест? Сорок дней-это, казалось бы, слишком долго для природы в борьбе с таким противником, как этот, и не победить ее или уступить ему, но я и подумать не могла, по моему собственному наблюдению, что они могут быть инфицированы, так как, чтобы быть заразен для окружающих, прежде пятнадцать или шестнадцать дней на Дальний, и на этот счет было, что, когда дом был заперт в городе, и ни один умер от чумы, но никто не появился, чтобы быть плохо в семье, за шестнадцать или восемнадцать дней после того, они были не так строги, но они²⁶⁶ потворствовали их будут в частном порядке за рубежом; не стали бы люди значительно бояться их потом, но скорее думаю, что они были укреплены лучше, не будучи уязвимыми, когда враг был в их доме: но иногда мы нашли это пролежала гораздо больше скрывали.

На основании всех этих наблюдений я должен сказать, что, хотя Провидение, казалось, распорядилось моим поведением иначе, это мое мнение, и я должен оставить его в качестве предписания, а именно, что лучшее лекарство против чумы - это убежать от нее. Я знаю, что люди подбадривают себя, говоря: "Бог способен сохранить нас посреди опасности и настигнуть нас, когда мы думаем, что находимся вне опасности"; и это удерживало в городе тысячи людей, чьи трупы отправляли в огромные ямы на телегах, и которые, если бы они бежали от опасности, были бы, я полагаю, в безопасности от катастрофы: по крайней мере, вероятно, что они были в безопасности.

И если бы эта очень фундаментальная²⁶⁷ была должным образом рассмотрена народом в любом будущем случае такого или подобного характера, я убежден, что это подтолкнуло бы их к совершенно иным мерам по управлению народом, чем те, которые они принимали в 1665 году, или чем те, которые были приняты за границей, о которых я слышал: одним словом, они бы рассмотрели возможность разделения людей на более мелкие группы и удаления их со временем дальше друг от друга и не допустить, чтобы такая зараза, как эта, которая действительно в основном опасна для собранных групп людей, заразила миллион человек в одном теле, как это было очень близко к предыдущему случаю и, несомненно, имело бы место, если бы оно когда-нибудь появилось снова.

Чума, подобно великому пожару, если в том месте, где она происходит, соседствуют только несколько домов, может сжечь только²⁶⁸ сжечь несколько домов; или если она начинается в одном или, как мы это называем, одиноком доме, может сжечь только тот одинокий дом, где она начинается; но если она начинается в плотно застроенном городе и продвигается вперед, там ее ярость возрастает, она бушует по всему миру. целое место, и потребляет все, до чего может дотянуться.

Я мог бы предложить множество схем, на основе которых правительство этого города, если бы оно когда-нибудь попало под подозрение такого другого врага, (не дай Бог!) они могли бы избавиться от большей части опасных людей, которые принадлежат к ним: я имею в виду таких, как нищие, умирающие с голоду, трудящиеся бедняки, и среди них главным образом те, кого в случае осады называют бесполезными ртами; если бы от них тогда избавились благоразумно и в их собственных интересах, а богатые жители избавились бы от самих себя, своих слуг и детей, город и прилегающие к нему части были бы эвакуированы настолько эффективно, что не осталось бы и десятой части его населения, чтобы болезнь не распространилась. Но предположим, что их будет пятая часть и что останется двести пятьдесят тысяч человек; и если бы болезнь действительно охватила их, они, живя на такой большой свободе, были бы гораздо лучше подготовлены к защите от инфекции и были бы менее подвержены ее воздействию, чем если бы такое же количество людей жило близко друг к другу в одном городе поменьше, таком как Дублин, Амстердам или тому подобное.

Это правда, что сотни, да, тысячи семей бежали прочь от этой последней чумы; но тогда многие из них бежали слишком поздно и не только умерли во время своего бегства, но и принесли чуму с собой в страны, куда они отправились, и заразили тех, среди кого они находились в поисках безопасности; что сбило с толку²⁶⁹ суть дела, и сделало это распространением чумы. что было лучшим средством предотвратить это. И это тоже очевидно и возвращает меня к тому, на что я только намекал ранее, но должен сказать более подробно здесь, а именно, что люди, по-видимому, были здоровы через много дней после того, как у них в жизненно важных органах появился налет болезни, и после того, как их дух был настолько захвачен, что они никогда не могли избежать этого; и что все это время они были опасны для других. Я говорю, это доказывает, что так оно и было; ибо такие люди заразили те самые города, через которые они проезжали, а также семьи, среди которых они жили; и именно таким образом почти во всех крупных городах Англии в большей или меньшей степени распространилась чума, и всегда они скажут вам, что такой-то лондонец или такая-то лондонка вызвали ее.

Нельзя упускать из виду,²⁷⁰ что, когда я говорю о тех людях, которые действительно были настолько опасны, я предполагаю, что они были в полном неведении о своем собственном

состоянии; ибо если бы они действительно знали, что их обстоятельства таковы, какими они были на самом деле, они, должно быть, были своего рода умышленными убийцами, если бы они уехали за границу среди здоровых людей, и это действительно подтвердило бы предположение, о котором я упоминал. выше, и которое, по моему мнению, казалось неправдивым, а именно, что инфицированные люди были совершенно беспечны в отношении передачи инфекции другим и скорее стремились сделать это, чем нет; и я полагаю, что отчасти именно из-за этого они выдвинули это предположение, которое, я надеюсь, на самом деле не было правдой.

Я признаю, что ни одного частного случая недостаточно для доказательства общего; но я мог бы назвать нескольких людей, насколько это известно некоторым из их соседей и еще живущих семей, которые доказали крайнее обратное. У одного человека, хозяина семьи по соседству со мной, была чумка, и он думал, что она передалась ему от бедного рабочего, которого он нанял, и с которым он пошел к нему домой, чтобы повидаться, или пошел за какой-то работой, которую он хотел закончить; и у него были некоторые опасения, даже когда он был у двери бедного рабочего, но не обнаружил этого²⁷¹ полностью но на следующий день это обнаружилось само собой, и ему стало очень плохо, после чего он немедленно приказал перенести себя во флигель, который был у него во дворе и где над работным домом была комната, где человек работал жаровней. Здесь он лежал и здесь умер, и за ним не ухаживал никто из его соседей, кроме медсестры из-за границы, и он не позволял своей жене, детям и слугам заходить в комнату, чтобы они не заразились, но посылал им свое благословение и молитвы за них через медсестру, которая говорила с ними на расстоянии; и все это из страха заразить их чумой, без которой, как он знал, поскольку они не спали, они не могли этого вынести.

И здесь я должен также заметить, что чума, как, я полагаю, и все болезни, по-разному воздействовала на разные конституции. Некоторых это немедленно охватывало, и дело доходило до сильной лихорадки, рвоты, невыносимых головных болей, болей в спине, и так вплоть до бреда и неистовства от этих болей; у других появлялись опухоли в области шеи, паха или подмышек, которые, пока их не удавалось сломать, причиняли им невыносимые муки; в то время как другие, как я наблюдал, незаметно заражались, лихорадка незаметно угнетала их дух, и они почти ничего не замечали, пока не впадали в обморок и безболезненную смерть.

Я не настолько врач, чтобы вдаваться в конкретные причины и способ этих различных эффектов одной и той же болезни и в ее различное действие в нескольких органах; и не мое дело здесь записывать наблюдения, которые я действительно сделал, потому что сами врачи проделали эту часть работы гораздо эффективнее, чем я, и потому что мое мнение может в некоторых вещах отличаться от их. Я рассказываю только то, что я знаю, или слышал, или верю в конкретные случаи, и то, что попадало в поле моего зрения, и различную природу инфекции, как она проявлялась в конкретных случаях, о которых я рассказал; но к этому можно также добавить, что, хотя первый вид этих случаев, а именно те, которые открыто посещались, были самыми тяжелыми в том, что касается боли (я имею в виду тех, у кого были такие лихорадки, рвота, головные боли и отеки), потому что они умерли таким ужасным образом, все же у последних было наихудшее состояние болезни; ибо в первом случае они часто выздоравливали, особенно если опухоли спадали; но во втором была неизбежная смерть. Никакое лечение, никакая помощь были невозможны; за этим не могло последовать ничего, кроме смерти. И это было еще хуже для других; потому что, как указано выше, это тайно и незаметно для других или для них самих несло смерть тем, с кем они разговаривали,

проникающий яд проникал в их кровь способом, который невозможно было описать или даже представить.

Это заражение без ведома кого-либо из людей очевидно из двух видов случаев, которые часто происходили в то время; и вряд ли найдется кто-нибудь из живущих, кто был в Лондоне во время заражения, но, должно быть, знал несколько случаев обоих видов.

1. Отцы и матери вели себя так, как если бы они были здоровы, и считали себя таковыми, пока они незаметно не заразили и не разрушили все свои семьи; чего они были бы далеки от того, чтобы делать, если бы у них были хоть малейшие опасения, что они сами нездоровы и опасны. Семья, историю которой я слышал, была таким образом заражена отцом, и болезнь начала проявляться у некоторых из них еще до того, как он обнаружил это у себя; но при более внимательном рассмотрении оказалось, что он был заражен некоторое время назад, и, как только он обнаружил, что его семья была отравлена им самим, он обезумел и хотел наложить на себя руки, но те, кто наблюдал за ним, удержали его от этого; и через несколько дней он умер.

2. Другая особенность заключается в том, что многие люди, выздоровев в меру своего собственного суждения или благодаря лучшим наблюдениям, которые они могли сделать за собой в течение нескольких дней, и обнаружив только ухудшение аппетита или легкую тошноту в желудке, — более того, некоторые, чей аппетит был сильным и даже страстным, и только легкую головную боль, — послали за врачами, чтобы узнать, что их беспокоит, и были обнаружены, к их великому удивлению, на грани смерти, признаки на них или чума достигла неизлечимых размеров.

Было очень грустно размышлять о том, что такой человек, как этот последний, упомянутый выше, был ходячим разрушителем, возможно, за неделю или две до этого; как он погубил тех, ради спасения кого рискнул бы своей жизнью, и дышал на них смертью, даже, возможно, в своих нежных поцелуях и объятиях своих собственных детей. И все же, несомненно, так оно и было, и часто так и было, и я мог бы привести множество конкретных случаев, когда это было так. Если же удар наносится таким незаметным образом; если стрела летит таким невидимым образом и не может быть обнаружена, — то к чему все эти схемы по закрытию или удалению больных людей? Эти схемы могут применяться только к тем, кто выглядит больным или инфицированным; тогда как среди них одновременно есть тысячи людей, которые кажутся здоровыми, но на самом деле являются таковыми, неся с собой смерть во все компании, в которые они попадают.

Это часто ставило в тупик наших врачей, и особенно аптекарей и хирургов, которые не знали, как распознать больного по звуку. Все они допускали, что это действительно так; что у многих людей чума была в крови и терзала их души, и сами по себе были всего лишь ходячими разлагающимися трупами, чье дыхание было заразным, а пот ядовитым, и все же на них было так же приятно смотреть, как и на других людей, и даже они сами этого не знали, — я говорю, все они допускали, что это действительно так, но они не знали, как предложить открытие.²⁷²

Мой друг доктор Хит придерживался мнения, что об этом можно узнать по запаху их дыхания; но тогда, как он сказал, кто осмелится понюхать это дыхание для получения информации, поскольку, чтобы узнать это, он должен втянуть зловоние чумы в свой собственный мозг, чтобы различить запах? Я слышал, что другие придерживались мнения, что это можно было отличить по дыханию собеседника на кусок стекла, где, когда дыхание конденсировалось, в микроскоп

можно было увидеть живых существ странных, чудовищных и устрашающих форм, таких как драконы, змеи, ужи и дьяволы, ужасные на вид. Но я очень сомневаюсь в правдивости этого утверждения, и, насколько я помню, в то время у нас не было микроскопов для проведения эксперимента.²⁷³

Также другого ученого человека было мнение, что дыхание такого человека отравило бы и мгновенно убило птицу, не только маленькую, но даже петуха или курицу; и что, если бы оно не убило последнюю немедленно, это привело бы к их ожирению,²⁷⁴ как они это называют; в частности, если бы они заложили какую-либо яйца в то время были бы все тухлые. Но это мнения, которые я никогда не находил подтвержденными никакими экспериментами или слышал о других, которые видели это,²⁷⁵ поэтому я оставляю их такими, какими нахожу, только с этим замечанием, а именно, что я думаю, что вероятности для них очень велики.

Некоторые предполагали, что такие люди должны тяжело дышать на теплую воду и что они оставят необычную пену на ней или на некоторых других предметах, особенно на тех, которые состоят из клейкого вещества и склонны к образованию пены и ее поддержанию.

Но в целом я обнаружил, что природа этой заразы была такова, что ее вообще невозможно было обнаружить или предотвратить распространение от одного человека к другому с помощью каких-либо человеческих навыков.

Здесь действительно была одна трудность, с которой я так и не смог до конца разобраться до сих пор и на которую есть только один способ ответить, о котором я знаю, и он заключается в следующем: первый человек, умерший от чумы, был 20 декабря или около того 1664 года в Лонгакре или около него: обычно говорят, что первый человек заразился от посылки шелков, привезенной из Голландии и впервые вскрытой в этом доме.

Но после этого мы больше не слышали ни о ком, кто умер от чумы или о том, что в том месте была чума, до 9 февраля, то есть примерно через семь недель после этого, а затем в том же доме был похоронен еще один человек. Потом все утихло, и мы долгое время были совершенно спокойны перед публикой, потому что в еженедельном списке умерших от чумы больше не значилось до 22 апреля, когда были похоронены еще двое, но не в том же доме, но на той же улице; и, насколько я помню, это было в доме, соседнем с первым. Так продолжалось девять недель; и после этого у нас оставалось всего две недели, а затем это вспыхнуло на нескольких улицах и распространилось повсюду. Теперь вопрос, по-видимому, заключается в следующем: где все это время находились семена инфекции? как получилось, что она так долго останавливалась и больше не прекращается? Либо чума не возникла немедленно в результате передачи инфекции от тела к телу, или, если это произошло, то организм может быть способен продолжать заражаться, не обнаруживая себя, много дней, нет, недель подряд; даже не карантин²⁷⁶ дней, а соиксантин,²⁷⁷ — не только сорок дней, но и шестьдесят дней или дольше.

Это правда, что, как я наблюдал вначале, и это хорошо известно многим еще живущим, была очень холодная зима и продолжительные морозы, которые продолжались три месяца; и это, по словам врачей, могло бы остановить распространение инфекции. Но тогда ученые должны позволить мне сказать, что если бы, согласно их представлениям, болезнь была, так сказать, только заморожена, она, подобно замерзшей реке, вернулась бы к своей обычной силе и течению, когда оттаяла; тогда как основной спад этой инфекции, который длился с февраля по апрель, наступил после того, как сошли морозы и установилась мягкая и теплая погода.

Но есть другой способ разрешить все эти трудности, который, я думаю, помогут мои собственные воспоминания об этом событии; и это означает, что факт не подтвержден, а именно, что за те долгие промежутки времени, а именно с 20 декабря по 9 февраля и оттуда до 22 апреля, никто не умер. Еженедельные счета являются единственным доказательством другой стороны, и эти счета не были достаточно достоверными, по крайней мере для меня, чтобы поддержать гипотезу или решить вопрос такой важности, как этот; поскольку в то время у нас было общепринятое мнение, и я полагаю, на очень веских основаниях, что мошенничество заключалось в приходских чиновниках, поисковиках и лицах, назначенных давать отчет о мертвых и о том, от каких болезней они умерли; и поскольку поначалу людям очень не хотелось, чтобы соседи считали, что их дома заражены, поэтому они давали деньги на приобретение или иным образом добывали мертвых для возвращения как умирающий от других болезней; и я знаю, что впоследствии это практиковалось во многих местах, я думаю, я мог бы сказать, во всех местах, где возникла болезнь, о чем свидетельствует значительное увеличение цифр, помещаемых в еженедельных отчетах под другими статьями [278](#) случаев заболеваний во время заражения. Например, в июле и августе, когда чума достигла своего наивысшего уровня, было обычным явлением регистрировать от тысячи до тысячи двухсот, нет, почти до полутора тысяч других заболеваний в неделю. Не то чтобы число этих болезней действительно возросло до такой степени; но огромное количество семей и домов, где действительно была инфекция, получили милость вернуть своих умерших от других болезней, чтобы предотвратить закрытие их домов. Например:—

Умер от других болезней, помимо чумы.

С 18 по 25 июля	942
По 1 августа	1 004
По 8-е число	1 213
По 15-е число	1 439
По 22-е число	1 331
По 29-е число	1 394
По 5-е число сентября	1 264
По 12-е число	1 056
По 19-е число	1 132
По 26-е число	927

Итак, не вызывало сомнений, что большая часть из них, или значительная их часть, умерла от чумы; но офицеров убедили вернуть их, как указано выше, и количество некоторых обнаруженных конкретных предметов, вызывающих чуму, следующее:

	1-8 августа.	8-15 августа.	15-22 августа.	22-29 августа.
Лихорадка	314	353	348	383
Пятнистая лихорадка	174	190	166	165
Переедание	85	87	74	99

Зубы	90	113	111	133
	663	743	699	780
	5.	5-12 сентября.	12-19 сентября.	19-26 сентября.
Лихорадка	364	332	309	268
Пятнистая лихорадка	157	97	101	65
Переедание	68	45	49	36
Зубов	138	128	121	112
	727	602	580	481

Было несколько других статей, которые соответствовали этим, и которые, как легко заметить, были увеличены по той же причине; по мере старения, [279](#) потребление, рвота, самозванцы, [280](#) колики и тому подобное, многие из которых, без сомнения, были инфицированными людьми; но поскольку для семей было крайне важно, чтобы никто не знал о том, что они инфицированы, если этого можно было избежать, поэтому они принимали все возможные меры, чтобы в это не поверили, и если кто-то умирал в их домах, возвращать их экспертам и тем, кто проводил поиск, как умерших от других болезней.

Это, говорю я, объясняет длительный промежуток времени, который, как я уже сказал, был между смертью первых людей, которые были возвращены в счетах как умершие от чумы, и временем, когда чума распространилась открыто и ее нельзя было скрыть.

Кроме того, сами еженедельные отчеты того времени, очевидно, раскрывают эту истину; ибо, хотя там не упоминалось о чуме и не было усиления после того, как она была упомянута, все же было очевидно, что имело место усиление тех заболеваний, которые ближе всего к ней граничили. Например, было восемь, двенадцать, семнадцать случаев пятнистой лихорадки в неделю, когда чумы не было вообще или ее было очень мало; тогда как раньше обычными еженедельными показателями этой чумы были один, три или четыре. Точно так же, как я наблюдал ранее, количество похорон еженедельно увеличивалось в этом конкретном приходе и соседних приходах больше, чем в любом другом приходе, хотя там не было зафиксировано ни одного случая чумы; все это говорит нам о том, что инфекция передавалась, и череда чумы действительно сохранялась, хотя в то время нам казалось, что она прекратилась и возобновилась удивительным образом.

Также могло случиться так, что инфекция могла остаться в других частях той же посылки, в которой она поступила сначала, и которая, возможно, не была вскрыта или, по крайней мере, не полностью, или в одежде первого зараженного человека; ибо я не думаю, что кто-либо мог быть заражен в смертельной степени в течение девяти недель подряд и поддерживать свое состояние здоровья настолько хорошо, чтобы даже не обнаружить это для себя: [281](#) тем не менее, если бы это было так, аргумент был бы сильнее в пользу того, что я говорю, а именно, что инфекция, по-видимому, хорошо сохраняется в телах и передается от них тем, с кем они общаются, хотя об этом не известно ни тем, ни другим.

Велико было замешательство в то время именно по этому поводу; и когда люди начали убеждаться, что инфекция была получена таким удивительным образом от людей, по-видимому здоровых, они начали быть чрезвычайно застенчивыми и ревнивыми ко всем, кто оказывался

рядом с ними. Однажды, в общественный день, субботний или нет, я не помню, в Олдгейтской церкви, на скамье, полной людей, внезапно одной из них показалось, что она почувствовала неприятный запах. Она сразу же воображает, что на скамье была чума, шепотом делится своей догадкой или подозрением с соседом, затем встает и выходит из скамьи. Это немедленно коснулось следующего, а значит, и всех их; и каждый из них, а также две или три соседние скамьи встали и вышли из церкви, никто не знал, что их оскорбило и от кого.

Это немедленно заставило всех наполнить рты тем или иным препаратом, как советовали старухи, а некоторых, возможно, и врачи, чтобы предотвратить заражение дыханием других; настолько, что если бы мы вошли в церковь, когда она была полна людей, у входа была бы такая смесь запахов, что она была гораздо более сильной, хотя, возможно, и не такой полезной, чем если бы вы входили в аптеку или аптекарскую лавку: одним словом, вся церковь была похожа на флакон для нюхания. В одном углу были выставлены все духи; в другом - ароматические вещества,²⁸² бальзамы,²⁸³ и различные лекарства и травы; в третьем - соли и спиртные напитки, поскольку каждый был снабжен своим собственное сохранение. Тем не менее, я заметил, что после того, как люди были одержимы, как я уже сказал, верой или, скорее, уверенностью в том, что инфекция передается таким образом людьми, по-видимому, здоровыми, в церквях и молитвенных домах было намного меньше людей, чем в другие времена, до этого; ибо это можно сказать о жителях Лондона, что в течение всего времени эпидемии церкви или собрания никогда полностью не закрывались, и люди не отказывались выходить на публичное богослужение, за исключением лишь некоторых приходов, когда сила чумы была незначительной. особенно в этом приходе в то время, и даже тогда²⁸⁴ не длиннее, чем она²⁸⁵ продолжала оставаться такой.

Действительно, нет ничего более странного, чем видеть, с каким мужеством люди шли на общественное служение Богу, даже в то время, когда они боялись выйти из своих домов по любому другому поводу (я имею в виду до того времени отчаяния, о котором я уже упоминал). Это было доказательством чрезвычайной густонаселенности города во время заражения, несмотря на огромное количество людей, которые уехали в деревню при первой тревоге и которые бежали в леса, когда их еще больше напугал необычайный рост этого заболевания. Ибо, когда мы увидели толпы людей, которые появлялись в субботние дни у церквей, и особенно в тех частях города, где чума пошла на убыль или где она еще не достигла своего апогея, это было удивительно. Но об этом я скоро еще поговорю. А пока я возвращаюсь к статье о том, как сначала заразить друг друга. До того, как люди пришли к правильным представлениям об инфекции и о том, что они могут заражать друг друга, люди стеснялись только тех, кто был действительно болен. Человек в кепке на голове или с повязкой на шее (как у тех, у кого там были опухоли) — это было действительно ужасно; но когда мы увидели одетого джентльмена с лентой²⁸⁶, с перчатками в руках, шляпой на голове и причесанными волосами, — у нас не возникло ни малейших опасений; и люди подолгу свободно общались, особенно со своими соседями и теми, кого они знали. Но когда врачи заверили нас, что опасность исходит как от здорового (то есть от кажущегося здоровым), так и от больных, и что те люди, которые считали себя совершенно свободными, часто были самыми смертельными; и что стало общепринятым, что люди осознают это и причину этого, — тогда, говорю я, они начали всем завидовать; и огромное количество людей заперлись, чтобы вообще не выходить за границу в какую-либо компанию и не допускать, чтобы кто-либо из тех, кто был за границей в беспорядочной компании, входил в их дома или рядом с ними (по крайней мере, в по крайней мере, не настолько близко к ним, чтобы находиться в пределах досягаемости их дыхания или какого-либо

исходящего от них запаха); и когда им приходилось разговаривать на расстоянии с незнакомцами, у них во рту и на одежде всегда были консерванты для отражения инфекции.

Следует признать, что, когда люди начали применять эти меры предосторожности, они были менее подвержены опасности, и инфекция не проникала в такие дома с такой яростью, как в другие раньше; и тысячи семей были спасены, с должной сдержанностью подчиняясь указаниям Божественного Провидения.

Но вбить что-либо в головы бедняков было невозможно. Они продолжали жить с обычной порывистостью своего характера, полные криков и причитаний, когда их брали, но безумно беспечные по отношению к самим себе, безрассудные и упрямые, пока были здоровы. Там, где они могли найти работу, они брались за любой вид бизнеса, самый опасный и наиболее подверженный заражению; и если бы с ними заговорили, их ответ был бы таким: "Я должен положиться на Бога в этом. Если меня схватят, значит, я обеспечен, и мне конец" и тому подобное. Или так: "Почему, что я должен делать? Я не могу умереть с голоду. Заболеть чумой для меня все равно что погибнуть от нужды. У меня нет работы: что я мог сделать? Я должен это сделать или просить милостыню". Предположим, что это были похороны мертвых, или уход за больными, или наблюдение за зараженными домами, которые представляли собой ужасные опасности; но их история, в целом, была одной и той же. Это правда, необходимость была оправданным доводом, и ничего не могло быть лучше; но их манера говорить была во многом одинаковой там, где потребности не совпадали. Это авантюрное поведение бедняков было тем, что вызвало среди них чуму самым яростным образом; и это, в сочетании с тяжелыми обстоятельствами, в которых они оказались, было причиной, по которой они умирали такими кучами; ибо я не могу сказать, что мог наблюдать хоть на йоту лучшее ведение хозяйства²⁸⁷ среди них (я имею в виду трудящуюся бедноту), пока все они были здоровы и получали деньги, чем раньше; но ²⁸⁸ таких же щедрых, экстравагантных и бездумных на завтра, как всегда; так что, когда они заболели, они немедленно оказались в крайнем отчаянии, как от нужды, так и от болезни, как от недостатка пищи, так и от недостатка здоровья.

У меня было много случаев быть свидетелем страданий бедных, а иногда и той благотворительной помощи, которую некоторые благочестивые люди ежедневно оказывали таким людям, посылая им помощь и припасы, как в еде, так и в лекарствах и другой помощи, в которой они нуждались. И действительно, долг справедливости, обусловленный настроением людей того времени, состоит в том, чтобы обратить здесь внимание на то, что не только большие, очень большие суммы денег были милосердно отправлены лорд-мэру и олдерменам для помощи и поддержки бедных, охваченных смутой людей, но и множество частных лиц ежедневно распределяли большие суммы денег для оказания им помощи и посылали людей узнать о состоянии конкретных пострадавших и посещаемых семей, и облегчали их участь. Более того, некоторые благочестивые дамы были увлечены столь благим делом и настолько уверены в защите Провидения при исполнении великого долга милосердия, что они лично ходили раздавать милостыню бедным и даже навещали бедные семьи, хотя и больные и инфицированные, в самих их домах, назначая сиделок для ухода за теми, кто нуждался, и приказывая аптекарям и хирургам первыми снабжать их лекарствами или пластырями, и тому подобными вещами, какие они хотели, и последними вскрывать и перевязывать опухоли, где таковых не хватало; давая свое благословение тем, кто нуждался. беднякам в существенной помощи, а также в сердечных молитвах за них.

Я не возьму на себя смелость утверждать, как это делают некоторые, что ни один из этих милосердных людей не пострадал от самого бедствия; но вот что я могу сказать: я никогда не знал ни одного из них, у кого случился выкидыш, о чем я упоминаю для ободрения других в случае подобного бедствия; и, несомненно, если те, кто дает бедным, дают взаймы Господу, и он воздаст им, те, кто рискует своей жизнью, чтобы пожертвовать бедным, утешить и помочь бедным в таком несчастье, как это, могут надеяться на защиту в работе.

И эта благотворительность была столь экстраординарно известна лишь у немногих; но (ибо я не могу легкомысленно оставить этот пункт) благотворительность богатых, как в городе и пригородах, так и в деревне, была настолько велика, что, одним словом, огромное количество людей, которые в противном случае погибли бы от нужды, а также от болезней, поддерживались и существовали за счет нее; и хотя я никогда не мог, да и, полагаю, никто другой, прийти к полному пониманию того, что было внесено таким образом, все же я верю, что, как я слышал, один критический наблюдатель этой части, [289](#) было пожертвовано не только много тысяч фунтов стерлингов, но и многие сотни тысяч фунтов стерлингов на помощь беднякам этого бедствующего города. Более того, один человек подтвердил мне, что он может подсчитать более ста тысяч фунтов стерлингов в неделю, которые распределялись церковными старостами в нескольких приходских ризницах, лордом-мэром и олдерменами в нескольких приходах и округах, а также по особому указанию суда и судей соответственно в тех частях, где они проживали, сверх частной благотворительности, распределяемой благочестивыми руками способом, о котором я говорю; и это продолжалось много недель подряд.

Признаюсь, это очень большая сумма; но если правда, что только в приходе Крипплгейт было распределено семнадцать тысяч восемьсот фунтов за одну неделю в помощь бедным, как я слышал, и я действительно верю, что это правда, то другое не может быть невероятным.

Это, несомненно, следовало причислить к числу многих знаменательных благих провидений, посетивших этот великий город и о которых было много других, заслуживающих упоминания. Я говорю, это было очень примечательно, что Богу было угодно таким образом тронуть сердца людей во всех частях королевства, чтобы они с такой радостью внесли свой вклад в облегчение и поддержку бедных в Лондоне; благие последствия этого ощущались во многих отношениях, и особенно в сохранении жизней и восстановлении здоровья стольких тысяч и спасении стольких тысяч семей от гибели и голодной смерти.

И сейчас я говорю о милосердном нраве Провидения в этот раз из беды, я не могу не упомянуть снова, хотя я несколько раз говорил это уже на другие учетные записи (я имею в виду, что прогрессирование чумка), как это началось на одном конце города, а шло постепенно и медленно от одной части к другой, и, как темная туча, которая проходит над нашими головами, которая, как она загустеет и overcasts воздухе на одном конце, очищает на другом конце: так, в то время как чума пошла на беснующихся с запада на восток, как он пошел вперед Востоке, он отступил на запад; что означают те части города, которые не были изъяты, или кто [290](#) остались, и где он провел свою ярость, были (как бы) все, чтобы помочь и помочь другим: а, была чумка распространиться по всему городу и пригородам сразу, бушующих во всех местах одинаково, как это было сделано, поскольку в некоторых местах за рубежом, все тело люди должны были перегружены, и умер бы двадцать тысяч в день, как они говорят есть ли в Неаполе, ни народ смог помогали или помогали друг другу.

Ибо следует заметить, что там, где чума была в полную силу, люди действительно были очень несчастны, и ужас был невыразим; но незадолго до того, как она добралась даже до этого места, или вскоре после того, как она прошла, они были людьми совсем другого сорта; и я не могу не признать, что в то время среди всех нас было слишком много общего человеческого характера, а именно: забывать об избавлении, когда опасность миновала. Но я еще вернусь к разговору об этой части.

Здесь не следует забывать о состоянии торговли во время этого общего бедствия; и это касается как внешней торговли, так и нашей внутренней.

Что касается внешней торговли, то здесь мало что нужно говорить. Все торговые страны Европы боялись нас. Ни один порт Франции, или Голландии, или Испании, или Италии не стал бы принимать наши корабли или переписываться с нами. Действительно, мы были в плохих отношениях с голландцами и вели с ними яростную войну, хотя и были в плохом состоянии, чтобы сражаться за границей, у которых были такие ужасные враги, с которыми приходилось бороться дома.

Соответственно, наши торговцы были на полной остановке. Их корабли не могли никуда отправиться, то есть ни в какое другое место за границей. Их мануфактуры и товары, так сказать, нашего роста, не были бы затронуты за границей. Они боялись наших товаров так же сильно, как и наших людей; и действительно, у них были на то причины, ибо наши шерстяные изделия так же устойчивы к инфекции, как человеческие тела, и, если бы их упаковывали инфицированные люди, они заразились бы инфекцией и были бы так же опасны на ощупь, как был бы опасен зараженный человек; и поэтому, когда любое английское судно прибывало в чужие страны, если они доставляли товары на берег, они всегда приказывали вскрыть тюки и проветрить их в специально отведенных для этой цели местах. Но из Лондона они ни на каких условиях не позволили бы им заходить в порт, а тем более разгружать свои товары; и эта строгость особенно применялась к ним в Испании и Италии. В Турции и на островах Арки,²⁹¹ действительно, как их называют, так и те, которые принадлежали туркам или венецианцам, они не были такими уж жесткими. В первом случае вообще не было никаких препятствий, и четыре корабля, которые в то время находились в рейде, загружаясь для Италии (то есть для Ливорно и Неаполя), получив отказ в товаре, как они это называют, отправились в Турцию, и им было свободно разрешено без каких-либо трудностей разгрузить свой груз, только когда они прибыли туда, часть их груза оказалась непригодной для продажи в этой стране, а другая его часть была передана купцам в Ливорно, капитаны кораблей не имели ни права, ни каких-либо распоряжений распоряжаться товаром; так что для торговцев последовали большие неудобства. Но это было не что иное, как то, чего требовала деловая необходимость; и торговцы в Ливорно и Неаполе, уведомив их, снова послали оттуда, чтобы позаботиться о товарах, которые были особенно необходимы для этих портов, и вернуть другие корабли, которые не годились для рынков в Смирне²⁹² и Scanderoon.²⁹³

Неудобства в Испании и Португалии были еще больше, поскольку они ни в коем случае не допустили бы, чтобы наши корабли, особенно из Лондона, заходили в какие-либо из их портов, не говоря уже о разгрузке. Поступило сообщение, что один из наших кораблей тайком доставил свой груз, среди которого было несколько тюков английской ткани, хлопка, керси и тому подобных товаров, испанцы приказали сжечь все товары и наказали смертью людей, которые были причастны к их перевозке на берег. Я полагаю, что отчасти это было правдой, хотя я и не

утверждаю этого; но это вовсе не маловероятно, учитывая, что опасность действительно была очень велика, поскольку инфекция в Лондоне была такой сильной.

Я также слышал, что чума была занесена в эти страны некоторыми нашими кораблями, и в частности в порт Фаро в королевстве Алгарве,²⁹⁴ принадлежащий королю Португалии, и что несколько человек умерли от нее там; но это не подтвердилось.

С другой стороны, хотя испанцы и португальцы так боялись нас, совершенно очевидно, что чума, как уже было сказано, поначалу сильно распространилась на ту часть города, что рядом с Вестминстером, торговую часть города, такую как сити и уотерсайд, была совершенно здоровой по крайней мере до начала июля, а корабли на реке - до начала августа; ибо к 1 июля умерло только семь человек во всем городе и только шестьдесят в пределах либерти; но по одному во всех приходах Степни, Олдгейта, и в Уайтчепеле, и всего в двух из всех восьми приходов Саутуорка. Но за границей происходило то же самое, ибо по всему миру разнеслись плохие новости о том, что лондонский ситибыл заражен чумой; и там не интересовались, как протекала инфекция или в какой части города она началась или до нее добрались.

Кроме того, после того, как это начало распространяться, оно росло так быстро, а счета внезапно стали такими высокими, что не было смысла приуменьшать значение этого или пытаться заставить людей за границей думать о нем лучше, чем оно было на самом деле. Отчет, который давали еженедельные счета, был достаточным; и того факта, что умирало от двух до трех или четырех тысяч человек в неделю, было достаточно, чтобы встревожить всю торговую часть мира; а последующие события, столь ужасные также в самом городе, заставили весь мир, я говорю, остерегаться их.

Вы также можете быть уверены, что в результате сообщения об этих вещах в вагоне ничего не пропало. Сама по себе чума была ужасна, а страдания людей очень велики, как вы можете заметить из того, что я сказал, но слухов было несравненно больше; и не следует удивляться, что нашим друзьям за границей, в частности корреспондентам моего брата, сообщили там (а именно, в Португалии и Италии, где он в основном торговал), что в Лондоне умерло двадцать тысяч человек в неделю; что мертвые тела лежали кучами непогребенными; что живых было недостаточно, чтобы похоронить мертвых, или здоровых, чтобы ухаживать за больными; что все королевство было заражено таким же образом, так что это было невозможно. Это была всеобщая болезнь, о которой никогда не слышали в этих частях света. И они едва могли поверить нам, когда мы рассказали им, как обстояли дела на самом деле; и что погибло не более десятой части людей; что в городе осталось пятьсот тысяч человек, которые постоянно жили в городе; что теперь люди снова начали ходить по улицам, а те, кто бежал, вернулись; не было недостатка в обычном скоплении людей на улицах, за исключением того, что каждая семья может скучать по своим родственникам и соседям; и тому подобное. Я говорю, они не могли поверить в эти вещи; и если бы сейчас было проведено расследование в Неаполе или в других городах на побережье Италии, они сказали бы вам, что много лет назад в Лондоне была ужасная инфекция, от которой, как указано выше, умерло двадцать тысяч человек в неделю и т.д., точно так же, как у нас в Лондоне сообщалось, что в городе Неаполе в 1656 году была чума, от которой умерло двадцать тысяч человек в день, и я был очень уверен, что это была абсолютная ложь.

Но эти экстравагантные сообщения были очень вредны для нашей торговли, а также несправедливы и вредны сами по себе; ибо прошло много времени после того, как чума

полностью закончилась, прежде чем наша торговля смогла восстановиться в этих частях света; и фламандцы²⁹⁵ и голландцы, но особенно последние, извлекли из этого очень большие выгоды, получив в свое распоряжение весь рынок и даже покупая наши изделия в нескольких частях Англии, где чумы не было, и заносили их в Голландию и Фландрию, а оттуда переправляли в Испанию и Италию, как будто они были собственного изготовления.

Но иногда их обнаруживали и наказывали, то есть конфисковывали их товары, а также корабли; ибо если это правда, что наши мануфактуры, а также наши люди были заражены, и что было опасно прикасаться к ним или открывать и вдыхать их запах, тогда эти люди подвергались опасности из-за этой тайной торговли не только занести заразу в свою собственную страну, но и заразить народы, которым они торговали этими товарами; что, учитывая, сколько жизней могло быть потеряно в результате таких действий, должно быть торговлей, от которой не мог пострадать ни один человек с совестью. они сами должны быть обеспокоены.

Я не берусь утверждать, что этими людьми был причинен какой—либо вред, я имею в виду такого рода; но я сомневаюсь, что мне не нужно делать никаких подобных оговорок в случае нашей собственной страны; ибо либо нашими жителями Лондона, либо коммерцией, которая делала необходимым их общение со всевозможными людьми в каждом графстве и в каждом значительном городе, - я говорю, что таким образом чума в первую или последнюю очередь распространилась по всему королевству, а также в Лондоне, как и во всех больших городах, особенно в торговых, промышленных и морских портах: так что в первую или последнюю очередь чума распространилась по всему королевству. наконец, все значимые места Англии были посещены более или менее, а в некоторых местах и королевство Ирландия, но не так повсеместно. Как обстоят дела у людей в Шотландии, у меня не было возможности узнать.

Следует отметить, что, пока в Лондоне свирепствовала чума, в так называемых отдаленных портах процветала торговля, особенно с соседними странами и с нашими собственными плантациями.²⁹⁶ Например, города Колчестер, Ярмут и Халл на той стороне²⁹⁷ из Англии экспортировали в Голландию и Гамбург продукцию соседних графств в течение нескольких месяцев после торговли с Лондоном была, так сказать, полностью прекращена. Подобным же образом города Бристоль²⁹⁸ и Эксетер с портом Плимут имели такое же преимущество перед Испанией, Канарскими Островами, Гвинеей и Вест-Индией, и особенно перед Ирландией. Но поскольку после того, как чума побывала в Лондоне, она распространилась повсюду до такой степени, как это было в августе и сентябре, то все или большинство этих городов были заражены первыми или последними, и тогда торговля оказалась, так сказать, под общим эмбарго или на полной остановке, как я отмечу далее, когда буду говорить о нашей внутренней торговле.

Однако следует отметить одну вещь: что касается кораблей, прибывающих из—за границы (а многие, вы можете быть уверены, так и поступали), некоторые из которых побывали во всех частях света задолго до этого, а некоторые, выходя в море, ничего не знали об инфекции или, по крайней мере, о такой ужасной, - они смело поднимались вверх по реке и доставляли свои грузы, как были обязаны, за исключением двух месяцев августа и сентября, когда тяжесть инфекции, лежащая, как я могу сказать, полностью под мостом, никто не осмеливался какое-то время заниматься бизнесом. пока. Но так как это продолжалось всего несколько недель, направлявшиеся домой суда, особенно те, груз которых не подлежал порче, на время становились на якорь недалеко от Пруда, или пресноводной части реки, даже в низовьях реки

Медуэй, куда некоторые из них впадали; а другие стояли на севере и в Надежде ниже Грейвсенда: так что к концу октября должна была подойти очень большая флотилия направляющихся домой судов, подобной которой не было много лет.

Все время распространения инфекции водным транспортом осуществлялись две особые сделки, и то с небольшими перерывами или вообще без них, что в значительной степени приносило пользу и комфорт бедным, попавшим в беду жителям города; и это были каботажная торговля кукурузой и ньюкаслская торговля углем.

Первая из них осуществлялась, в частности, небольшими судами из порта Халл и других мест в Хамбере, на которых доставлялось большое количество зерна из Йоркшира и Линкольншира; другая часть этой торговли зерном осуществлялась из Линна в Норфолке, из Уэллса и Бернхема, а также из Ярмута, все в том же графстве; а третья ветвь шла с реки Медуэй, а также из Милтона, Февершема, Маргейта и Сэндвича и всех других небольших местечек и портов вдоль побережья Кента и Эссекса.²⁹⁹

С побережья Саффолка также шла очень хорошая торговля кукурузой, маслом и сыром. Эти суда поддерживали постоянный торговый курс и без перерыва заходили на рынок, известный до сих пор под названием Медвежий ключ, откуда они в изобилии снабжали город зерном, когда наземное сообщение стало выходить из строя и когда людям надоело приезжать сюда из многих мест страны.

Во многом это также произошло благодаря благоразумию и поведению лорд-мэра, который так заботился о том, чтобы уберечь капитанов и моряков от опасности, когда они всплывали, в результате чего их кукурузу можно было скупать в любое время, когда им требовался рынок (что, однако, случалось очень редко), и заставлял cornfactors³⁰⁰ немедленно разгрузить и доставить суда нагруженные зерном, у них было очень мало поводов выходить из своих кораблей или суденышек, деньги всегда носили им на борт и клали в ведро с уксусом перед тем, как их выносили.

Вторым видом торговли был уголь из Ньюкасла-на-Тайне, без которого город был бы в большом затруднении; ибо не только на улицах, но и в частных домах и семьях тогда сжигалось большое количество угля, даже в течение всего лета и в самую жаркую погоду, что делалось по совету врачей. Некоторые, действительно, выступали против этого и настаивали на том, что поддержание тепла в домах и комнатах является средством распространения болезни, которая представляет собой брожение и жар, уже присутствующий в крови; что, как известно, она распространяется и усиливается в жаркую погоду и ослабевает в холод; и поэтому они утверждали, что все заразные болезни хуже всего переносят жару, потому что инфекция питалась и набирала силу в жаркую погоду и как бы распространялась в жару.

Другие сказали, что они допускают, что жара в климате может распространять инфекцию, поскольку душная жаркая погода наполняет воздух паразитами и питает бесчисленное количество видов ядовитых существ, которые размножаются в нашей пище, в растениях и даже в наших телах, из-за самого зловония которых может распространяться инфекция; также что жара в воздухе, или жара погоды, как мы обычно это называем, расслабляет тела и ослабевает, истощает дух, открывает поры и делает нас более склонными к заражению или любому дурному влиянию, будь то от вредных веществ, ядовитые пары или что-либо другое в воздухе; но что тепло огня, и особенно угольных топок, которые поддерживались в наших домах или поблизости

от нас, оказывало совершенно иное действие, поскольку жар был не того же рода, но быстрым и яростным, стремящимся не питать, а поглощать и рассеивать все те вредные пары, которые другой вид тепла скорее выдыхал и задерживал, чем отделял и сжигал. Кроме того, утверждалось, что сернистые и азотистые частицы, которые часто обнаруживаются в угле вместе с этим битуминозным веществом, которое горит, помогают очищать воздух и делают его полезным и безопасным для дыхания после того, как вредные частицы (как указано выше) рассеяны и сгорели.

Последнее мнение преобладало в то время, и, как я должен признаться, у меня есть на то веские основания; и опыт горожан подтвердил это: многие дома, в комнатах которых постоянно горел огонь, вообще никогда не подвергались заражению; и я должен присоединиться к этому своему опыту, поскольку обнаружил, что поддержание хорошего огня делает наши комнаты приятными и полезными для здоровья, и я искренне верю, что это сделало всю нашу семью такой, больше, чем могло бы быть в противном случае.

Но я возвращаюсь к углям в качестве профессии. Было нелегко поддерживать эту торговлю открытой, и особенно потому, что, поскольку в то время мы находились в открытой войне с голландцами, голландские каперы³⁰¹ сначала захватили очень много наших угольных судов, что заставило остальных проявлять осторожность и остаться, чтобы действовать флотами вместе. Но через некоторое время каперсы либо побоялись их брать, либо их хозяева, Штаты, испугались, что им следует это делать, и запретили их, чтобы среди них не заразилась чума, отчего им стало лучше.

В целях безопасности этих северных торговцев милорд-мэр приказал кораблям с углем не заходить в Бассейн больше определенного количества за раз; и³⁰² приказал лихтерам и другим судам, таким как дровосеки (то есть владельцы пристаней) или продавцы угля, спускаться и доставать уголь как можно ниже. Дептфорд и Гринвич, и некоторые дальше по течению.

Другие доставляли большое количество угля в определенные места, где корабли могли подходить к берегу, как, например, в Гринвич, Блэкуолл и другие места, огромными кучами, как бы для продажи; но³⁰³ были затем увезены после того, как корабли, которые их доставляли, ушли; так что моряки не общались с речниками и даже не приближались друг к другу. ³⁰⁴

Однако все эти предосторожности не могли эффективно предотвратить распространение чумы среди шахтеров, то есть среди кораблей, на которых от нее погибло очень много моряков; и что было еще хуже, они занесли ее в Ипсвич и Ярмут, в Ньюкасл-на-Тайне и в другие места на побережье, где, особенно в Ньюкасле и Сандерленде, она унесла большое количество людей.

Разведение такого большого количества костров, как указано выше, действительно потребляло необычное количество угля; и это при одной или двух остановках подходивших кораблей (то ли из-за плохой погоды, то ли из-за вмешательства врагов, я не помню); но цена угля была чрезвычайно высока, даже доходила до четырех фунтов за миску;³⁰⁵ но вскоре она уменьшилась, когда пришли корабли, и, поскольку впоследствии у них был более бесплатный проезд, цена была очень разумной всю оставшуюся часть того года.

Общественные пожары, которые разводились по этим случаям, по моим подсчетам, неизбежно должны были стоить городу около двухсот кал угля в неделю, если бы они продолжались, что действительно было очень большим количеством; но поскольку это считалось необходимым,

ничего не жалели. Однако, поскольку некоторые врачи жаловались на них, их не держали в огне более четырех или пяти дней. Порядок разведения костров был следующий: —

Один на Таможне; один на Биллингсгейте; один в Куинхите и один в "Трех журавлях"; один в Блэкфрайарсе и один у ворот Брайдуэлла; один на углу Лиденхолл-стрит и Грейсчерч; один у северных и один у южных ворот Королевской биржи; один в Гилдхолле и один у ворот Блэкуэлл-Холла; один у дверей лорд-мэра в церкви Святой Елены; один у западного входа в собор Святого Павла; и один у входа в Боу-Черч. Я не помню, был ли он у городских ворот, но один у подножия моста был, как раз у церкви Святого Магнуса.

Я знаю, что после этого во время эксперимента некоторые спорили и говорили, что из-за этих пожаров погибло больше людей; но я убежден, что те, кто так говорит, не приводят никаких доказательств, подтверждающих это, и я ни в коем случае не могу в это поверить.

Остается дать некоторый отчет о состоянии внутренней торговли в Англии в это ужасное время, и особенно в том, что касается мануфактур и торговли в городе. При первом вспышке инфекции, как легко предположить, среди людей возник очень сильный испуг и, следовательно, общая остановка торговли, за исключением провизии и предметов первой необходимости; и даже в этих товарах, поскольку огромное количество людей бежало и очень большое количество постоянно болело, помимо числа умерших, так что потребление провизии в городе, как это было раньше, не могло превышать двух третей, если не больше половины.

Богу было угодно послать очень обильный год на кукурузу и фрукты, а не на сено или траву, а значит, хлеб был дешевым из-за обилия кукурузы, мясо - дешевым из-за нехватки травы, но масло и сыр были дорогими по той же причине; а сено на рынке, сразу за барами Уайтчепела, продавалось по четыре фунта за партию; но бедняков это не касалось. Было огромное количество всевозможных фруктов, таких как яблоки, груши, сливы, вишни, виноград; и они были дешевле из-за потребностей людей; но это заставляло бедняков есть их в избытке, и это приводило их к перееданию и тому подобному, что часто приводило их к чуме.

Но вернемся к вопросам торговли. Во-первых, поскольку вывоз за границу был остановлен или, по крайней мере, очень сильно прерван и затруднен, естественно, последовала общая остановка всех тех мануфактур, которые обычно ввозились для вывоза; и, хотя иногда заграничные купцы настойчиво требовали товаров, все же отправлялось мало, так как перевозки были так часто приостановлены, что английские корабли, как уже было сказано, не допускались в их порт.

Это положило конец экспорту промышленных товаров в большинстве частей Англии, за исключением некоторых отдаленных портов; но даже это вскоре было остановлено, поскольку все они, в свою очередь, заболели чумой. Но хотя это ощущалось по всей Англии, все же, что было еще хуже, все торговые связи для внутреннего потребления мануфактур, особенно тех, которые обычно проходили через руки лондонцев, были немедленно прекращены, и торговля в городе прекратилась.

Все виды ремесел в городе и т. Д., Торговцы и механики были, как я уже говорил ранее, безработными; и это привело к увольнению бесчисленного количества подмастерьев и рабочих всех мастей, поскольку в этих отраслях не делалось ничего, кроме того, что можно было бы назвать абсолютно необходимым.

Это привело к тому, что множество одиноких людей в Лондоне оказались без средств к существованию, равно как и семьи, чье существование зависело от труда глав этих семей. Я говорю, что это довело их до крайней нищеты; и я должен признаться, что для чести лондонского сити и будет для многих веков, пока об этом будет идти речь, что они были в состоянии благотворительно восполнить нужды стольких тысяч тех, кто впоследствии заболел и был в отчаянии; так что можно с уверенностью утверждать, что никто не погиб от нужды, по крайней мере, о том, что магистраты хоть как-то уведомили их.

Этот застой нашей мануфактурной торговли в стране поставил бы тамошних людей в гораздо большие трудности, если бы мастера-ремесленники, суконщики и другие, используя все свои запасы и силы, продолжали производить свои товары, чтобы обеспечить работой бедных, полагая, что, как только болезнь утихнет, на них сразу же возникнет спрос, пропорциональный упадку их торговли в то время; но поскольку никто, кроме богатых мастеров, не мог этого делать, а многие были бедны и не способны, мануфактурная торговля в Англии сильно пострадала, и бедные оказались в затруднительном положении. по всей Англии только из-за бедствия Лондонского сити.

Это правда, что следующий год полностью возместил им ущерб из-за другого ужасного бедствия, обрушившегося на город; так что город из-за одного бедствия обнищал и ослабил страну, а из-за другого бедствия (даже ужасного в своем роде) обогатил страну и снова возместил им ущерб: ибо бесконечное количество домашнего хлама, одежды для ношения и других вещей, помимо целых складов, заполненных товарами и мануфактурами, которые привозились со всех концов Англии, были уничтожены лондонским пожаром на следующий год после этого ужасного посещения. Невероятно, какой размах приобрела эта торговля по всему королевству, чтобы восполнить нужду и восполнить потери; короче говоря, все рабочие руки в стране были заняты работой, и их было недостаточно в течение нескольких лет, чтобы обеспечить рынок и удовлетворить спрос. Все зарубежные рынки также были пусты от наших товаров из-за остановки, вызванной чумой, и до того, как снова была разрешена открытая торговля; и огромный спрос внутри страны, упавший, присоединился к быстрому выбросу³⁰⁶ на все виды товаров; так что в то время во всей Англии не было такой торговли, как в первые семь лет после чумы. , и после лондонского пожара.

Теперь остается сказать кое-что о милосердной части этого ужасного суда. В последнюю неделю сентября, когда эпидемия достигла своего пика, ее ярость начала утихать. Я помню, как мой друг доктор Хит, придя навестить меня неделю назад, сказал мне, что он уверен, что ярость от этого пройдет через несколько дней; но когда я увидел еженедельный отчет за ту неделю, который был самым высоким за весь год и составлял 8297 случаев всех заболеваний, я упрекнул его в этом и спросил, на основании чего он сделал свое заключение. Его ответ, однако, заключался не столько в поиске³⁰⁷, как я думал, это было бы. "Послушайте, - говорит он, - судя по количеству больных и инфицированных в настоящее время, на прошлой неделе умерло бы двадцать тысяч человек вместо восьми тысяч, если бы застарелая смертельная инфекция была такой, какой она была две недели назад; потому что тогда она обычно убивала за два или три дня, сейчас не менее восьми или десяти; и тогда выздоравливал не более одного из пяти, тогда как я заметил, что сейчас выкидыш случается не более чем у двух из пяти. И обратите внимание на это от меня, следующий счет уменьшится, и вы увидите, что выздоравливает гораздо больше людей, чем раньше; ибо, хотя сейчас повсюду заражено огромное количество людей, и столько же каждый день заболевают, все же умрет не так много, как это было , ибо злокачественность

чумы уменьшилась"; добавив, что теперь он начал надеяться, нет, больше, чем надеяться, что инфекция миновала свой кризис и уходит. Соответственно, так оно и было; за следующую неделю, которая, как я уже сказал, была последней в сентябре, счет уменьшился почти на две тысячи.

Это правда, чума все еще была на ужасающей высоте, и следующий счет составлял не менее 6460, а следующий за этим 5720; но все же наблюдение моего друга было справедливым, и действительно, казалось, что люди выздоравливали быстрее и их стало больше, чем раньше; и действительно, если бы это было не так, в каком состоянии находился Лондонский сити? Ибо, по словам моего друга, в то время было инфицировано не менее 60 000 человек, из которых, как указано выше, 20 477 умерли и около 40 000 выздоровели; тогда как, если бы все было так, как было раньше, 50 000 из этого числа, весьма вероятно, умерли бы, если не больше, и еще 50 000 заболели бы; одним словом, вся масса людей начала заболевать, и казалось, что никто не спасется.

Но это замечание моего друга стало более очевидным еще через несколько недель; ибо снижение продолжалось, и еще через неделю в октябре оно уменьшилось на 1843 человека, так что число умерших от чумы составило всего 2665 человек; а на следующей неделе оно уменьшилось еще на 1413 человек, и все же было ясно видно, что больных было много, более того, много больше обычного, и многие заболевали каждый день; но, как указано выше, злокачественность болезни уменьшилась.

Таков опрометчивый нрав нашего народа (так ли это или нет во всем мире, это не мое личное дело выяснять; но я, очевидно, увидел это здесь), что, как при первом виде инфекции они избегали друг друга и убегали из домов друг друга и из города с необъяснимым и, как я думал, ненужным испугом, так и теперь, когда распространилось это представление, а именно, что болезнь не была такой заразной, как раньше, и что если она была заразна, то не была такой смертельной, и видя обилие людей, которые были заражены, те, кто действительно заболел, ежедневно снова выздоравливали, они набирались такой безрассудной смелости и росли настолько независимо от самих себя и от инфекции, что обращали на чуму не больше внимания, чем на обычную лихорадку, да и не так уж много. Они не только смело общались с теми, у кого были запущенные опухоли и карбункулы, следовательно, заразные, но и ели и пили с ними, более того, заходили в их дома, чтобы навестить их, и даже, как мне сказали, в их комнаты, где они лежали больные.

В этом я не видел ничего рационального. Мой друг доктор Хит допускал, и это было ясно по опыту, что болезнь была такой же заразной, как всегда, и многие заболели, но только он утверждал, что многие из заболевших не умерли; но я думаю, что в то время как многие действительно умирали, и что в лучшем случае сама болезнь была очень ужасной, язвы и опухоли были очень мучительными, и опасность смерти не исключалась из обстоятельств болезни, хотя и не так часто, как раньше, — все эти вещи, вместе с чрезвычайно утомительным лечением, отвратительностью болезни, были очень опасны. и многих других статей было достаточно, чтобы удержать любого живущего человека от опасной смеси³⁰⁸ с больными людьми и заставить их³⁰⁹ почти так же, как раньше, стремиться избежать заражения.

Нет, было еще кое-что, что делало само заражение чумой ужасным, и это было ужасное жжение едких веществ, которые хирурги накладывали на опухоли, чтобы заставить их лопнуть и затянуться; без чего смертельная опасность была очень велика, даже до последнего; а также

невыносимые мучения от опухолей, которые, хотя и не приводили людей в бред и безумие, как это было раньше, и как я уже приводил несколько примеров, все же подвергали пациента невыразимым мучениям; и те, кто впал в это, хотя и спасались с помощью жизни, однако они горько жаловались на тех, кто говорил им, что опасности нет, и печально раскаивались в своей опрометчивости и безрассудстве, отважившись бежать навстречу ей.

И на этом неосторожное поведение людей не закончилось; ибо очень многие, которые таким образом пренебрегли своими предостережениями, пострадали еще сильнее, и хотя многим удалось спастись, все же многие умерли; и, по крайней мере, это [310](#) сопровождалось таким общественным возмущением, что это замедлило сокращение числа захоронений, чем это было бы в противном случае; ибо, поскольку это представление молниеносно разнеслось по городу, и сознание людей головы были одержимы этим, даже как только появилось первое значительное уменьшение счетов, мы обнаружили, что два следующих счета пропорционально не уменьшились: причина, я полагаю, в том, что люди так опрометчиво бросились навстречу опасности, отказавшись от всех своих прежних предосторожностей и осторожности, а также от всей застенчивости, которую они привыкли проявлять, полагаясь на то, что болезнь их не настигнет, или что, если это произойдет, они не умрут.

Врачи изо всех сил противодействовали этому бездумному настрою людей и раздали печатные инструкции, распространив их по всему городу и пригородам, советуя людям оставаться сдержанными и проявлять максимальную осторожность в своем обычном поведении, несмотря на уменьшение чумы; пугая их опасностью вызвать рецидив по всему городу и рассказывая им, что такой рецидив может быть более фатальным и опасным, чем все уже имевшее место посещение; приводя множество аргументов и причин, объясняющих и доказывающих им эту часть, и которые слишком длинны, чтобы повторять здесь.

Но все это было напрасно. Эти дерзкие создания были так охвачены первой радостью и так удивлены удовлетворением от того, что еженедельные счета значительно уменьшились, что их не остановили никакие новые ужасы, и их можно было убедить только в том, что горечь смерти миновала; и разговаривать с ними было так же бессмысленно, как с восточным ветром; но они открывали лавки, ходили по улицам, вели дела и беседовали со всеми, кто попадался им на пути, по делу или без, не спрашивая об их здоровье и даже не опасаясь каких-либо неприятностей. опасность исходила от них, хотя они знали, что они не были надежными.

Это неосмотрительное, опрометчивое поведение стоило жизни очень многим людям, которые с большой осторожностью заперлись и держались как бы в стороне от всего человечества и благодаря этому, по Божьему провидению, пережили весь разгар этой заразы.

Это опрометчивое и глупое поведение народа зашло так далеко, что министры обратили на него внимание и объяснили ему всю его глупость и опасность; и это немного сдержало его, так что они стали более осторожными. Но это возымело другой эффект, который они не могли проверить: поскольку первый слух распространился не только по городу, но и по всей стране, он возымел тот же эффект; и люди так устали от столь долгого отсутствия в Лондоне и так стремились вернуться, что они стекались в город без страха и предчувствий и начали показываться на улицах, как будто вся опасность миновала. Это было действительно удивительно видеть, потому что, хотя по-прежнему умирало от тысячи до полутора тысяч человек в неделю, все же люди стекались в город, как будто все было хорошо.

Следствием этого было то, что счета снова выросли на четыреста в первую неделю ноября; и, если я могу верить врачам, на той неделе заболело более трех тысяч человек, большинство из которых тоже были новичками.

Некий Джон Кок, цирюльник из Сен-Мартен-ле-Гран, был выдающимся примером этого (я имею в виду поспешное возвращение людей, когда чума утихла). Этот Джон Кок покинул город со всей своей семьей, запер свой дом и уехал в деревню, как и многие другие; и, обнаружив, что в ноябре чума настолько уменьшилась, что от всехболезней умирало не более 905 человек в неделю, он отважился вернуться домой. В его семье было десять человек, то есть он сам с женой, пятеро детей, два подмастерья и служанка. Он вернулся в свой дом только через неделю и начал открывать свою лавку и заниматься своим ремеслом, но в его семье разразилась болезнь, и примерно через пять дней все они умерли, кроме одного: то есть он сам, его жена, все его пятеро детей и двое подмастерьев; и только служанка осталась в живых.

Но милость Божья к остальным была больше, чем у нас были основания ожидать; ибо, как я уже сказал, злокачественность чумы была исчерпана, зараза иссякла, а также быстро установилась зимняя погода, и воздух стал чистым и холодным, с некоторыми сильными заморозками; и это продолжало усиливаться, большинство из тех, кто заболел, выздоровели, и здоровье города начало возвращаться. Действительно, были некоторые возвраты чумы, даже в декабре месяце, и счета выросли почти до сотни; но это снова прошло, и так что вскоре все начало возвращаться в свое русло. И чудесно было видеть, каким густонаселенным внезапно снова стал город; так что посторонний человек не мог не заметить потерянных чисел, как не было и недостатка в жителях относительно их жилищ. Пустующих домов было мало или их вообще не было видно, а если и были, то недостатка в жильцах для них не было.

Хотел бы я сказать, что, как у города появилось новое лицо, так и манеры людей приобрели новый вид. Я не сомневаюсь, что многие сохранили искреннее чувство своего освобождения и были искренне благодарны той Суверенной Руке, которая защитила их в столь опасное время. Было бы очень жестоко судить иначе в таком густонаселенном городе, где люди были такими набожными, какими они были здесь во время самого посещения; но, за исключением того, что из этого можно было найти в конкретных семьях и лицах, следует признать, что общая практика людей была такой же, как и раньше, и можно было увидеть очень мало различий.

Некоторые, действительно, говорили, что дела обстоят хуже; что с этого самого времени нравственность людей упала; что люди, ожесточенные опасностью, в которой они находились, подобно морякам после шторма, стали более злыми и глупыми, более смелыми и ожесточенными в своих пороках и безнравственности, чем были раньше; но я также не буду заходить так далеко. Потребовалась бы немалая история, чтобы перечислить все градации, по которым ход событий в этом городе снова восстановился и пошел своим чередом, как это было раньше.

Теперь некоторые районы Англии были заражены так же сильно, как и Лондон. Теперь мы посетили города Норвич, Питерборо, Линкольн, Колчестер и другие места, и магистраты Лондона начали устанавливать правила для нашего поведения в соответствии с этими городами. Это правда, мы не могли притворяться, что запрещаем их людям приезжать в Лондон, потому что было невозможно узнать их по отдельности; поэтому после долгих консультаций лорд-мэр и суд олдерменов были вынуждены отказаться от этого. Все, что они

могли сделать, это предупредить людей, чтобы они не принимали гостей в своих домах и не разговаривали с кем-либо, кто, как они знали, был родом из таких зараженных мест.

Но с таким же успехом они могли бы разговаривать в воздух, ибо жители Лондона теперь считали себя настолько свободными от чумы, что им не требовались никакие увещевания. Казалось, они зависели от того, что воздух был восстановлен, и что воздух был подобен человеку, переболевшему оспой, — не способному заразиться снова. Это возродило представление о том, что инфекция витает в воздухе; что не существует такой вещи, как передача инфекции от больных людей звуку; и эта причуда настолько сильно распространилась среди людей, что они совершенно беспорядочно бегали, больные и здоровые. Не мусульмане, которые, одержимые принципом предопределения, ценят [311](#) ничто из заразного, пусть будет так, как оно будет, не могло бы быть более упрямым, чем жители Лондона. Те, кто был совершенно здоров и вышел из здорового воздуха, как мы это называем, в город, не утруждали себя тем, чтобы войти в те же дома и покои, более того, даже лечь в те же постели, что и те, у кого была болезнь, и они не выздоровели.

Некоторые, действительно, заплатили за свою дерзкую дерзость ценой своей жизни. Заболело бесконечное количество людей, и у врачей было больше работы, чем когда-либо, с той лишь разницей, что выздоравливало больше их пациентов, то есть они в целом выздоравливали; но, безусловно, инфицированных и заболевших людей было больше сейчас, когда умирало не более тысячи или тысячи двухсот человек в неделю, чем было [312](#) когда умирало пять или шесть тысяч в неделю, настолько небрежными были люди. в то время, когда здоровье и инфекция были столь велики и опасны, что они были настолько больны, что не могли воспользоваться [313](#) советом тех, кто предостерегал их ради их же блага.

Люди, вернувшиеся таким образом, в общем, были очень странными, обнаружив, что, расспрашивая о своих друзьях, некоторые целые семьи были настолько полностью сметены, что о них не осталось и воспоминаний. Также не было найдено никого, кто обладал бы каким-либо правом на то небольшое, что у них осталось; ибо в таких случаях то, что удавалось найти, обычно растрачивалось и разговаривалось, кто-то уходил одним путем, кто-то другим.

Было сказано, что такие заброшенные вещи перешли к королю как всеобщему наследнику; на что нам сказали, и я полагаю, что это было отчасти правдой, что король даровал все такое, как *deodands* [314](#) лорд-мэру и суду олдерменов Лондона, для использования бедными, которых было очень много. Ибо следует заметить, что, хотя во время свирепой эпидемии чумы поводов для оказания помощи и объектов бедствия было гораздо больше, чем сейчас, после того как все закончилось, все же бедность бедных была сейчас более значительной, чем тогда, потому что все каналы всеобщей благотворительности были закрыты. Люди полагали, что главное событие закончилось, и поэтому остановили свои руки; в то время как отдельные предметы все еще были в движении, и горе тех, кто был беден, было действительно очень велико.

Хотя здоровье города теперь в значительной степени восстановилось, внешняя торговля все еще не пришла в движение; и иностранцы долгое время не допускали наши корабли в свои порты. Что касается голландцев, то недоразумения между нашим двором и ними годом ранее переросли в войну, так что наша торговля в этом направлении была полностью прервана; но Испания и Португалия, Италия и Берберия, [315](#), а также Гамбург и все порты на Балтике, — все они долгое время сторонились нас и не возобновляли торговлю с нами в течение многих месяцев.

Смута, сметающая такое множество людей, как я заметил, привела к тому, что многие, если не все, приходы были вынуждены создавать новые места для захоронений, помимо упомянутых мною в Банхилл Филдс, некоторые из которых были продолжены и используются по сей день; но другие были оставлены, и, признаюсь, я упоминаю о них с некоторым размышлением,³¹⁶ преобразуется в другие мертвые тела были потревожены, над ними надругались, их снова выкопали, некоторые даже до того, как их плоть отделилась от костей, и убрали, как навоз или мусор, в другие места. Вот некоторые из тех, которые попали в сферу моих наблюдений: —

Во-первых, участок земли за Госуэлл-стрит, недалеко от Маунтмилла, являющийся остатками старых линий или укреплений города, где беспорядочно хоронили людей из приходов Олдерсгейт, Клеркенуэлл и даже за пределами города. Это основание, как я понимаю, было после того, как³¹⁷ создал физический сад,³¹⁸ и, после³¹⁹ на этом было построено.

Во-вторых, участок земли прямо над Черной Канавой, как ее тогда называли, в конце Холлоуэй-лейн в приходе Шордич. С тех пор здесь был устроен двор для содержания свиней и для других обычных целей, но в качестве места захоронения он совершенно вышел из употребления.

В-третьих, верхний конец Хэнд-элли на Бишопсгейт-стрит, который тогда был зеленым полем и предназначался специально для прихода Бишопсгейт, хотя многие повозки из города также привозили туда своих мертвецов, особенно из прихода Св. Все святыни на стене. Это место я не могу упомянуть без особого сожаления. Насколько я помню, примерно через два или три года после прекращения эпидемии сэр Роберт Клейтон³²⁰ овладел землей. Сообщалось, насколько это верно, я не знаю, что оно перешло к королю из-за отсутствия наследников (все те, кто имел какое-либо право на него, были унесены эпидемией), и что сэр Роберт Клейтон получил его в дар от короля Карла II. Но как бы он к этому ни пришел, несомненно, что это земля, выпущенная для строительства, или построенная по его приказу. Первым домом, построенным на нем, был большой красивый дом, сохранившийся до сих пор, выходящий окнами на улицу, которая теперь называется Хэнд-элли, которая, хотя и называется аллеей, по ширине не уступает улице. Дома в том же ряду, что и тот дом к северу, построены на той же земле, где были похоронены бедняки; и тела, когда вскрыли землю для фундаментов, были выкопаны, некоторые из них оставались настолько хорошо различимыми, что черепа женщин выделялись длинными волосами, а у других плоть не совсем погибла; так что люди начали громко протестовать против этого, а некоторые предположили, что это может угрожать возвращению заразы; после чего кости и тела, как только они появились³²¹ напал на них, был перенесен в другую часть той же земли и брошен в глубокую яму, вырытую специально, которая теперь станет известна³²² в том смысле, что она не построена, а представляет собой проход к еще один дом в верхнем конце Розовой аллеи, прямо против дверей молитвенного дома, который был построен там много лет назад; и земля обнесена частоколом в ³²³ метрах от остальной части прохода на небольшом квадрате. Там покоятся кости и останки почти двух тысяч тел, которые за один год были перевезены на телегах для умерших в могилу.

В-четвертых, помимо этого, в Мурфилдсе, рядом с улицей, которая теперь называется Старый Бетлем, был участок земли, который по тому же случаю был значительно расширен, хотя и не заселен полностью.

Примечание. Автор этого дневника похоронен на этой самой земле по своему собственному желанию, поскольку его сестра была похоронена там несколькими годами ранее.

В-пятых, приход Степни, простирающийся от восточной части Лондона до севера, даже до самого края кладбища Шордич, отвел участок земли для захоронения своих умерших недалеко от указанного кладбища; и который именно по этой причине был оставлен открытым, и с тех пор, я полагаю, отнесен к тому же кладбищу. И у них были также два других места захоронения в Спитлфилдсе — одно, где с тех пор была построена часовня или дарохранильница для удобства этого большого прихода, и другое на Петтикоут-лейн.

В то время в приходе Степни использовалось не менее пяти других земель; одна из них находилась там, где сейчас стоит приходская церковь Святого Павла в Шедуэлле, а другая - там, где сейчас стоит приходская церковь Святого Иоанна в Уоппинге, обе в то время не имели названий приходов, но принадлежали приходу Степни.

Я мог бы назвать еще много других; но те, что были мне известны, как мне показалось, послужили поводом для их записи. В целом, можно заметить, что в это тяжелое время они были вынуждены отыскивать новые места захоронения в большинстве отдаленных приходов для захоронения огромного количества людей, умерших за столь короткий промежуток времени; но почему не были приняты меры к тому, чтобы эти места были отделены от обычного использования, чтобы тела могли покоиться нетронутыми, я не могу ответить, и должен признаться, я думаю, что это было неправильно. Кто был виноват, я не знаю.

Я должен был упомянуть, что у квакеров³²⁴ в то время также было выделенное для их использования место захоронения, которым они пользуются до сих пор; и у них также была особая повозка для перевозки мертвых из их домов. И знаменитый Соломонов Орел, который, как я упоминал ранее,³²⁵ предсказал чуму как страшный суд и бегал голым по улицам, говоря людям, что она снизошла на них, чтобы наказать их за их грехи, умер своей собственной женой³²⁶ на следующий же день чумы и был одним из первых перевезен в телеге с трупами квакеров на их новое место захоронения.

Я мог бы дополнить этот отчет многими более примечательными событиями, произошедшими во время заражения, и особенно тем, что происходило между лорд-мэром и судом, который тогда находился в Оксфорде, и какие указания время от времени получали от правительства относительно их поведения в этом критическом случае; но на самом деле двор так мало интересовался собой, и то немногое, что они делали, имело столь незначительное значение, что я не вижу особого смысла упоминать здесь о какой-либо части этого, за исключением назначения ежемесячного поста в городе и направления королевской благотворительной организации на помощь бедным, и то, и другое я упоминал ранее.

Велик был упрек тем врачам, которые покидали своих пациентов во время болезни; и теперь, когда они снова приехали в город, никто не захотел нанять их. Их называли дезертирами, и часто на их дверях вывешивали объявления с надписью: "Вот доктор, которого нужно впустить!" Так что некоторые из этих врачей были вынуждены некоторое время посидеть спокойно и осмотреться вокруг или, по крайней мере, снять свои жилища и поселиться в новых местах и среди новых знакомств. То же самое было и с духовенством, к которому люди действительно относились очень оскорбительно, писали стихи и скандальные размышления о них; вывешивали на дверях церкви: "Вот кафедра, которую можно сдать", или иногда "которую нужно продать", что было еще хуже.

Не меньшим из наших несчастий было то, что с нашей инфекцией, когда она прекратилась, не утих дух раздора, клеветы и поношения, который раньше действительно был главным нарушителем спокойствия в стране. Говорили, что это остатки старой вражды, которая так недавно вовлекла всех нас в кровопролитие и беспорядки;³²⁷ но как поздний акт возмещения ущерба³²⁸ уснул самой ссоры, поэтому правительство при любых обстоятельствах рекомендовало всей нации сохранять семейный и личный мир.

Но это³²⁹ получить не удалось; и особенно после прекращения эпидемии чумы в Лондоне, когда любой увидел, в каком состоянии были люди, и как они ласкали друг друга в то время, пообещал больше благотворительности в будущем и больше не вызывать упреков, — я говорю, любой, кто видел их тогда можно было бы подумать, что они наконец-то встретились с другим духом. Но, говорю я, этого не удалось получить. Ссора осталась, Церковь³³⁰ и пресвитериане были несовместимы. Как только чума была устранена, несогласные свергнутые служители, которые занимали кафедры, покинутые занимающими их должностными лицами, ушли в отставку. Они³³¹ не могли ожидать ничего другого, кроме того, что они³³² должны немедленно обрушиться на них³³¹ и преследовать их своими уголовными законами; примите их³³¹ проповедовать, пока они³³² были больны, и преследовать их³³¹, как только они³³² снова выздоровели. Это даже мы, принадлежащие к Церкви, считали трудным и ни в коем случае не могли этого одобрить.

Но это было правительство, и мы ничего не могли сказать, чтобы помешать этому. Мы могли только сказать, что это не наших рук дело, и мы не могли за это отвечать.

С другой стороны, раскольники, упрекающие этих служителей Церкви в том, что они уходят и оставляют свои обязанности, бросают людей в опасности, когда они больше всего нуждаются в утешении, и тому подобное, — этого мы никоим образом не могли одобрить; ибо не у всех людей одинаковая вера и одинаковое мужество, а Писание повелевает нам судить наиболее благосклонно и согласно милосердию.

Чума - грозный враг, вооруженный ужасами, которым не каждый человек достаточно укреплен, чтобы противостоять, или подготовлен противостоять шоку.³³³ Совершенно очевидно, что очень многие из священнослужителей, которые были вынуждены это сделать, отступили и бежали, спасая свои жизни; но верно также, что очень многие из них остались, и многие из них пали в результате бедствия и при исполнении своего долга.

Это правда, что некоторые из оказавшихся несогласными министров остались верны себе, и их мужество заслуживает похвалы и высокой оценки; но их было не так уж много. Нельзя сказать, что все они остались на прежнем месте и что никто не уехал в деревню, так же как о церковном духовенстве нельзя сказать, что все они уехали. Также не все те, кто ушел, ушли, не заменив викариев³³⁴ и других на их местах, чтобы выполнять необходимые работы и навещать больных, насколько это было практически возможно. Так что, в целом, с обеих сторон можно было бы проявить милосердие, и мы должны были бы подумать, что такое время, как 1665 год, не имеет аналогов в истории, и что не самое отважное мужество всегда поддержит людей в таких случаях. Я этого не говорил, а скорее выбрал³³⁵, чтобы запечатлеть мужество и религиозное рвение тех с обеих сторон, кто рисковал собой ради служения бедным людям в их бедственном положении, не помня, что кто-то не выполнил свой долг ни с одной из сторон; но отсутствие самообладания среди нас сделало необходимым обратное: некоторые из тех, кто держался стойко, не только слишком хвастались собой, но и поносили тех, кто не справился со своим

долгом. бежали, клеймя их трусостью, бросали свои стада, вели себя как наемники и тому подобное. Я рекомендую всем добрым людям из милосердия оглянуться назад и должным образом поразмыслить над ужасами того времени; и тот, кто сделает это, увидит, что это не обычная сила, которая могла бы поддержать его. Это не было похоже на появление во главе армии или атаку конного отряда на поле боя; но это было нападение самой смерти на ее бледном коне.³³⁶ Остаться означало действительно умереть; и это нельзя было расценивать как нечто меньшее, особенно учитывая, что события происходили в конце августа и начале сентября, и поскольку в то время были основания ожидать их; ибо никто не ожидал, и я осмелюсь сказать, верил, что чума примет такой внезапный оборот, как это произошло, и упадет сразу на две тысячи человек в неделю, когда в то время было такое огромное количество больных людей, как это было известно; и тогда многие переместили³³⁷ пунктов, которая большую часть времени оставалась неизменной.

Кроме того, если Бог дал некоторым силы больше, чем другим, было ли это сделано для того, чтобы похвалиться их способностью переносить удары и упрекнуть тех, у кого не было такого же дара и поддержки, или же им следовало скорее быть смиренными и благодарными, если они оказались более полезными, чем их братья?

Я думаю, что это должно быть записано в честь таких людей, а также духовенства, врачей, хирургов, аптекарей, магистратов и должностных лиц всех мастей, а также всех полезных людей, которые рисковали своей жизнью при исполнении своего долга, как, безусловно, все такие, как стейд, делали до последней степени; и некоторые из этих людей не только рискнули, но и расстались с жизнью по этому печальному случаю.

Однажды я составлял список всех таких (я имею в виду все те профессии и занятия, которые таким образом погибли, как я это называю, выполняя свой долг), но для частного человека было невозможно прийти к определенности в деталях. Я помню только, что до начала сентября в сити и либертиз умерло шестнадцать священнослужителей, два олдермена, пять врачей, тринадцать хирургов. Но поскольку, как я уже говорил ранее, это кризис и крайность инфекции, то полного списка быть не может. Что касается низших людей, я думаю, что в двух приходах Степни и Уайтчепел погибло сорок шесть констеблей и старост³³⁸ в двух округах Степни и Уайтчепел; но я не мог продолжать свой список, потому что, когда в сентябре на нас обрушилась неистовая ярость смуты, это вывело нас из себя. Люди тогда больше не умирали по рассказам³³⁹ и по номерам: они могли выставлять еженедельный счет и называть его на семь или восемь тысяч, или как им заблагорассудится. Несомненно, они умирали кучами и были похоронены кучами, то есть без учета. И если я могу поверить некоторым людям, которые были за границей и лучше разбирались в этих вещах, чем я (хотя я был достаточно публичен для человека, у которого было не больше дел, чем у меня), — я скажу, если мы можем им поверить, в те первые три недели сентября хоронили ненамного меньше, чем двадцать тысяч человек в неделю. Как бы другие ни утверждали, что это правда, все же я предпочитаю держать это в секрете. Семи или восьми тысяч в неделю вполне достаточно, чтобы оправдать все, что я сказал об ужасе тех времен; и к моему большому удовлетворению, как пишущие, так и читающие, могут сказать, что все изложено умеренно и скорее в рамках компаса, чем за его пределами.

По всем этим причинам, говорю я, я хотел бы, чтобы, когда мы выздоровели, наше поведение отличалось милосердием и добротой в память о прошедшем бедствии, а не тем, что мы ценили

себя за смелость остаться; как будто все люди трусы, которые убегают от руки Божьей, или что те, кто остаются, иногда не обязаны своей храбростью своему невежеству и презрению к руке своего Создателя, что является преступным видом отчаяния, а не истинным мужеством.

Я не могу не отметить, что гражданские чиновники, такие как констебли, главы городских округов, люди лорд-мэра и шерифа, а также приходские чиновники, в чьи обязанности входило заботиться о бедных, выполняли свои обязанности, в целом, с таким же мужеством, как и все остальные, а возможно, и с большим; потому что их работа была сопряжена с большим количеством опасностей и в большей степени касалась бедных, которые были более подвержены заражению и находились в самом плачевном положении, когда их настигала инфекция. Но тогда следует также добавить, что многие из них умерли; действительно, едва ли могло быть иначе.

Я не сказал здесь ни слова о лекарствах или приготовлениях, которые обычно использовались в этом ужасном случае (я имею в виду нас, которые часто ходили взад и вперед по улицам, как это делал я). Многое из этого говорилось в книгах и счетах наших врачей-шарлатанов, о которых я уже достаточно говорил. Можно, однако, добавить, что Коллегия врачей ежедневно публиковала несколько препаратов, которые они рассматривали в процессе своей практики; и поскольку они должны были быть напечатаны, я избегаю их повторения по этой причине.

Одну вещь я не мог не заметить — что случилось с одним из шарлатанов, который опубликовал, что у него есть самое превосходное средство против чумы, которое тот, кто хранит при себе, никогда не должен быть заражен или подвержен заражению. Этот человек, который, как мы можем разумно предположить, не выезжал за границу без этого превосходного консерванта в кармане, тем не менее заболел чумой и через два или три дня был увезен.

Я не принадлежу к числу ненавистников или отщепенцев от медицины (напротив, я часто упоминал, с каким уважением относился к указаниям моего близкого друга доктора Хита); но все же я должен признать, что практически ничем не пользовался, за исключением, как я заметил, приготовления препаратов с сильным запахом, чтобы иметь наготове на случай, если я встречу что-нибудь с неприятным запахом или подойду слишком близко к месту захоронения или мертвому телу.

Я также не делал того, что, как я знаю, делали некоторые, - поддерживал приподнятое настроение горячительными напитками, вином и тому подобными вещами, к которым, как я заметил, один ученый врач настолько привык, что не мог отказаться от них, когда инфекция совсем прошла, и так стал наркоманом на всю последующую жизнь.

Я помню, как мой друг доктор говорил, что существует определенный набор лекарств и заготовок, которые, безусловно, хороши и полезны в случае инфекции, из которых или с помощью которых врачи могли бы приготовить бесконечное разнообразие лекарств, подобно тому, как звонари исполняют несколько сотен различных музыкальных раундов по изменению и порядку звучания, но в шести колоколах; и что все эти препараты должны ³⁴⁰ быть действительно очень хорошими. "Поэтому, - сказал он, - я не удивляюсь, что столь огромное множество лекарственных средств, которые предоставляет в настоящее бедствие, и практически каждый врач выписывает или оформляет другое дело, так как его суждения или опыта руководства ним; но," как говорит моя подруга, "пусть весь объективный всех врачей в Лондоне будут рассмотрены, и оно будет найдено, что все они порождение той же вещи, с

таким вариации только как конкретное фантазии врача ведет его; так что, - говорит он, - каждый человек, судя немного своей конституцией и образом его жизни и обстоятельствах его заражения, могут направить свои лекарства из обычных лекарственных средств и препаратов. Только то, - говорит он, - что некоторые рекомендуют одно, как наиболее суверенное, а некоторые другое. Некоторые, - говорит он, - думают, что это Пиллюля. Ерш, который сам по себе называется противогрибковой пиллюлей, является лучшим препаратом, который можно приготовить; другие думают, что венецианской патоки³⁴¹ достаточно самой по себе, чтобы противостоять заразе; и я, - говорит он, - думаю так же, как и они оба, а именно, что первую полезно принимать заранее, чтобы предотвратить ее, а последнюю, если к ней прикоснуться, изгнать ее ". Согласно этому мнению, я несколько раз принимал венецианскую патоку с добавлением обильного пота и считал себя настолько укрепленным против инфекции, насколько любой человек может быть укреплен силой лекарства.

Что же касается шарлатанства и шарлатанства, которыми был полон город, то я никого из них не слушал и с тех пор часто с некоторым удивлением замечал, что в течение двух лет после чумы я почти ничего не слышал о городе. Некоторые воображали, что все они были сметены инфекцией до единого человека, и были за то, чтобы назвать это особым знаком Божьего мщения им за то, что они вели бедных людей в пропасть гибели только ради небольшой прибыли, которую они получили от них; но я тоже не могу заходить так далеко. То, что многие из них погибли, несомненно(многие из них были в пределах досягаемости моих собственных знаний); но в том, что все они были сметены, я сильно сомневаюсь. Я скорее полагаю, что они бежали в страну и испробовали свои методы на тамошних людях, которые опасались заражения еще до того, как оно распространилось среди них.

Однако можно с уверенностью сказать, что долгое время ни один из них не появлялся в Лондоне или его окрестностях. Действительно, было несколько врачей, которые опубликовали законопроекты, рекомендуя свои различные физические препараты для очищения организма, как они это называют, после чумы, и необходимые, как они сказали, для приема такими людьми, которые были посещены и вылечились; тогда как, я должен признать, я полагаю, что это было мнение самых выдающихся врачей того времени, что чума сама по себе была достаточной чисткой, и что те, кто избежал инфекции, не нуждались в лекарствах для очищения своего тела от каких-либо других вещей (запущенных язв, опухолей и т.д., которые были вскрыты по указанию врачей, после чего они были удалены). достаточно очистил их); и что все другие расстройства и причины расстройств были эффективно устранены таким образом. И поскольку врачи высказывали это как свое мнение, куда бы они ни приходили, шарлатанам было мало дела.

Действительно, после того, как чума пошла на убыль, произошло несколько небольших беспорядков, которые, были ли они устроены для того, чтобы напугать и привести в смятение людей, как некоторые предполагали, я не могу сказать; но иногда нам говорили, что к такому-то сроку чума вернется; и знаменитый Соломонов Орел, голый квакер, о котором я упоминал, каждый день предсказывал дурные вести, и еще несколько человек, сообщавших нам, что Лондон подвергся недостаточно сильному бичеванию, а более болезненные удары еще позади. Если бы они остановились на этом или снизились до подробностей и сказали нам, что в следующем году город будет уничтожен пожаром, тогда, действительно, когда мы увидели, как это произошло, мы не были бы виноваты в том, что проявили больше обычного уважения к их пророческим духам (по крайней мере, мы бы удивились им и были более серьезны в наших

расспросах о значении этого и о том, откуда у них было предвидение); но поскольку они обычно сообщали нам о рецидиве чумы, с тех пор мы не беспокоились о них. И все же из-за этих частых криков нас всех постоянно одолевали какие-то опасения; и если кто-то внезапно умирал или если пятнистая лихорадка в какой-то момент усиливалась, мы немедленно встревоживались; гораздо больше, если число случаев чумы увеличивалось, потому что к концу года всегда было от двухсот до трех сотен³⁴² случая чумы. Повторяю, в любом из этих случаев мы снова испытывали тревогу.

Те, кто помнит Лондонский сити до пожара, должны помнить, что тогда не было такого места, как то, которое мы сейчас называем Ньюгейт—маркет; но посреди улицы, которая теперь называется улица Раздувных пузырей и получила свое название от мясников, которые обычно убивали и разделявали там своих овец (и у которых, кажется, был обычай раздувать мясо трубками, чтобы оно выглядело гуще и жирнее, чем оно было на самом деле, и были наказаны за это лорд-мэром), - я говорю, от конца улицы по направлению к Ньюгейту стояли два длинных ряда мясных лавок. руины для продажи³⁴³ мяса.

Именно во время этих беспорядков два человека упали замертво, когда покупали мясо, что породило слух, что все мясо заражено; который, хотя и мог напугать людей и испортить рынок на два или три дня, все же впоследствии стало ясно, что в этом предположении не было ничего правдивого; но никто не может объяснить одержимость страхом, когда он овладевает разумом. Однако Богу было угодно, чтобы продолжающаяся зимняя погода таквосстановила здоровье города, что к февралю следующего года мы посчитали, что эпидемия полностью прекратилась, и тогда нас снова было нелегко напугать.

Среди ученых все еще оставался вопрос, и³⁴⁴ сначала немного озадачила людей; и это заключалось в том, каким образом очистить дома и имущество, где побывала чума, и как это сделать³⁴⁵ снова пригодны для жилья, которые оставались пустыми во время чумы. Врачи прописывали множество благовоний и препаратов, одни одного вида, другие другого, при этом люди, которые их слушали, подвергали себя большим и, по моему мнению, ненужным расходам; и более бедные люди, которые только днем и ночью открывали окна, жгли серу, смолу, порох и подобные вещи в своих комнатах, делали все как лучше; более того, энергичные люди, которые, как я сказал выше, возвращались домой в спешке и на любой риск, практически не находили неудобств ни в своих домах, ни в своих товарах. , и практически ничего с ними не делал.

Однако, в целом, благоразумные, осторожные люди приняли некоторые меры по проветриванию и благоуханию своих домов и жгли благовония, ладан, вениамин,³⁴⁶ смолу и серу в своих комнатах, закрывали их, а затем выпускали воздух, унося все это взрывом пороха; другие устраивали большие пожары весь день и всю ночь в течение нескольких дней и ночей . По той же причине, что³⁴⁷ двое или трое были рады поджечь свои дома и таким образом эффективно подсластили их, спалив дотла (в частности, один в Рэтклиффе, один в Холборне и один в Вестминстере, помимо двух или трех подожженных; но огонь, к счастью, удалось потушить до того, как он распространился достаточно далеко, чтобы сжечь дотла весь дом). дома); а слуга одного горожанина, я думаю, это было на Темз-стрит, принес в дом своего хозяина столько пороха, чтобы очистить его от заразы, и сделал это так глупо, что взорвал часть крыши дома. Но еще не пришло то время, когда город должен был быть очищен огнем, и оно было не за горами; ибо еще через девять месяцев я увидел, что все это лежит в пепле, когда, как

утверждают некоторые из наших трепещущих философов, семена чумы были полностью уничтожены, и не раньше, — понятие слишком нелепое, чтобы говорить здесь, поскольку, если бы семена чумы оставались в домах, которые не должны были быть уничтожены, но были уничтожены огнем, как могло случиться, что они с тех пор не вырвались наружу, видя все эти здания в пригородах и либерти, все в больших приходах Степни, Уайтчепел, Олдгейт, Бишопсгейт, Шордич, Крипплгейт и Сент-Джайлс, куда никогда не добирались пожары и где чума свирепствовала с наибольшей силой, остаются все в том же состоянии, в каком были раньше?

Но если оставить эти вещи такими, какими я их нашел, то было ясно, что те люди, которые были более чем обычно осторожны в отношении своего здоровья, действительно следовали особым указаниям относительно того, что они называли приправой для своих домов; и по этой причине было израсходовано множество дорогих вещей, которые, я не могу не сказать, не только приправили эти дома по их желанию, но и наполнили воздух очень приятными и полезными запахами, от которых другие получали долю пользы, а также те, кто был за их счет.

Хотя бедняки, как я уже говорил, приезжали в город очень поспешно, все же, должен сказать, богатые не так спешили. Деловые люди, действительно, приезжали, но многие из них не привозили свои семьи в город до наступления весны, и у них были основания полагаться на то, что чума не вернется.

Двор, действительно, прибыл вскоре после Рождества; но знать и джентри, за исключением тех, кто зависел от администрации и имел работу при ней, прибыли не так скоро.

Мне следовало бы обратить здесь внимание на то, что, несмотря на жестокость чумы в Лондоне и других местах, все же было очень заметно, что ее никогда не было на борту флота; и все же в течение некоторого времени существовала странная печать³⁴⁸ на реке и даже на улицах для моряков, обслуживающих флот. Но это было в начале года, когда чума только началась и совсем не докатилась до той части города, куда обычно набирают моряков; и хотя война с голландцами в то время вовсе не была благодарна народу, и моряки шли на службу с некоторой неохотой, и многие жаловались, что их втягивают в нее силой, все же в данном случае это было счастливым насильем для нескольких из них, которые, вероятно, погибли во время общего бедствия и которые после окончания летней службы, хотя у них и были причины для этого, пошли на войну. Они оплакивали опустошение своих семей (многие из которых, когда они вернулись, были в могилах), но все же у них было место быть благодарными за то, что их вынесли из пределов досягаемости этого, хотя и против их воли. У нас, действительно, в том году была горячая война с голландцами и одно очень крупное сражение³⁴⁹ в море, в котором голландцы потерпели поражение; но мы потеряли очень много людей и несколько кораблей. Но, как я заметил, чумы на флоте не было; и когда они пришли ставить корабли в реке, буйство стихии начало спадать.

Я был бы рад, если бы мог завершить рассказ об этом печальном году некоторыми конкретными историческими примерами, я имею в виду благодарность Богу, нашему Хранителю, за то, что мы были избавлены от этого ужасного бедствия. Конечно, обстоятельства освобождения, а также страшный враг, от которого мы были избавлены, требовали этого от всей нации. Обстоятельства избавления были действительно очень примечательными, как я уже частично упоминал; и особенно ужасное состояние, в котором мы все находились, когда нас, к удивлению всего города, обрадовали надеждой остановить инфекцию.

Ничто, кроме непосредственного перста Божьего, ничто, кроме всемогущей силы, не могло бы этого сделать. Зараза презирала все лекарства, смерть свирепствовала в каждом углу; и, если бы так продолжалось и дальше, еще несколько недель очистили бы город от всего, что имело душу. Люди повсюду начали впадать в отчаяние; каждое сердце замирало от страха; люди были доведены до отчаяния душевными муками; и ужас смерти читался на самих лицах людей.

В тот самый момент, когда мы вполне могли бы сказать: "Напрасна была помощь человека",³⁵⁰ — Я говорю, в тот самый момент Богу было угодно, с самым приятным сюрпризом, утихомирить ярость болезни даже саму по себе; и злокачественность уменьшилась, как я уже сказал, хотя заболело бесконечное количество людей, но умерло еще меньше; и счет за первую неделю составил уменьшилось на 1843 человека, действительно огромное число.

Невозможно передать перемену, которая произошла в самих лицах людей в тот четверг утром, когда вышел еженедельный счет. По их лицам можно было догадаться, что на лицах у всех было тайное удивление и радостная улыбка. Они пожимали друг другу руки на улицах, которые раньше вряд ли шли друг с другом по одной стороне дороги. Там, где улицы были не слишком широкими, они открывали окна и звонили из одного дома в другой, спрашивая, как у них дела и слышали ли они хорошие новости о том, что чума утихла. Некоторые возвращались, сообщая хорошие новости, и спрашивали: "Какие хорошие новости?" И когда они отвечали, что чума утихла, а счета уменьшились почти на две тысячи, они восклицали: "Слава Богу!" - и громко плакали от радости, говоря, что ничего об этом не слышали; и такова была радость людей, что для них это была, так сказать, жизнь из могилы. Я мог бы перечислить почти столько же экстравагантных поступков, совершенных ими от избытка радости, сколько и от горя; но это уменьшило бы их ценность.

Я должен признаться, что сам был очень удручен незадолго до того, как это произошло; ибо огромное количество заболевших за неделю или две до этого, помимо тех, кто умер, было³⁵¹ таких, и стенания повсюду были такими громкими, что человек, должно быть, действовал даже против своего разума, если он хотя бы надеялся спастись; и поскольку во всем моем районе вряд ли был хоть один дом, кроме моего, который не был бы заражен, так что, если бы так продолжалось и дальше, не прошло бы много времени, как заразились бы еще какие-нибудь соседи. В самом деле, едва ли можно поверить в то, какой ужасный хаос произвели последние три недели: ибо, если я могу верить человеку, чьи расчеты я всегда находил очень обоснованными, за те три недели, о которых я говорю, погибло не менее тридцати тысяч человек и около ста тысяч заболели; ибо число заболевших было удивительным, поистине поразительным, и те, чье мужество поддерживало их все это время, теперь пали духом.

В разгар их бедствия, когда положение лондонского сити было столь поистине катастрофическим, именно тогда Богу было угодно, так сказать, своей непосредственной рукой обезоружить этого врага: ядбыл извлечен из жала. Это было чудесно. Даже сами врачи были удивлены этому. Где бы они ни побывали, они находили своих пациентов лучше: либо они хорошо пропотели, либо опухоли исчезли, либо карбункулы сошли, а воспаления вокруг них изменили цвет, либо лихорадка спала, либо сильная головная боль утихла, либо у пациента был какой-нибудь хороший симптом, — так что через несколько дней все выздоравливали. Целые семьи, которые были заражены и умирали, с которыми молились служители и которые ежечасно ожидали смерти, были возрождены и исцелены, и никто из них вообще не умер.

И это произошло не благодаря какому-либо открытому новому лекарству, или новому методу лечения, или какому-либо опыту в операции, которого достигли врачи или хирурги; но, очевидно, тайная невидимая рука Бога изначально наслала на нас эту болезнь как приговор. И пусть атеистическая часть человечества называет мои слова как им заблагорассудится, это не энтузиазм: в то время это было признано всем человечеством. Болезнь ослабла, а ее вредоносность иссякла; и пусть она исходит откуда угодно, пусть философы ищут причины в природе, объясняющие ее, и трудятся столько, сколько захотят, чтобы уменьшить свой долг перед Создателем, те врачи, в которых была хоть малейшая доля религии, были вынуждены признать, что все это сверхъестественно, что это экстраординарно и что никакого объяснения этому дать нельзя.

Если бы я сказал, что это явный призыв ко всем нам к благодарности, особенно к нам, которые были в ужасе от ее возрастания, возможно, некоторые, после того как поняли смысл происходящего, сочли бы это назойливым перекосом религиозных понятий, произнесением проповеди вместо написания истории, становлением учителем вместо того, чтобы делиться своими наблюдениями о вещах (и это очень сильно удерживает меня от продолжения здесь, что я мог бы сделать в противном случае); но если десять прокаженных были исцелены, и только один вернулся, чтобы поблагодарить, я желаю быть таким, как этот, и быть благодарным для себя.

И я не стану отрицать, но было множество людей, которые, по всей видимости, были очень благодарны в то время: ибо их рты были заткнуты, даже рты тех, чьи сердца не были особенно долго затронуты этим; но впечатление было настолько сильным в то время, что ему не могли противостоять, нет, не худшие из людей.

Было обычным делом встречать на улице незнакомых людей, о которых мы вообще ничего не знали, выражающих свое удивление. Проходя однажды через Олдгейт, где проходило довольно много людей, из конца Минори выходит мужчина; и, посмотрев немного вверх и вниз по улице, он всплеснул руками: "Господи, какая здесь перемена! Да ведь на прошлой неделе я приезжал сюда, и почти никого не было видно. Другой человек (я слышал его) добавляет к своим словам: "Все это чудесно; все это сон". "Благословен Бог!" — говорит третий мужчина. "и давайте возблагодарим его за то, что все это его рук дело". Человеческая помощь и человеческое мастерство были на исходе. Все они были незнакомы друг с другом, но подобные приветствия происходили на улицах каждый день; и, несмотря на распущенное поведение, самые простые люди ходили по улицам, вознося Богу благодарность за свое избавление.

Именно сейчас, как я уже говорил, люди отбросили все опасения, и это произошло слишком быстро. В самом деле, теперь мы больше не боялись проходить мимо человека в белой шапочке на голове, или с тряпкой, обмотанной вокруг шеи, или с прихрамывающей ногой, вызванной язвами в паху, — все это было ужасно до последней степени всего неделю назад. Но теперь улица была полна ими, и эти бедные выздоравливающие существа, отдадим им должное, казались очень довольными своим неожиданным избавлением, и я был бы очень несправедлив к ним, если бы не признал, что, по-моему, многие из них были действительно благодарны; но я должен признать, что в отношении большинства людей о них можно было бы с полным основанием сказать то же, что было сказано о детях Израиля после их освобождения из воинства Фараона, когда они переправились через Красное море и, оглянувшись назад,

увидели египтян, утопающих в воде, а именно: "что они пели Ему хвалу, но они вскоре забыл о своих работах".³⁵²

Здесь я больше не могу идти. Меня сочли бы осуждающим и, возможно, несправедливым, если бы я взялся за неприятную работу по размышлению, какова бы ни была причина для этого, о неблагодарности и возвращении всевозможного зла среди нас, свидетелем которого я сам был. Поэтому я завершу рассказ об этом катастрофическом году моей собственной грубой, но искренней строфой, которую я поместил в конце моих обычных записок в тот же год, когда они были написаны:

В шестьдесят пятом году в Лондоне была ужасная эпидемия чумы,
Которая
унесла сто тысяч душ,
но я остался жив.
Н.Ф.³⁵³

Сноски

⁴ В Лондоне широко распространено мнение, что чума пришла из Голландии; но санитарных (или, скорее, антисанитарных) условий самого Лондона было вполне достаточно, чтобы объяснить зарождение чумы именно там. Эндрю Д. Уайт говорит нам, что сегодня трудно сделать выбор между Константинополем и Нью-Йорком в качестве кандидатов на звание самого грязного города в мире.

⁵ Неправильно используется для "советов".

⁶ В апреле 1663 года был открыт первый театр на Друри-Лейн. Нынешний театр "Друри-Лейн" (четвертый) стоит на том же месте.

⁷ Королевских министров. В то время они занимали свои посты по воле короны, а не, как сейчас, по воле парламентского большинства.

⁸ Очагов гангрены (см. Текст, стр. 197, 198).

⁹ Местное самоуправление Лондона в то время находилось в основном в руках ризниц различных приходов. Только в последние годы полномочия этих ризниц были серьезно урезаны и переданы районным советам.

¹⁰ Отчет.

¹¹ произносится как Hoburn.

¹² Было.

¹³ Были.

- 14 Отдаленных округов; названы так потому, что они пользовались определенными муниципальными иммунитетами или свободами. До недавних лет часть Филадельфии была известна как "Северные свободы".
- 15 Попыток поверить в уменьшение зла.
- 16 Было.
- 17 Были.
- 18 Главный исполнительный директор Лондонского сити по-прежнему носит этот титул.
- 19 Один из многих примеров, когда Дефо смешивает времена года.
- 20 Человек. Мы найдем еще много примеров неправильного использования Дефо этой формы, а также других (см. Введение, стр. 15).
- 21 Используется почти в первоначальном значении военного барьера.
- 22 Кого.
- 23 См. Мэтт, ххvii. 40; Марка хv. 30; Луки ххiii. 35.
- 24 Отказа.
- 25 Гражданская война между роялистами и парламентариями, 1642-51.
- 26 Кого.
- 27 Этот аргумент аккуратно введен для объяснения того, что рассказчик вообще оставался в городе, когда он мог легко сбежать.
- 28 Объясняется двумя следующими фразами.
- 29 Кого.
- 30 "Лежал рядом со мной", то есть постоянно был в моих мыслях.
- 31 Спасен от чумы.
- 32 "Время мое в руке твоей" (Пс. ххxi. 15).
- 33 Доркинг находится примерно в двадцати милях к юго-западу от Лондона.
- 34 Скорее Сент-Мартин-ин-те-Филдс и Сент-Джайлс.
- 35 Было.
- 36 Карл II. и его придворные. Неприкосновенность Оксфорда, несомненно, была обусловлена хорошим дренажем и общей чистотой.
- 37 Eccl. xii. 5.
- 38 Видели.

39 Также. Это неправильное использование "или" вместо "ни" часто встречается у Дефо.

40 Четыре судебные гостиницы в Лондоне, которые имеют исключительное право вызова в коллегия адвокатов, - это Иннер Темпл, миддл Темпл, линкольнс Инн и Грейс Инн. Храм назван так потому, что когда-то он был домом рыцарей-тамплиеров.

41 Собственно город, то есть часть внутри стен, в отличие от той, что снаружи.

42 Были.

43 Население Лондона в то время составляло, вероятно, около полумиллиона человек. Сейчас их около шести миллионов. (Смотрите "Историю Маколея", глава iii.)

44 Акельдама, поле крови (см. Матф. xxvii. 8).

45 Флегматичный ипохондрик - это противоречие в терминах; ибо "флегматичный" означает "бесстрастный, сдержанный", в то время как "ипохондрик" означает "болезненно озабоченный" (своим здоровьем). Эрудиция Дефо была обычной шуткой среди его более образованных противников, таких как Свифт и Поуп.

46 Именно в этот самый чумной год Ньютон сформулировал свою теорию тяготения. Каким бы невероятным это ни казалось, в то же время даже такие люди, как Драйден, верили в астрологию.

47 Уильям Лилли был самым известным астрологом и составителем альманахов того времени. В "Худибрах" Батлера он высмеивается под именем Сидрофель.

48 "Альманах бедного Робина" был впервые опубликован в 1661 или 1662 году и приписывался поэту Роберту Херрику.

49 См. откp. xviii. 4.

50 Джона iii. 4.

51 Иосиф Флавий, автор "Истории иудейских войн". Предполагается, что он умер в последнем десятилетии первого века нашей эры.

52 Назван так потому, что там жило много французов. В Вестминстере был еще один район с таким же названием.

53 "Напоил их парами", то есть привел в состояние нервного возбуждения.

54 Предсказателей.

55 В астрологии схема или рисунок небес в момент рождения человека. Исходя из этого, астрологи делали вид, что предсказывают судьбу человека.

56 Роджер Бэкон, францисканский монах XIII века, обладал знаниями в области механики и оптики намного раньше своего возраста: поэтому его обычно считали волшебником. Медная голова, которую он изготовил, должна была помогать ему в его некромантических подвигах; так ее представил Грин в своей пьесе о брате Бэконе и брате Бангее (1594).

- 57 Гадалка, жившая во времена правления Генриха VIII., и прославившаяся своими пророчествами.
- 58 Самый знаменитый волшебник средневековья (см. "Королева фей" Спенсера и "Мерлин и Вивьен" Теннисона).
- 59 Лыняной воротник или оборка.
- 60 Нем.
- 61 Первоначально "Интерлюдия" представляла собой короткую юмористическую пьесу, разыгрываемую посреди нравоучительной пьесы, чтобы развеять скуку этого очень утомительного представления. Из интерлюдии развился фарс, а из фарса - комедия.
- 62 Карл II и его придворные из своего долгого изгнания во Франции привезли с собой в Англию французскую моду в литературе и искусстве.
- 63 Требуется действие.
- 64 Шуты, клоуны.
- 65 Около 62½ центов.
- 66 Около двадцати пяти долларов; но покупательная способность денег тогда была в семь или восемь раз выше, чем сейчас.
- 67 Строго говоря, это слово означает "любовные зелья".
- 68 Экзорцизм - это акт изгнания злых духов или формула, используемая в акте. Дефо употребил здесь это слово небрежно и неточно.
- 69 Кусочков металла, пергамента и т.д., которые носят как амулеты.
- 70 Крестное знамение.
- 71 Бумага, на которой были отмечены знаки зодиака, — суеверие из астрологии.
- 72 Бессмысленное слово, используемое в заклинаниях. Первоначально это имя сирийского божества.
- 73 Iesus Hominum Salvator ("Иисус, Спаситель людей"). Орден иезуитов был основан Игнатием де Лойолой в 1534 году.
- 74 Праздник Святого Михаила, 29 сентября.
- 75 Такое использование "to" вместо "of" часто встречается у Дефо.
- 76 Королевский колледж врачей был основан Томасом Линакром, врачом Генриха VIII. Почти каждый известный лондонский врач является членом клуба.
- 77 Собственно Лондонский сити полностью расположен в графстве Мидлсекс.
- 78 Буквально "рабочие руки"; теперь сокращено до "хирурги".

- 79 Забот, обязанностей.
- 80 Подтверждающих знание.
- 81 Утилизировано для всеобщего сведения, введено в обращение.
- 82 То есть из-за болезни.
- 83 случая.
- 84 Занято.
- 85 Куч мусора.
- 86 Что-то вроде приходского констебля.
- 87 Автор, по-видимому, имеет в виду, что нищие настолько назойливы, что их невозможно избежать.
- 88 Драки между собаками и медведями. Это не было объявлено уголовным преступлением в Англии до 1835 года.
- 89 Состязаний с мечом и щитом.
- 90 Гильдии или организации торговцев, такие как ювелиры, торговцы рыбой, портные-торговцы.
- 91 Собор Святой Екатерины у башни.
- 92 Тринити (к востоку от Минори). Минори (улица, идущая к северу от Башни) была названа так в честь монахинь аббатства Святой Клары, называемых Минорессами. Они получили свое название от имени францисканского ордена, *Fratres Minores*, или Меньших братьев.
- 93 Собор Святого Луки.
- Бишопсгейт, Сент-Ботолф, 94.
- 95 Сент-Джайлс, Крипплгейт.
- 96 Были.
- 97 Сорочка.
- 98 Это слово неуместно; оно должно стоять перед словом "погибнуть".
- 99 Перед "иметь" укажите "мастер".
- 100 ограждений.
- 101 Из.
- 102 Эта старая форма слова "пойманный" часто используется Дефо.
- 103 Потерпели неудачу.
- 104 "Кто, будучи" и т.д., то есть кто, хотя и холостой мужчина, все же остался.

- 105 Войны Содружества или Пуританская революция, 1640-52.
- 106 Голландия и Бельгия.
- 107 "Обиженный" - распространенная форма выражения, использовавшаяся во времена Дефо.
- 108 Менеджер, экономист. Это значение слова "муж" устарело.
- 109 Причастная форма выражения, очень распространенная в древнеанглийском, "а" является искажением "in" или "on".
- 110 Были.
- 111 ""Именем Бога", то есть во имя Бога.
- 112 горелок.
- 113 "Туда и еще раз", то есть туда и обратно.
- 114 Были.
- 115 Как будто.
- 116 Сорока.
- 117 Это слово происходит от того же корня, что и "лампа". Старая форма "фонарь" возникла из обычая делать стенки фонаря из рога.
- 118 Указать "be".
- 119 Наклон.
- 120 В ожидании времени, когда.
- 121 Они проверяются.
- 122 Этот абзац вряд ли можно было выразить более неуклюже. Будет найдено полезное упражнение по его переписыванию.
- 123 "To have goed", то есть отправиться.
- 124 Замечено.
- 125 "Вносить изменения", то есть терпеть это.
- 126 Устройство, целесообразное.
- 127 "Во всех", очевидно, является повторением.
- 128 Объектов просто не могут возникнуть. Дефо, должно быть, имеет в виду "множество мрачных зрелищ, которые я видел, когда ходил по улицам".
- 129 As.

- 130 "Канифоль" - это давняя ошибка в написании слова "смола". Из сосен выделяется смола, и из нее путем дистилляции отделяют скипидарное масло.
- 131 В отличие от мяса рыбы.
- 132 Дефо использует эти местоимения в неправильном числе, как и во многих других случаях.
- 133 Выступающая часть здания.
- 134 Их чудесная сохранность была достигнута благодаря содержанию на свежем воздухе открытых полей. Кажется любопытным, что после этого наглядного урока врачи упорствовали в своей абсурдной политике закрытия зараженных домов, тем самым практически обрекая на смерть своих обитателей.
- 135 Используется здесь для обозначения "этого", как и во многих других местах.
- 136 Поставить "с."
- 137 Подобные штрихи породили широко распространенное и стойкое убеждение, что вымышленный дневник Дефо был подлинной историей.
- 138 "Выдыхаются" и т.д., т. е. теряют самоконтроль.
- 139 Идиотизм. В современном английском языке "идиотизм" - это то же самое, что и "идиома".
- 140 Гангрена, отмирание мягких тканей.
- 141 Перед "этим " предложением"нам сообщили".
- 142 В то время повешение было обычным наказанием за кражу. В своем романе "Молл Фландерс" Дефо ярко изобразил душевные и физические страдания женщины, которую отправили в Ньюгейт и приговорили к смертной казни за кражу двух лоскутков шелка.
- 143 Ткань, тряпка.
- 144 Они больше не могли устраивать им регулярные похороны, но были вынуждены хоронить их беспорядочно в ямах.
- 145 Очевидно, повторение.
- 146 В староанглийском и среднеанглийском два отрицания не составляли утвердительного, как это происходит в современном английском.
- 147 Теперь хорошо известно, что рута не обладает свойствами, полезными для предотвращения заражения.
- 148 "Настроил", то есть начал воспроизведение.
- 149 Ограничено.
- 150 Потому что им было бы отказано в доступе к другим портам.
- 151 Вопрос. Так использовал Шеридан в "Соперниках", акт III. часть 2.

- 152 Вероятно, опечатка в слове "значительно".
- 153 Это.
- 154 Есть.
- 155 Ему действительно дали на два дня больше, чем на два месяца.
- 156.
- 157 Диапазон, ограничения.
- 158 Неизвестно.
- 159 Лжи.
- 160 Было.
- 161 Обратите внимание на этот искусный штрих, придающий повествованию правдоподобие.
- 162 страны.
- 163 "Без решеток", то есть за пределами старого города.
- 164 Профессия.
- 165 Чума.
- 166 Юридическое значение термина "гамлет" в Англии - деревня без собственной церкви: следовательно, с церковной точки зрения она принадлежит приходу какой-то другой деревни.
- 167 Все протестантские секты, кроме Официальной Церкви Англии.
- 168 Крупа равна четырем пенсам, примерно восьми центам. Сейчас это не придумано.
- 169 Фартинг равен одной четверти пенни.
- 170 Примерно в десяти милях вниз по Темзе.
- 171 В этом слове нет буквы.
- 172 Хлеба с твердой приправой.
- 173 Старая форма слова "rode".
- 174 Смотрите последнее предложение предпоследнего абзаца.
- 175 Рейд, место стоянки, менее защищенное, чем гавань.
- 176 Заменить словами "чтобы их не посещали".
- 177 Чума.
- 178 Собор Святой Маргариты.
- 179 *Примечание*, обратите внимание.

180 Дулич. Все эти места расположены к югу от Лондона. Норвуд находится в шести милях отсюда.

181 Старая форма слова "осмелился".

182 Малых судов, обычно оснащенных шхунами, используемых для перевозки тяжелых грузов по рекам и гаваням.

Лондонский мост, 183.

184 Этот инцидент настолько преувеличен, что не вызывает жалости, а скорее вызывает наш смех.

185 Поставляют "сами".

186 Барнет находился примерно в одиннадцати милях к северо-северо-западу от Лондона.

187 Голландия и Бельгия.

188 См. Евангелие от Луки xvii. 11-19.

189 Хорошо.

190 Со скоростью, в спешке.

191 Это слово неуместно. Это должно быть сделано непосредственно перед "подать заявку".

192 Удачи.

193 Кого.

194 Маленький парус, установленный высоко на мачте.

195 "Взял длинный компас", то есть пошел круглым путем.

196 офицеров.

197 Отклонена.

198 Почти в двадцати милях к северо-востоку от Лондона.

199 Не. Это плеонастическое употребление союза с родственником распространено среди неграмотных писателей и ораторов в наши дни.

200 Уолтем и Эппинг, города, расположенные на расстоянии двух-трех миль друг от друга, на расстоянии десяти-двенадцати миль почти непосредственно к северу от Лондона.

201 Деревья Полларда - это деревья, обрезанные почти до ствола, из-за чего образуется густая головка (*пыльца*) ветвей.

202 Развлечения. В этом смысле множественное число "четверти" является более распространенной формой.

203 Подготовка.

204 Коробейника.

205 "Было" - чудовищный синоним слова "были".

206 В чудесной степени.

207 "Приложил к этому все усилия", то есть сильно нажал.

208 В еврейских Священных Писаниях есть многочисленные ссылки на сушеную кукурузу как продукт питания (см., среди прочего, Лев. xxiii. 14, Руфь ii. 14, 2 Цар. xvii. 28).

209 Supply "(1)."

210 Скоро.

211 Заменить "бы".

212 Кого.

213 Знакомых сношений.

214 Очевидно, повторение.

215 "За это", то есть потому, что.

216 По отдельности.

217 Предложение "быть".

218 Зданий, стропила которых опираются на внешнюю стену другого здания.

219 Предложение "из."

220 Чума.

221 "Люди среднего достатка", то есть люди среднего класса.

222 В устье Темзы.

223 маркизы.

224 Две тяжелые балки, расположенные горизонтально, верхнюю из которых можно поднять. Когда его опускают, он удерживается на месте висячим замком. Выемки в бревнах образуют отверстия, через которые просовываются ноги заключенного и надежно удерживаются.

225 констеблей.

226 картеров.

227 Товаров.

228 Несмотря на, несмотря на.

229 Указать "кто".

230 "Cum aliis", то есть с другими. Большинство мест, упомянутых в этом списке, находятся на расстоянии нескольких миль от Лондона: например, Энфилд находится в десяти милях к северо-востоку; Хэдли - более чем в пятидесяти милях к северо-востоку; Хартфорд - в двадцати милях к северу; Кингстон - в десяти милях к юго-западу; Сент-Олбанс - в двадцати милях к северо-западу; Аксбридж - в пятнадцати милях к западу; Виндзор - в двадцати милях к западу; и т.д.

231 С уважением.

232 Который.

233 гражданина.

234 Подобных заявления.

235 Вместо "таким образом" замените "так".

236 Как.

237 Во времена Дефо не было известно, что мельчайшие болезнетворные микробы могут переноситься воздушным потоком.

238 Больных цингой.

239 "Который" применительно к лицам является старой доброй английской идиомой и был широко распространен еще в 1711 году (см. Spectator № 78; и Matt. vi. 9, версия 1611 года).

240 Брошена на.

241 человек переоделся.

242 Предложения "Я слышал".

243 At.

244 Для продолжительности выходных дней назначаются различные периоды: возможно, с 3 июля по 11 августа это наиболее распространенный вариант. Собачьи дни были названы так потому, что они совпадали с гелиакическим восходом Сириуса или Каникулы (маленькой собачки).

245 Гостиница с таким названием (и, вероятно, изображением братьев), нарисованная на ее вывеске.

246 Кого.

247 Закон о единообразии был принят в 1661 году. Он требовал, чтобы все муниципальные чиновники и все министры приняли причастие в соответствии с ритуалом Англиканской церкви и подписали документ, в котором говорилось, что оружие никогда не должно подниматься против короля. За отказ подчиниться этой тиранической мере около двух тысяч пресвитерианских священников были лишены средств к существованию.

248 Безумие, как в "Гамлете", акт III. часть 1.

249 "Представляли себя" и т.д., то есть предстали моему взору.

250 "Глухая часть ночи", то есть от полуночи до рассвета. Сравнить,
"В мертвой пустыне посреди ночи". *Гамлет*, акт I, часть 2.

251 "Имели решающее значение" и т.д., т.Е. Утверждали, что обладают достаточными знаниями, чтобы сказать.

Вводится 252.

253 Чума.

254 "Первый начал" - солецизм, распространенный в современных газетных публикациях.

255 Буквально, законы *by* (города). В современном обиходе термин "подзаконный акт" используется для обозначения нормы менее общего характера, которую труднее изменить, чем конституционное положение.

256 "Шериф" эквивалентно *шир-риву* (магистрату графства). В Лондоне было и остается два шерифа.

257 Действовало.

258 Проверка в соответствии с постановлением о весах, мерах и ценах.

259 "Довольно много", то есть изрядное количество.

260 офицеров.

261 Были.

262 "Переходит к серьезной части", то есть начинает рассуждать о серьезных вещах.

263 См. [примечание, стр. 28](#). Мусульмане - фаталисты.

264 Разрастание костной ткани, соединяющей конечности при переломах костей.

265 раскрыто.

266 офицеров.

267 Главный принцип.

268 Дефо означает "может сжечь только несколько домов". В следующей строке он снова ставит "только" не так.

269 Вводит в заблуждение.

270 Оставлена без рассмотрения.

271 Смута.

272 Средство для определения того, был ли человек инфицирован или нет.

273 Незнание Дефо микроскопов не разделял Роберт Гук, чья микрофотография (опубликована в 1664 году) зафиксировала многочисленные открытия, сделанные с помощью этого инструмента.

274 Руп - это разновидность куриного катара.

275 Них, то есть таких экспериментов.

276 От латинского *quadraginta* ("сорок").

277 От латинского *sexaginta* ("шестьдесят").

278 Видов, разновидностей.

279 лет от старости.

280 Абсцессов.

281 Сам.

282 Эфирные масла лаванды, гвоздики и камфары, добавленные к уксусной кислоте.

283 В химии бальзамы представляют собой растительные соки, состоящие из смол, смешанных с камедями или эфирными маслами.

284 Предложения "они отказались прийти на публичное богослужение".

285 Таково положение дел.

286 Ошейник.

287 Эконом.

288 Предложений "они были".

289 действий (устаревшее в этом смысле). Смотрите это слово так, как оно используется во 2-м Генрихе IV, акт iv. sc. 4.

290 Который.

291 На сленге моряков "Архипелаги".

292 Важный город в Малой Азии.

293 Город на севере Сирии, более известный как Искандерун или Александретта. Город был назван в честь Александра Македонского, турецкая форма имени Александр - Искандер.

294 Алгарве, хотя и назывался королевством, был не чем иным, как провинцией Португалии. Сейчас он известен как Фаро.

295 Уроженцы Фландрии, средневекового графства, ныне разделенного между Голландией, Бельгией и Францией.

296 колоний. В правление Карла II английскими колониями управлял комитет (Тайного совета), известный как "Совет плантаций".

297 Восточная сторона.

298 На западной стороне.

299 Все эти места можно найти на карте Англии. Февершем находится в графстве Кент, в сорока пяти милях к юго-востоку от Лондона; Маргейт - на острове Танет, в восьмидесяти милях к юго-востоку.

300 комиссионных продавцам.

301 Капер. *Каперсы* - голландское слово.

302 Укажите "он".

303 Поставка "углей".

304 "Друг друга", из-за путаницы конструкций, здесь использовано для обозначения "них".

305 года По статуту Карла II. емкость котла была рассчитана на 36 бушелей угля. В Соединенных Штатах она обычно весит 26 $\frac{1}{4}$ центнера.

306 открывающихся.

307 "Искать", то есть без суждения или знания.

308 сведение.

309 нем.

310 Это неосторожное поведение.

311 Подумать.

312 Были.

313 Принять.

314 Личных вещей, которые привели к смерти человека и поэтому были отданы Богу (*Deo*, "Богу"; *dandum*, "отданное"); т.е. конфискованы королем и им розданы в качестве милостыни. Этот любопытный закон деоданда был отменен в Англии только в 1846 году.

315 Южное побережье Средиземного моря, от Египта до Атлантики.

316 Порицание.

317 Далее.

318 "Лечебный сад", то есть сад для выращивания лекарственных трав.

319 с.

320 Лорд-мэр Лондона в 1679-80 годах и в течение многих лет член городского парламента.

321 Рабочий.

322 Распознана.

323 Ограждена.

324 Члена Общества друзей, религиозной организации, основанной Джорджем Фоксом около 1650 года. Уильям Пенн был одним из первых членов. Общество осуждает оплачиваемое служение, принесение присяги и развязывание войны.

325 См. стр. 105, рядом с последним абзацем.

326 штампов. "От чумы" должно следовать сразу за "умер".

327 См. [Примечание 3, стр. 26](#).

328 Акт о возмещении ущерба, принятый при реставрации Карла II. (1660). Несмотря на обещание короля восстановить справедливость, у парламентариев была в значительной степени отобрана их собственность, а десять из тех, кто был причастен к казни Карла I. были казнены.

329 Мир в семье и в личной жизни.

330 Учрежденная Англиканская церковь, почти все служители которой были роялистами. Почти все пресвитериане были республиканцами.

331 Несогласный министр.

332 Церковники.

333 Из.

334 То, что мы должны называть помощником священника, в англиканской церкви по-прежнему называется викарием.

335 "Я этого не говорил" и т.д., т.е. Я бы этого не сказал, а предпочел бы выбрать и т.д.

336 См. Откр. vi. 8.

337 Переехали (в деревню).

338 Обязанности руководителей районов мало чем отличались от обязанностей констеблей. Название теперь устарело.

339 кол-во.

340 "Обязательно". В этом смысле обычен у Чосера. Прошедшее время "должен" сохраняет что-то от этой силы. Сравните немецкий *сollen*.

341 Иначе известен как *териак* (от греческого *thêiakos* - "относящийся к дикому зверю", поскольку предполагалось, что он является противоядием от ядовитых укусов). Это лекарство состояло из шестидесяти или семидесяти снадобий и было смешано с медом.

342 источника "вышли из строя".

343 Предложения "из".

344 Заменить "который".

345 тех.

346 Разновидность "бензоина", смолистого сока, получаемого из дерева, произрастающего в Сиаме и на Малайском архипелаге. При нагревании он издает приятный запах. Это один из ингредиентов, используемых в придворной штукатурке.

347 Это слово следует опустить.

348 "Банда прессы" представляла собой военно-морское подразделение под командованием офицера, уполномоченное захватывать людей и уводить их для службы на военных кораблях.

349 от Лоустофта, в 1665 году. Хотя голландцы были разбиты, они успешно отступили и на следующий год нанесли англичанам сокрушительное поражение в битве при Даунсе.

350 См. Ps. lx. 11; cviii. 12.

351 Были.

352 См. Исх. xiv., xv. и xvi. 1-3.

353 "H.F.", конечно, вымышлена.